

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

31-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 9

СЕНТЯБРЬ
1 9 5 4

ЗА УЛУЧШЕНИЕ РАБОТЫ НАРОДНЫХ СУДОВ

В декабре этого года истекает срок полномочий народных судов, избранных в 1951 году.

Прошедшие в 1951 году выборы народных судов явились новым торжеством советского демократизма, имели большое значение в улучшении их деятельности по дальнейшему укреплению социалистической законности и охране прав и интересов советских граждан. После выборов кадры народных судей и народных заседателей значительно укрепились: увеличилось количество народных судей с высшим юридическим образованием, подавляющее большинство народных судей имеет достаточный жизненный опыт и опыт практической работы в органах юстиции и суда.

За это время органы юстиции провели ряд мероприятий, направленных на улучшение работы народных судов. В большинстве народных судов ежегодно проводились ревизии, в процессе которых судам оказана практическая помощь.

Во многих городах и районах регулярно проводятся семинарские занятия с народными судьями по наиболее актуальным вопросам судебной практики. Народные судьи проходят производственную практику в областных, краевых судах, в верховных судах союзных и автономных республик. Народные судьи, не имеющие высшего юридического образования, поступают во Всесоюзный заочный юридический институт. В настоящее время на заочных отделениях высших юридических учебных заведений обучается значительное количество народных судей. В 1952—1953 гг. получили заочно высшее юридическое образование 375 народных судей, 474 народных судьи учились на девятимесячных курсах переподготовки юристов.

Многие народные судьи, являя собой образец честного служения Родине, добились высокого качества судебной работы, с честью оправдают доверие избирателей.

Народный судья 2-го участка Икрянинского района Астраханской области В. М. Аншаков в результате исключительно добросовестного и вдумчивого отношения к работе, систематического повышения своей теоретической подготовки добился того, что народный суд с декабря 1951 года совершенно не имеет отмены приговоров и решений. Продолжительное время нет отмененных приговоров и решений также в народных судах Брестского района Брестской области (народный судья М. И. Судковский), 2-го участка Смоленского района Смоленской области (народный судья Г. М. Старозубов), 1-го участка Сталинского района Астраханской области (народный судья Г. Л. Зубков) и других.

Однако в работе отдельных народных судов до сего времени имеются существенные недостатки, снижающие общий уровень отправления правосудия.

Серьезным нарушением социалистической законности являются факты необоснованного привлечения и осуждения граждан. Например, народный суд 3-го участка Калининского района г. Тбилиси осудил к полутора годам лишения свободы бухгалтера одного из предприятий Бойченко только за то, что он несвоевременно представил бухгалтерский отчет.

При определении меры наказания народные суды нередко не учитывают конкретных обстоятельств рассматриваемого дела, характера и мотивов совершенного преступления, степени его опасности для общества, не принимают во внимание данных, характеризующих личность, жизнь и работу подсудимого, и поэтому применяют несоразмерно суровые меры наказания с длительными сроками лишения свободы за малозначительные преступления, совершенные лицами, в прошлом ничем не опороченными. Так, народный суд 3-го участка г. Котласа Архангельской области осудил к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере Сиделкина, похитившего старый жестяной умывальник, а народный суд Лисичанского района Ворошиловградской области осудил к заключению в исправительно-трудовом лагере Тура к двадцати годам и Федорченко к десяти годам за хищение толя на 47 рублей.

Совершенно ясно, что избрание таких суровых мер наказания в приведенных выше случаях не вызывалось никакой необходимостью и должно быть оценено как нарушение советской законности.

Народные судьи ведут решительную борьбу с наиболее опасными преступниками: убийцами, грабителями, хулиганами, расхитителями социалистической собственности. Однако имеются еще отдельные случаи либерального отношения народных судов к таким преступникам. Так, народный суд 5-го участка Кировского района г. Днепрпетровска под председательством народного судьи т. Шевченко необоснованно оправдал вора-рецидивиста Олейника, уличенного в краже личного имущества

граждан. Днепропетровский областной суд по протесту прокурора отменил этот неправильный приговор. Однако Олейник успел скрыться и, организовав в г. Харькове банду, совершил ряд убийств и ограблений. Необоснованно был оправдан народным судом 1-го участка Сталинского района г. Тбилиси Усов, совершивший разбойное нападение. Воспользовавшись своим освобождением из-под стражи, Усов скрылся и через некоторое время вновь совершил ограбление. Подобного рода факты не могут быть более терпимы.

Основная задача народных судов состоит в том, чтобы, не ослабляя, а, наоборот, усиливая борьбу с особо опасными для общества преступниками, в то же время осторожно, вдумчиво подходить к привлечению к уголовной ответственности и избранию мер наказания лиц, в прошлом ничем не опороченных, впервые совершивших незначительные преступления, не допуская ни одного случая необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения граждан.

Большое место в работе народных судов занимает рассмотрение гражданских дел. Гражданские споры, рассматриваемые в народных судах (в особенности трудовые, жилищные, алиментные), затрагивают жизненно важные права и интересы советских граждан. Именно поэтому правильное, в строгом соответствии с законом и своевременное рассмотрение гражданских дел имеет чрезвычайно важное политическое значение.

Между тем многие народные судьи до сего времени неправильно относятся к гражданским делам, считают их малозначительными, второстепенными. Еще немало случаев неправильного отказа народными судами гражданам в восстановлении их нарушенных трудовых прав (в частности, неправильного отказа в восстановлении на работе), незаконного выселения граждан из квартир, удовлетворения рваческих требований некоторых недобросовестных граждан за счет колхозов и других нарушений закона.

В связи с этим значительное количество судебных решений народных судов отменяется вышестоящими судебными инстанциями.

Министерства юстиции союзных и автономных республик и управления юстиции в краях и областях должны решительнее бороться с подобным неправильным отношением некоторых судей к рассмотрению гражданских дел. Областные и краевые суды должны всемерно повышать свою роль в улучшении работы народных судов.

В ряде народных судов допускается нетерпимая волокита с исполнением судебных решений о взыскании алиментов. Исполнительные листы длительное время путешествуют из одного народного суда в другой или даже в одном суде — от секретаря к судебному исполнителю.

Органы прокуратуры и милиции все еще не ведут надлежащей борьбы с лицами, злобно уклоняющимися от уплаты алиментов.

На советский народный суд возлагаются большие и ответственные задачи по отправлению правосудия. Успешное выполнение им этих

задач в значительной мере зависит от правильной организации работы.

Между тем в отдельных народных судах этому вопросу не придается должного значения: работа проводится неорганизованно, на недостаточно культурном уровне. Например, не во всех народных судах установлены определенные дни и часы приема граждан, не все народные судьи соблюдают установленные дни и часы приема, некоторые судьи принимают граждан только в утренние часы, перед началом судебного заседания. Советы и разъяснения гражданам зачастую даются наспех, не вполне квалифицированно. Работники канцелярии некоторых судов и судебные исполнители допускают грубость по отношению к обращающимся к ним гражданам (подобные факты имели место в народных судах 3-го участка Сталинского района, 2-го участка Кагановичского района, 1-го участка Смолевичского района Минской области, Раменского района Московской области, Москворецкого района Москвы).

Нередко народные судьи не составляют планов работы суда или не выполняют их, недостаточно авторитетно и культурно проводят судебные заседания, не уделяют должного внимания правильному и аккуратному оформлению дел и судебных документов.

Эти недостатки в организации работы народных судов должны быть немедленно устранены.

Важное значение в работе народных судов имеет выполнение ст. 29 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, которая обязывает народных судей регулярно отчитываться перед избирателями в своей работе и работе народного суда. Отчеты народных судей перед избирателями обеспечивают непосредственную живую связь народных судей с избирателями, способствуют развешиванию критики недостатков и тем самым улучшению работы народных судов.

Между тем в ряде мест эта важнейшая работа явно недооценивается, — некоторые народные судьи совершенно не выступают с отчетными докладами или проводят их недостаточно квалифицированно.

Большие и ответственные задачи по отправлению правосудия в нашей стране, стоящие перед народными судами, требуют и серьезной перестройки работы министерств юстиции союзных и автономных республик и управлений юстиции в краях и областях.

Выполняя указания ЦК КПСС, органы юстиции несколько улучшили свою работу: сократился поток бумаг, рассылаемых из центра на места; отменены многие приказы и указания, вносившие формализм в работу; резко сокращена отчетность; руководящие работники органов юстиции стали чаще выезжать на места для контроля и оказания практической помощи в работе. Однако все это только первые шаги. Искоренение же бюрократизма и волокиты в органах юстиции и суда — не кратковременная кампания, а упорная, терпеливая, повседневная работа. Руководители органов юстиции, начиная от Министерства юстиции СССР, должны усиливать практическую помощь народным судам, непре-

равно совершенствуя методы и формы контроля над их деятельностью.

Дальнейшее улучшение работы народных судов — важнейшая задача, имеющая большое политическое значение.

Необходимо добиться такого положения, чтобы народные суды при рассмотрении уголовных и гражданских дел не допускали никаких нарушений закона, чтобы работа народных судов велась организованно, на высоком политическом и культурном уровне.

Обязанность народных судей, работников областных, краевых и верховных судов, управлений юстиции в краях и областях и министерств юстиции Союза, союзных и автономных республик — выполнить эту задачу в кратчайший срок.

В ИНТЕРЕСАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Изданный 14 августа 1954 г. указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» имеет важное значение для дальнейшего улучшения дела советского правосудия. Этим указом президиумы верховных судов союзных республик уполномочены рассматривать уголовные и гражданские дела в порядке надзора по протестам Генерального Прокурора СССР, Председателя Верховного суда СССР, прокуроров союзных республик и председателей верховных судов союзных республик и их заместителей на приговоры, решения и определения судебных коллегий верховных судов союзных республик.

Президиумы верховных судов автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей рассматривают уголовные и гражданские дела в порядке надзора по протестам прокуроров автономных республик, краев, областей и автономных областей и председателей верховных судов автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей на кассационные определения судебных коллегий этих судов и на вступившие в законную силу приговоры и решения народных судов.

Важнейшее значение указа от 14 августа 1954 г. заключается в приближении надзора к деятельности нижестоящих судов, в первую очередь народных судов. Устраняется такое положение, когда для исправления любой, часто самой маловажной ошибки народного суда в приговоре или решении, вступившем в законную силу, дело необходимо было направлять в верховный суд или прокуратуру союзной республики, за сотни и даже тысячи километров. Так, по делу колхозницы Агафоновой, осужденной народным судом Пестречинского района Татарской АССР к двум месяцам исправительно-трудовых работ за самоуправство, потребовалось специальное определение Верховного суда РСФСР для отмены явно незаконного приговора, так как выяснилось, что Агафонова действовала не самовольно, а с разрешения бригадира. Приговор был отменен, примерно, через полгода, когда Агафонова уже отбыла наказание.

Почти через год отменил Верховный суд РСФСР приговор народного суда 2-го участка Камешковского района Владимирской области по делу Бояркиной, осужденной явно ошибочно, так как из дела было ясно, что преступление совершила не Бояркина, а некая Арсентьева.

Только через год было отменено Верховным судом РСФСР незаконное решение народного суда Кубинского района Кабардинской АССР, взыскавшего с колхоза мясо вместо не сданных им яиц, хотя по действующему порядку решение вопроса о замене одного вида поставок другим не входит в компетенцию суда и разрешается органами Министерства заготовок.

Иногда верховными судами союзных республик выносилось много определений по однородным делам, содержащим исправление одних

и тех же по своему характеру ошибок, которые с успехом могли бы быть исправлены на месте. Верховный суд РСФСР одновременно внес изменения в приговоры одного из народных судов по десяти делам, по которым была неправильно применена высылка в качестве дополнительного наказания.

Указ от 14 августа 1954 г. устраняет этот недостаток. Отныне председатель областного суда или областной прокурор, обнаружив нарушения по делу, может принять необходимые меры, чтобы оперативно, на месте исправить ошибку.

Однако дело не только в быстроте и оперативности принятия решения, но и в самом качестве осуществления судебного надзора. Раньше судебный надзор осуществлялся главным образом на основании бумажных материалов, так как только незначительная часть жалобщиков имела возможность приехать в центр и лично изложить свои претензии. Сейчас иное положение. Жалобщик может лично явиться на прием к председателю областного суда или к прокурору. При таких условиях обеспечивается более правильный подход при разрешении вопроса о законности приговора или решения.

Нельзя также не учесть, что указ от 14 августа 1954 г. дает возможность расширить сферу судебного надзора и тем самым содействовать укреплению социалистической законности. Известно, что в кассационном порядке рассматривается только часть дел, но это не значит, что все остальные дела разрешены правильно. Часто приговоры и решения по ним не обжалуются и не опротестовываются либо вследствие незнания сторонами своих прав, либо вследствие невыполнения прокурорами своих обязанностей. До сих пор такого рода дела не попадали в поле зрения высших судебно-прокурорских органов, не доходили до них, а местные органы суда и прокуратуры, не обладавшие правом надзора, устранились от проверки таких дел. Теперь же судебные и прокурорские органы на местах должны уделить особое внимание такого рода делам.

Расширение надзорных прав верховных, краевых, областных судов и судов автономных областей не только оставляет неприкосновенным один из важнейших принципов советского правосудия — принцип устойчивости приговоров и решений, но и поднимает его на более высокую ступень. Советский закон охраняет устойчивость правильного и обоснованного приговора или решения, которые как акты советского правосудия должны быть образцом законности. Между тем раньше случалось, что часть приговоров и решений, требовавших отмены или изменения, не попадала в сферу органов надзора, которые, таким образом, не реагировали на нарушения закона. Роль и задача президиумов именно и заключаются в том, чтобы содействовать дальнейшему улучшению качества работы нижестоящих судов, чтобы ни один незаконный приговор или незаконное решение не оставались в силе.

Вместе с тем не исключено, что расширение числа лиц, облеченных правом внесения протестов, и судебных органов, облеченных правом их рассмотрения, может — при неправильном подходе к осуществлению функций надзора — привести к нарушению принципа устойчивости приговоров и решений. Следует предостеречь от легкомысленного, поверхностного отношения к такому серьезному процессуальному акту, как пересмотр дела, по которому приговор или решение вступили в законную силу. Следует учесть, что по смыслу ст. ст. 413 и 415 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик для отмены приговора требуются существенные нарушения форм судопроизводства.

Создание президиумов в составе краевых, областных и других судов дает возможность лучше согласовывать и направлять практику народных

судов. При этом необходимо отметить, что в новых условиях значительно повышается роль и ответственность верховных судов союзных республик в осуществлении надзора за деятельностью нижестоящих судов. Сосредоточивая в своих руках надзор по судебным делам, координируя в президиумах практику отдельных составов судебных коллегий и устанавливая единство их деятельности, верховные суды союзных республик должны еще выше поднять уровень своей работы.

Верховный суд СССР, обобщая опыт верховных судов союзных республик, исправляя недочеты в их деятельности, осуществляя надзор за работой президиумов, должен сейчас сосредоточить свое внимание на разрешении узловых, проблемных вопросов, возникающих в судебной практике.

Указом от 14 августа значительно расширяются права прокуроров союзных республик и, что особенно важно, права нижестоящих прокуроров. Указ возлагает на прокуроров обязанность более оперативно реагировать на нарушения закона, чутко и вдумчиво относиться к жалобам, сигнализирующим о фактах таких нарушений, принимать в необходимых случаях на месте меры к проверке жалоб не только путем истребования дел, но и путем получения необходимых документов и т. д. Участвуя в работе президиумов, прокуроры должны оказать существенную помощь в деле неуклонного проведения социалистической законности. Значительно возрастает роль Прокуратуры СССР. Обобщая опыт работы органов прокуратуры на местах, Прокуратура СССР может и должна обеспечить единство линии всех органов прокуратуры, содействовать точному соблюдению закона в деятельности судов, активно участвовать в работе Верховного суда СССР по осуществлению поставленных перед ним задач.

Указ от 14 августа 1954 г. возлагает ответственные обязанности на Министерство юстиции СССР и его местные органы, которые должны осуществлять контроль за правильным проведением в жизнь указа, обобщать опыт работы судов по судебному надзору и делать соответствующие выводы. Указ ставит перед судами, наделенными правом надзора, а также перед органами прокуратуры серьезные задачи. Давая им в руки действенное оружие для осуществления судебного надзора, указ тем самым повышает их ответственность за точное соблюдение судами требований советской законности, за неуклонную охрану ими интересов государства и прав граждан. Необходимо серьезно продумать организационную систему приема и рассмотрения жалоб, приема жалобщиков, с тем, чтобы жалобы разрешались без задержки, чтобы устранить в этом важном политическом деле элементы бюрократизма и волокиты. Вся эта работа должна быть построена таким образом, чтобы поднять авторитет советского суда и прокуратуры, чтобы создать уверенность у каждого, что ошибка, допущенная нижестоящим судом, будет незамедлительно исправлена вышестоящим судом.

Организация президиумов в верховных судах союзных и автономных республик, краевых, областных судах и судах автономных областей является актом большого значения, который повышает ответственность каждого судьи за доверенное ему народом дело — осуществление советского правосудия.

О РАСШИРЕНИИ ГАРАНТИЙ ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

(К проекту УПК СССР)

*Проф. М. Чельцов,
доцент В. Радьков*

Всемерное укрепление социалистической законности во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства, охрана прав граждан составляют важнейшую заботу Коммунистической партии и Советского правительства.

Соблюдение законности в советском уголовном процессе означает: последовательное осуществление определенной в законе компетенции каждым органом суда, прокуратуры, следствия при расследовании и рассмотрении любого дела; неуклонное и единообразное исполнение обязанностей всеми судьями, прокурорами, следователями, строгое соответствие закону их действий; соблюдение прав каждого обвиняемого, потерпевшего и других граждан, участвующих в уголовном процессе; вынесение законного и обоснованного решения (приговора, постановления, определения) по всем делам.

Осуществление законности в советском уголовном процессе гарантируется специальными, весьма действенными правовыми средствами. По своей служебной роли и конкретному выражению гарантии законности в советском уголовном процессе шире так называемых процессуальных гарантий и процессуальных форм. Процессуальные гарантии и формы и в особенности процессуальная форма судебной деятельности входят в число гарантий законности в советском процессе, однако далеко не исчерпывают их.

Гарантии законности в уголовном процессе представляют собой средства, обеспечивающие законность и обоснованность приговора. Их осуществление придает приговору общеобязательный характер, является основанием для его вступления в законную силу. Они обеспечивают строгое соответствие закону всей деятельности суда, создают в советском уголовном процессе реальные возможности для вступления в законную силу только действительно законных приговоров.

Гарантии законности присущи только советскому уголовному процессу, выражают его социалистический характер. Они свидетельствуют о коренном отличии советского процессуального права от буржуазного, которое не может гарантировать независимость судей, действительно беспристрастное судебное решение. Буржуазное судопроизводство поэтому «есть только надежная охрана, которая должна проводить противника до тюрьмы, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть не только этим, там его заставляют молчать»¹.

Важнейшей особенностью советского уголовно-процессуального законодательства является реальность, исполнимость каждого его положения. Оно не ограничивается только фиксированием прав и обязанностей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 243.

судей, прокуроров, следователей и граждан, участвующих в деле, а переносит центр тяжести на гарантию этих прав и обязанностей, на определение правовых средств, обеспечивающих их осуществление.

Гарантии законности в советском социалистическом уголовном процессе имеют общеобязательный, действенный характер, так как основываются на реальных экономических и политических отношениях.

Руководящим принципом деятельности всех органов Советского государства является требование Коммунистической партии и Советского правительства постоянно совершенствовать методы работы «на основе повседневной связи с трудящимися, проявлять внимание к их запросам, проявлять заботу о нуждах трудящихся, строго соблюдать советскую законность, не допускать никаких злоупотреблений властью в отношении советских граждан»¹.

Сформулированные Г. М. Маленковым требования гарантируются в советском уголовном процессе выборностью судей и народных заседателей, их подотчетностью избирателям, независимостью судей и подчинением их только закону, гласностью судебного разбирательства, обеспечением обвиняемому права на защиту. Все это обеспечивает охрану прав граждан и не допускает злоупотребления властью отдельными работниками суда, следствия и прокуратуры.

Осуществление прав обвиняемого и других граждан, привлекаемых к расследованию и разбирательству уголовных дел, обеспечивается: неуклонным требованием закона прекращать уголовное преследование в случаях, предусмотренных ст.ст. 3, 4, 204, п. а, ст. 221, 322, п. 3, ст. 326 УПК РСФСР, предоставлением обвиняемому реальной возможности знать предмет и основания обвинения, ходатайствовать об истребовании доказательств своей невиновности, заявлять отводы следователю, прокурору, суду, пользоваться помощью адвоката, подавать жалобы на следственные и судебные действия, если нарушаются его права, установлением обязанности каждого судьи и прокурора освободить из-под ареста всякого необоснованно арестованного (ст.ст. 5—7 УПК РСФСР); закреплением в Конституции СССР и процессуальных законах исключительного порядка ограничения неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки (ст.ст. 127, 128 Конституции СССР, ст.ст. 145—148, 158—161, 175, 181, 182, 186—188 УПК РСФСР); отменой приговора в случае лишения или стеснения в уголовном процессе прав граждан (см. ст. 415 УПК РСФСР).

Гарантии законности выражаются в заранее определенных в законе мерах и средствах, обеспечивающих постановление законного и обоснованного решения.

Соответствие выводов следователя, суда и прокурора о виновности обвиняемого и о других обстоятельствах, имеющих существенное значение для дела, фактам действительности в советском уголовном процессе обеспечивается установлением обязательных этапов, стадий движения уголовного дела, вынесением обвинительного приговора только после прохождения делом всех установленных в законе стадий (ст.ст. 3, 12, 13, 91—96, 108—109, 221—226, 234—237, 311; 319—320) и установлением независимости суда в собирании и оценке доказательств и обязанности мотивировать приговор суда, а также постановление следователя, прокурора (ст.ст. 57, 128, 158, 202, 204, 319 и др. УПК РСФСР).

¹ Г. М. Маленков, Речь на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа г. Москвы, «Правда» 13 марта 1954 г.

Дальнейшее развитие и укрепление Советского государства и всех его органов настоятельно требует усиления и укрепления законности в деятельности органов следствия, суда и прокуратуры.

Социалистическая законность, всемерное ее укрепление, представляет собой основу развития и упрочения советского строя, усиления гарантий прав и законных интересов граждан.

Строгое соблюдение всеми социалистической законности является одним из важных средств укрепления Советского государства.

Последовательное проведение в жизнь советских законов выражает собой подлинный демократизм советского строя, гарантирует защиту интересов Советского государства и всего советского народа, прав и интересов граждан СССР.

Осуществление законности в деятельности каждого учреждения и должностного лица оберегает наше государство и его граждан от преступных посягательств враждебных элементов, агентуры иностранных разведок, шпионов, диверсантов, воров, хулиганов, убийц и прочих преступников.

Расширение гарантий законности в советском уголовном процессе является конкретной мерой по усилению роли социалистического правосудия в обеспечении точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, предприятиями и отдельными гражданами, по дальнейшему улучшению работы всех следственных, прокурорских и судебных органов.

Исходя из этого, представляется закономерным и необходимым предусмотреть в УПК СССР дальнейшее укрепление гарантий, обеспечивающих законность расследования и разрешения судом каждого уголовного дела, охрану прав граждан.

1. Об уточнении процессуальных обязанностей судей, следователей и прокуроров и усилении мер, обеспечивающих соответствие закону всех их действий

Закономерностью развития социалистического государства является неуклонное его укрепление. Решение гигантских задач по всемерному удовлетворению материальных и культурных потребностей народа, по построению коммунистического общества и защите от капиталистического окружения требует усиления активной, творческой роли всех органов Советского государства. Это находит свое выражение в усилении требований ко всем звеньям советского государственного аппарата, в серьезном усилении ответственности каждого работника государственного аппарата.

Важнейшее значение для ликвидации формального отношения к обязанностям по расследованию и разбирательству уголовных дел будут иметь усиление императивного характера ряда процессуальных норм и уточнение служебной роли уголовного процессуального права, а также уточнение в ряде норм процессуальных прав и обязанностей судей, прокуроров и следователей.

Следует отказаться от описательного, инструктивного характера ряда процессуальных норм действующего уголовно-процессуального права, которые не мобилизуют должным образом работников суда и следствия. В качестве примера можно сослаться на ст. ст. 1, 112, 118 УПК РСФСР. Эти статьи имеют огромное принципиальное значение для недопущения формального отношения к осуществлению правосудия. Однако ни одна из них не содержит указания на обязанности следователей,

судей и прокуроров по проведению конкретных следственных, прокурорских и судебных действий.

Статья 1 в повествовательном стиле говорит о том, что порядок производства уголовных дел в судебных учреждениях определяется Уголовно-процессуальным кодексом. Но из нее не видно, в каком взаимоотношении находится этот порядок с деятельностью судей, прокуроров и следователей. Наоборот, из текста этой нормы вытекает, что порядок производства уголовных дел имеет отношение только к судебным учреждениям.

В статье 1 УПК СССР необходимо отразить особую роль суда, прокуратуры и органов следствия в укреплении социалистической законности и значение норм Уголовно-процессуального кодекса в подчинении закону деятельности каждого судьи, прокурора и следователя по расследованию и разбирательству уголовных дел.

Описательной является и норма ст. 118 УПК РСФСР, говорящая о том, что надзор за производством предварительного следствия осуществляет прокурор, «который знакомится с актами предварительного следствия и вправе давать указания следователю о направлении и дополнении следствия».

Эта норма не может быть признана вполне удовлетворительной в силу ряда причин. В ней не отмечена цель прокурорского надзора, ответственность прокурора за законность и обоснованность предварительного следствия, а также его обязанность бороться с нарушениями закона в стадии предварительного следствия.

При подготовке этой нормы Уголовно-процессуального кодекса СССР следует исходить из требований, предъявляемых к работе прокурора ст. 113 Конституции СССР, которая не просто говорит о том, что Генеральный Прокурор СССР осуществляет высший надзор, а возлагает на него высший надзор, — в ней подчеркивается именно обязанность Генерального Прокурора осуществлять высший надзор.

В Уголовно-процессуальном кодексе СССР необходимо полно и всесторонне отразить конституционные обязанности (начала) суда и прокуратуры в особенности обязанности, закрепленные в ст.ст. 112—113 Конституции СССР.

В основных началах следует отвести отдельную главу, в нормах которой определить компетенцию суда по разбирательству уголовных дел. В нее следует включить ряд новых норм, устанавливающих гарантии независимой деятельности судей и реальные возможности их подчинения только закону.

Особая глава должна быть посвящена определению компетенции прокурора как органа высшего надзора за точным исполнением закона в уголовном процессе. В качестве его основной обязанности в уголовном процессе должна быть закреплена обязанность обеспечивать единое понимание и единообразное исполнение законов при расследовании и разбирательстве любого уголовного дела и в любом суде.

Действующий закон не допускает совмещения в одном лице, по одному и тому же делу обязанностей судьи, следователя и прокурора (ст. 43 УПК РСФСР). Судье запрещается дважды участвовать в рассмотрении дела (ст. 44 УПК РСФСР).

Представляется своевременным установить строгое различие между обязанностями следователя и прокурора. Статьи 108, 118 УПК РСФСР и соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса других союзных республик разрешают прокурору принимать на себя расследование дел и одновременно осуществлять надзор за законностью следствия. Подобное совмещение процессуальных полномочий ничем не

оправдано и должно быть устранено в будущем общесоюзном процессуальном законе.

Надо, по нашему мнению, установить правило, согласно которому прокурор не имеет права вести предварительное следствие. Следователь же не вправе составлять обвинительное заключение по оконченному делу. Эта последняя обязанность, связанная с проверкой законности и обоснованности всего предварительного следствия, должна быть возложена на прокурора.

Нормы о правах и обязанностях следователя подлежат серьезному уточнению и выделению в отдельную главу. В частности, нуждается в уточнении норма ст. 112 УПК РСФСР. В ней следует отразить обязанность следователя при расследовании дела руководствоваться только законом и мотивировать фактическими обстоятельствами дела каждое свое решение о применении принудительных мер или об отказе в удовлетворении ходатайств обвиняемого, потерпевшего и других граждан, участвующих в процессе.

2. О расширении гарантий прав граждан, участвующих в уголовном процессе

В общесоюзном уголовно-процессуальном законе необходимо прежде всего развить и конкретизировать конституционное положение об обеспечении обвиняемому права на защиту. В нормах Уголовно-процессуального кодекса СССР надлежит сформулировать все те процессуальные средства, которые в своей совокупности обеспечивают реализацию права обвиняемого знать предмет и основания обвинения, требовать всестороннего исследования всех доказательств, которые оправдывают или смягчают его вину. Особо тщательно следует определить процессуальные средства и меры, с помощью которых обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и другие граждане, участвующие в процессе, могут добиться устранения незаконных действий отдельных работников суда, прокуратуры и следствия.

Представляется обоснованным предложение о выделении всех норм, обеспечивающих право обвиняемого на защиту, в отдельную главу и отнесение ее к общим началам уголовно-процессуального закона. Эта глава должна называться «Обеспечение обвиняемому права на защиту» и включать следующие нормы:

а) Лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, имеет право знать предмет и основания обвинения. Следователь, вынесший постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обязан предъявить ему в течение сорока восьми часов мотивированное постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, а по окончании следствия — все собранные по делу доказательства.

б) Обвиняемый имеет право заявить отвод следователю, судьям и другим лицам, от которых зависит разрешение его дела, по основаниям их необъективности или нарушения его прав. Следователь, прокурор или судья, необъективно относящиеся к обвиняемому, допустившие серьезное нарушение его прав, подлежат отводу в порядке, установленном настоящим законом.

в) Обвиняемый имеет право давать объяснения по поводу предъявленного обвинения, заявлять ходатайство о вызове свидетелей, о назначении экспертизы, истребовании вещественных и письменных доказательств, о проведении очной ставки, подтверждающих его невиновность или устанавливающих смягчающие обстоятельства.

Следователь и суд обязаны удовлетворить ходатайство обвиняемого о допросе свидетелей, экспертов и истребовании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для дела.

г) Арест обвиняемого допускается с санкции прокурора или по постановлению суда и только при наличии оснований, установленных законом, и на срок ведения следствия, но не более чем на два месяца.

Если в течение этого времени следствие не будет окончено составлением обвинительного заключения, арестованный подлежит освобождению.

д) Обвиняемому гарантируется право приносить жалобы на действия органов следствия, суда, нарушающие его права, а также требовать, чтобы отдельные следственные действия производились в присутствии прокурора. Жалобы обвиняемого на действия следователя должны быть рассмотрены прокурором в течение пяти дней.

Кроме того, в Уголовно-процессуальном кодексе СССР следует положительно решить вопрос о допущении защитника в стадии предварительного следствия. Должна быть образована норма, согласно которой в момент окончания предварительного следствия следователь обязан разъяснить обвиняемому его право пригласить защитника для оказания ему помощи в ознакомлении со всеми материалами дела и в составлении ходатайств о совершении дополнительных следственных действий.

Указанная норма должна предусмотреть случаи, в которых следователь обязан принять меры к обеспечению обвиняемому помощи защитника по назначению президиума коллегии адвокатов. В этой норме должны быть точно указаны полномочия защитника на ознакомление с материалами следствия, на подачу следователю ходатайств о дополнении следствия и на принесение жалоб прокурору или в подготовительное заседание суда на допущенные следователем нарушения процессуального закона и на отказ в удовлетворении заявленных ходатайств.

3. О расширении гарантий, обеспечивающих обоснованность всех решений суда, прокуратуры и органов следствия

Советский закон предъявляет к приговору суда два тесно связанных между собой требования: законность и обоснованность. Установление означенных требований в Законе о судостроительстве представляет собой важнейший этап в развитии и укреплении социалистического правосудия, в укреплении законности в советском уголовном процессе. Представляется весьма своевременным распространение означенного требования и на решения органов следствия и прокуратуры. В Уголовно-процессуальном кодексе СССР следует установить, что все постановления следователя (о возбуждении дела, о предъявлении обвинения, об избрании мер пресечения, о прекращении дела), а также обвинительное заключение должны обосновываться конкретными данными, а их проверка прокурором должна производиться по мотивам законности и обоснованности.

Необходимо создать ряд новых процессуальных норм, которые усилили бы гарантии последовательного движения дела и установили незыблемое правило: уголовное дело должно последовательно пройти одну стадию уголовного разбирательства за другой, от одного органа к другому, причем каждая последующая стадия должна содержать возможность для проверки законности действий и актов, имевших место в предыдущей стадии.

Так, переход дела от органов дознания в прокуратуру должен обязывать последнюю произвести проверку законности действий органов до-

знания по этому делу. Переход дела от следователя к прокурору должен сопровождаться тщательной проверкой прокурором всех действий следователя. Стадия предания суду должна превратиться в стадию судебной проверки законности и обоснованности (полноты, объективности) проведенного следствия и всех его актов о принятии принудительных мер в отношении граждан, предприятий и учреждений.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе, как нам представляется, необходимо установить единый, одинаковый для всех следственных и судебных органов порядок ведения дознания, предварительного и судебного разбирательства. Он должен быть единым, одинаковым по всем делам, как едина социалистическая законность.

Коренным образом должны быть изменены нормы ст. ст. 109, 221, 234, 236, 238 УПК РСФСР. Норма нынешней ст. 109 УПК РСФСР должна содержать обязанность прокурора по поступившему к нему от органов дознания делу проверить законность и обоснованность проведенного дознания.

Следует изменить и норму ст. 221 УПК РСФСР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик. Эта норма в УПК СССР должна содержать указание на обязанность прокурора проверить все действия следователя и акты предварительного следствия с точки зрения их соответствия закону. В ней должен быть установлен перечень нарушений процессуального закона, прав граждан, наличие хотя бы одного из которых обязывает прокурора возвратить дело следователю для немедленного исправления допущенных нарушений, а также обязанность прокурора составлять обвинительное заключение по каждому делу.

В Уголовно-процессуальном кодексе СССР следует предусмотреть обязанность суда в подготовительном заседании проверять законность и полноту проведенного предварительного следствия, а также установить перечень нарушений процессуального закона, прав граждан, наличие которых влечет за собой возвращение дела прокурору.

Как уже было указано, стадия предания суду должна быть построенна, как судебная проверка полноты и обоснованности обвинения, законности и полноты предварительного следствия. Такая проверка имеет своим объектом письменные акты предварительного следствия, а также письменные жалобы и ходатайства обвиняемого и его защитника.

Поэтому, по нашему мнению, нет оснований к изменению процессуального порядка подготовительного заседания, установленного постановлениями 47-го и 54-го Пленумов Верховного суда СССР. Допущение в подготовительное заседание обвиняемого и защитника превращало бы стадию предания суду в репетицию судебного разбирательства.

Нуждается в уточнении норма 334 УПК РСФСР, которая в соответствии со ст. 15 Закона о судостроительстве должна включать требование об обоснованности приговора, т. е. о приведении доказательств, на которых он основан.

Следует также существенно изменить норму ст. 413 УПК РСФСР, в частности устранить из нее указание на то, что одним из оснований отмены приговора может быть «существенное нарушение форм судопроизводства». Наличие в законе этого или подобного положения снижает авторитет процессуального закона. Наоборот, в процессуальном законе следует с особой силой подчеркнуть, что точное исполнение требований процессуального закона имеет особое значение и что отступление от этих требований является недопустимым и порождает произвол.

Существенно должна быть изменена и норма ст. 415 УПК. В ней должно быть установлено, что основанием отмены приговора может быть нарушение норм уголовно-процессуального закона, гарантирующих неуклонное исполнение процессуальных обязанностей судей, следователей, прокуроров и соответствие закону всех их действий; право обвиняемого на защиту, а также права других лиц, участвующих в деле, обоснованность решений суда, прокурора и следователя.

Положения о безусловных поводах, влекущих отмену приговора, должны быть выделены в отдельную норму, причем перечень этих оснований должен быть значительно расширен.

К числу безусловных поводов следует отнести: нарушение национального языка судопроизводства, нарушение права обвиняемого на защиту, вынесение обвинительного приговора в отношении лиц, которые не были преданы суду до открытия судебного заседания, или по обвинению, которое не было предъявлено до открытия судебного заседания.

В Уголовно-процессуальном кодексе СССР следует уточнить права и обязанности суда второй инстанции. К его ведению должна быть отнесена только проверка законности и обоснованности приговора, постановленного в суде первой инстанции, должно быть существенно ограничено его право на изменение приговора.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН

Б. Никифоров

Кандидат юридических наук

Охрана личной собственности советских граждан средствами уголовного права — одно из выражений конституционного принципа правовой охраны личной собственности в СССР. Уголовная ответственность за наиболее опасные посягательства на личную собственность предусматривается общесоюзным законом — указом от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», устанавливающим суровые наказания за кражу и разбой. Ответственность за другие преступления против личной собственности — вымогательство, мошенничество, присвоение, истребление личного имущества — предусмотрена уголовными кодексами союзных республик. Важным условием эффективной уголовно-правовой охраны личной собственности является правильная, отвечающая указаниям советского закона квалификация различных посягательств на трудовое достоинство советских людей.

Преступление против личной собственности с объективной стороны имеется тогда, когда несобственник ставит или пытается поставить себя на место собственника имущества, использует имущество по личному усмотрению, обращается с ним как с собственным: потребляет, продает, обменивает, дарит. С субъективной стороны это выражается либо в том, что несобственник отдает себе отчет, что он, вопреки воле собственника, использует чужое имущество по своему усмотрению, обращается с ним как со своим (при присвоении), либо в том, что он тем или иным способом (кража, разбой, вымогательство, мошенничество) завладевает имуществом другого лица с целью использовать его по своему усмотрению.

Кража. Похищение имущества будет тайным тогда, когда потерпевший не сознает, что имущество изымается из его владения. Наиболее простой пример тайного похищения: имущество изымается в отсутствие потерпевшего. Так, Потапов был признан виновным в краже (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 25 июня 1949 г.) в связи с тем, что он, зная, что у Осипова имеются деньги и дома никого нет, сломал в двери замок, проник в квартиру и похитил 725 руб. Похищение является тайным и в том случае, когда оно происходит в присутствии потерпевшего, который, однако, не сознает, что имущество изымается из его владения. Это в свою очередь может происходить по разным причинам: ловкость вора при карманной краже или при краже из портфеля или хозяйственной сумки; похищение имущества у сонного, находящегося в беспамятстве больного, пьяного, душевнобольного, малолетнего не способных понять, что у них изымается имущество, и т. п. Определение по делу Рыбниковой, неправильно осужденной за грабеж в связи с тем, что она открыто похитила шапочку у четырехлетнего Храмцова, изложено под тезисом: «Открытое похищение имущества у малолетнего, не способного по своему возрасту сознательно разобраться в намерении обвиняемого и в содержании его действий, правильное квалифицировать не как грабеж, а как кражу»¹.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1945 г., вып. IV (XX), стр. 10.

Открытое похищение будет тогда, когда потерпевший, присутствуя при совершении преступления, сознает, что имущество изымается из его владения; он отдает себе отчет в том, что преступник завладевает его имуществом с тем, чтобы обратить его в свою собственность. Не обязательно при этом, чтобы потерпевший отдавал себе в этом отчет до того, как произошло похищение, достаточно, если он осознает происходящее в тот момент, когда происходит изъятие имущества. Так, при срывании сзади надетой на голову шапки преступник рассчитывает на быстроту, на внезапность своих действий, на то, что ему удастся беспрепятственно скрыться с похищенным, — все это характерно для открытого похищения. Напротив, когда открытое похищение имущества совершается в форме его «отнятия» у потерпевшего, пытающегося удержать вещь в руках, оказывающего сопротивление, которое преступнику приходится преодолевать, — в действиях виновного имеется, как правило, состав разбоя. Это очевидно в тех случаях, когда завладение имуществом потерпевшего, происходящее при указанных выше условиях, осложняется физическим или психическим насилием над ним: например, преступник, преодолевая сопротивление потерпевшего, ударяет его по руке или хотя бы замахивается на него кулаком. Так, был признан виновным в разбое Романов (постановление Пленума Верховного суда СССР от 21 октября 1949 г.), который, обещав Надеиной оказать содействие при посадке на поезд, повел ее в товарный парк, вырвал у нее из рук 100 руб. и бросился бежать. Если бы дело ограничилось этим, — причем Романову, когда он вырывал деньги, не пришлось преодолевать сопротивление Надеиной и весь его расчет был на внезапность и быстроту, — он был бы виновен в открытом похищении. Однако, когда потерпевшая догнала его, он ударил ее по лицу и скрылся с похищенными деньгами.

Рамки статьи не позволяют сколько-нибудь подробно рассмотреть обстоятельства, квалифицирующие кражу, — повторность и воровскую шайку. Мы остановимся только на разграничении повторной кражи от продолжаемой. Продолжаемое преступление является одним преступлением, но складывается из двух или более однородных действий, направленных к осуществлению одного и того же преступного замысла. Закон рассматривает повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства. Повторное преступление отличается от продолжаемого тем, что здесь происходят действия, каждое из которых представляет собой реализацию самостоятельного замысла.

Из сказанного, однако, не следует, что если «однородные действия» виновного, выражающиеся в похищении чужого имущества и совершаемые через короткие промежутки времени, направлены против одного и того же лица, то они всегда образуют продолжаемую кражу. Действия такого рода составляют продолжаемую кражу, если они по замыслу виновного и по обстоятельствам дела представляют собой, по существу, одно деяние, которое лишь по соображениям «технического порядка» выполняется в два (или более) приема.

Разбой. Из законодательного определения этого преступления — «нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или с угрозой применения насилия» — следует, что отличительной особенностью разбоя является посягательство не только на личную собственность, но и на личность потерпевшего.

Применяемое при разбое насилие может быть физическим, когда силою подавляется действительное или возможное сопротивление потерпевшего, или психическим, когда подавление сопротивления осуществляется путем внушения потерпевшему страха перед насилием, если он окажет сопротивление. Физическое насилие при разбое может быть осуществлено без

использования какого бы то ни было оружия или заменяющих его предметов. Оно может выражаться в задушении потерпевшего (или в попытке задушить), в нанесении ударов кулаком и т. д. Физическое насилие может выразиться также в том, что преступники вталкивают потерпевшего в отдельную комнату, в чулан, в подъезд и пр., чтобы лишить его возможности сопротивления.

О физическом насилии следует говорить также в случаях фактического применения оружия или попытки применить его, но по каким-либо причинам не доведенной до конца. В тех же случаях, когда преступник, не пытаясь оказать физическое воздействие на потерпевшего, только демонстрирует перед ним оружие и, угрожая им, пытается завладеть имуществом, — налицо разбой с угрозой насилия, т. е. с применением психического насилия. Так, Карпов, встретив ночью на улице Ф. и Б., потребовал, чтобы они отдали ему часы и все содержимое сумочки Б. Когда Ф. отказался отдать часы, преступник поднес к его лицу нож. Разбой с психическим насилием имеет место и в тех случаях, когда преступник в той или иной форме дает понять потерпевшему, что нападающий имеет при себе оружие и в случае необходимости готов пустить его в ход. Клугман, Кузьмин и др. ночью на безлюдной улице подстерегли двух девушек, один из преступников пошел им навстречу и, поровнявшись с ними, сказал одной из них: «Отдай сумочку!» Девушка отказалась. «Дайте нож», — сказал преступник подбегавшим соучастникам, после чего один из них вырвал сумочку и грабители пустились бежать. Слова «дайте нож!» означают угрозу насилием, независимо от того, был ли у преступников нож или нет и имелось ли или не имелось в виду использовать его для физического или психического воздействия на потерпевшего.

Таким образом, для наличия психического насилия при квалификации разбоя достаточно, если преступник создает или использует обстановку совершения преступления, которая заведомо для винсвого дает потерпевшему основание опасаться, что в случае сопротивления с его стороны к нему будет применено насилие. Примером может служить дело Трушина, Дьяконова и Кузнецова, осужденных за разбой, выразившийся в том, что они, подойдя к ливному киоску, окружили находившегося там гр-на Оленичева и, бесцеремонно обшарив его карманы, вытащили у него портсигар и заставили продавщицу налить им за эту вещь 150 граммов водки.

Положение о том, что необходимой чертой разбоя является применение насилия к потерпевшему в качестве средства преодоления действительного или возможного сопротивления с его стороны изъятию у него имущества, имеет существенное значение для разграничения разбойного насилия от других случаев насилия, применяемого из корыстных побуждений. Ввиду того, что уголовные кодексы союзных республик в разделе преступлений против личности особо предусматривают ответственность только за убийство из корыстных побуждений, вопрос об отграничении разбоя от корыстных насильственных посягательств на личность в литературе обычно рассматривается лишь в рамках разграничения разбойного и корыстного убийства. Такое ограничение проблемы затемняет принципиальную сторону дела, что приводит, в частности, к тому, что интересующий нас вопрос решается главным образом в плоскости соотношения элементов объективной стороны того и другого преступления. Так, Я. М. Брайнин¹ видит различие между этими двумя

¹ См. Я. М. Брайнин, Советское уголовное право. Часть особенная, вып. II, 1952, стр. 65; также М. М. Исаев, Имущественные преступления, Юриздат, М., 1938, стр. 41; его же, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., М., 1948, 25—26.

преступлениями в том, что разбой есть открытое нападение, при котором убийство является не целью, а средством завладения имуществом. «Корыстное же убийство мыслится как лишение жизни с целью завладения имуществом потерпевшего, совершенное, однако, при таких обстоятельствах, когда эти действия не носят характера нападения, например, убийство путем отравления». Эти соображения представляются нам неубедительными. Неверно, что разбой есть открытое нападение, — закон дает другое определение разбоя. Наиболее характерные примеры корыстного убийства, скажем, убийство женщины с целью избавиться от уплаты алиментов, не подпадут под предлагаемое Я. М. Брайниным определение корыстного убийства: в этих примерах, как правило, нет цели завладения имуществом потерпевшего. Думается, что все эти неточности являются результатом того, что Я. М. Брайнин различает интересующие нас составы по элементу объективной стороны — нападению, тогда как в действительности они отличаются друг от друга по объекту: сам законодатель отнес разбой к числу преступлений против собственности, а корыстное убийство — к числу преступлений против личности.

Правильное решение вопроса представляется нам в следующем виде. Во-первых, разграничение разбойного и корыстного убийства есть часть более широкого вопроса о разграничении разбойного насилия от возможных в практике насильственных посягательств на личность, совершенных из корыстных побуждений. Во-вторых, этот последний вопрос может быть правильно решен только на основаниях, указанных законодателем, — по признаку объекта соответствующих посягательств.

Из характера разбоя как преступления против личной собственности и, отсюда, из законодательного определения этого преступления следует, что насилие при разбое есть средство именно завладения имуществом потерпевшего, а не вообще получения какой-либо материальной, «корыстной» выгоды. Из характера корыстных насильственных посягательств на личность как преступлений против личности (корыстного убийства, причинения из корысти телесных повреждений и побоев, незаконного насильственного лишения свободы из корыстных побуждений и т. д.) следует, что насилие в этих случаях есть средство получения какой-либо материальной выгоды, пользы, но не непосредственно имущества потерпевшего.

Из квалифицирующих признаков разбоя мы остановимся только на тех, которые специфичны для разбоя как преступления, связанного с насилием или с угрозой его применения. Первый из них — «насилие, опасное для жизни и здоровья».

Насилием, опасным для жизни, является такое действие, которое по своему объективному характеру, сознаваемому преступником, должно или хотя бы может иметь результатом смерть потерпевшего. Если этот результат наступает, содеянное остается в рамках квалифицированного разбоя. Следует, однако, иметь в виду, что по закону для состава разбоя, квалифицированного по признаку опасного для жизни насилия, не обязателен факт наступления смерти потерпевшего. Для ответственности за квалифицированный разбой достаточно установить, что преступник применил насилие, которое заведомо для него могло привести к смерти потерпевшего, и желал применить такое насилие. Так, по делу Смагина действия виновного, отнявшего у потерпевшего имущество и столкнувшего его с подножки вагона, в результате чего тот получил тяжкие телесные повреждения, были оценены Железнодорожной коллегией Верховного суда СССР как «разбойное нападение, соединенное с наси-

лием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего» (определение от 5 марта 1949 г.).

Какое насилие следует считать опасным для жизни, — это в большинстве случаев вопрос факта, — решить в общем виде его невозможно. Решая вопрос, было ли насилие опасным для жизни, суд в каждом конкретном случае должен учесть ряд обстоятельств — характер использованного преступником оружия, предмета, способа или средства насилия, причиненный им результат, психическое отношение виновного к этому результату и т. д., причем в ряде случаев может оказаться необходимым заключение судебно-медицинской экспертизы.

Сказанное в значительной мере относится и ко второму квалифицирующему признаку разбоя — «опасность для здоровья». Законодатель здесь тоже имеет в виду не причинение вреда — вреда здоровью (например, нанесение потерпевшему тяжкого телесного повреждения или легкого телесного повреждения, причинившего расстройство здоровья), а применение насилия, опасного для здоровья, или попытку применить такое насилие. В этом случае психическое отношение виновного к возможному результату своих действий и к характеру насилия — такое же, как при применении насилия, опасного для жизни. В случае применения насилия, повлекшего телесное повреждение, важное значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы. Если суд согласится с ее выводом, что потерпевшему нанесено тяжкое телесное повреждение или легкое телесное повреждение, причинившее расстройство здоровья, он тем самым признает, что виновный употребил насилие, опасное для здоровья; после этого суду остается выяснить, каково было психическое отношение виновного к своим действиям.

Третий квалифицирующий признак разбоя — это квалифицированное психическое насилие, угроза смертью или тяжким телесным повреждением. Здесь решение вопроса о квалификации зависит не только от создаваемого виновным объективного характера соответствующих его действий, но и от того, как это действие воспринимал и оценивал потерпевший, так как цель психического насилия — непосредственное воздействие на его психику в целях подавления его сопротивления насилию. В оценке потерпевшими действий преступника при разбойном нападении следует установить известные границы, так как в ряде случаев потерпевшие могут воспринять любое физическое насилие и любую угрозу насилием как угрозу смертью или тяжким телесным повреждением. Так, потерпевший может усмотреть такую угрозу в действиях нескольких преступников, которые, окружив его ночью на безлюдной улице, требуют передачи им всего имеющегося у него имущества. Если бы во всех таких случаях суд усматривал квалифицированный разбой, то могло бы быть утрачено установленное законом различие между простым и квалифицированным разбоем. Поэтому разбой, соединенный с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением, следует видеть только в тех случаях, когда потерпевший заведомо для виновного имел достаточные основания рассматривать совершенное на него нападение именно как соединенное с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением. Угроза смертью или тяжким телесным повреждением может быть выражена в словесной форме («убью», «изувечу» и т. п.), с демонстрацией или без демонстрации соответствующего оружия, или посредством угрожающего предостережения использовать против потерпевшего оружие (предмет, средство), которое может причинить смерть или телесное повреждение, либо, наконец, посредством одной только демонстрации оружия. При угрозе не имеет значения, располагает ли преступник оружием, которое он угрожает применить, или никакого оружия

у него нет, или вместо оружия он демонстрирует перед потерпевшим предмет, похожий на оружие (например, пугач или деревянный «пистолет»), но объективно неспособный причинить смерть или тяжкое телесное повреждение. Во всех этих случаях сознаваемый и виновным, и потерпевшим объективный характер действий преступника таков, что они могут и должны рассматриваться как угроза смертью или тяжким телесным повреждением, и здесь решающую роль играет обоснованное опасение потерпевшего, что к нему будет применено такое насилие.

Вымогательство. Уголовные кодексы союзных республик понимают под вымогательством требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного свойства под страхом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества.

Угроза насилием и истреблением имущества имеет ту особенность, что в этих случаях виновный всегда угрожает потерпевшему совершением преступных действий. Поэтому, если субъект, получив отказ потерпевшего, реализует угрозу такого рода, он должен быть привлечен к ответственности или за разбой, или за одно из преступлений против личности, или за умышленное истребление имущества — во всех случаях в совокупности с вымогательством. Именно в этом порядке следовало квалифицировать действия некоего Русина, который направлял жителям одного из городов Челябинской области анонимные письма с требованием доставить в указанное им место крупные суммы денег, причем требование это подкреплялось угрозой сжечь дома этих граждан в случае неисполнения вымогательского требования Русина, и угроза в дальнейшем была реализована преступником — несколько домов в городе было подожжено.

Угроза оглашением позорящих сведений не обязательно имеет своим содержанием совершение преступных или хотя бы противоправных действий во вред потерпевшему. Виновный может угрожать оглашением таких сведений, которые соответствуют действительности. В случае реализации виновным угрозы такого рода в его действиях имеется состав одного только вымогательства. Если же виновный реализует угрозу огласить заведомо ложные, позорящие потерпевшего сведения, он виновен одновременно и в вымогательстве и в одном из преступлений против личности — клевете.

Возникает вопрос: что следует понимать под позорящими сведениями, угроза оглашением которых может дать состав вымогательства? «Что должно считаться позорящими сведениями, — читаем мы в учебнике особенной части советского уголовного права, — решает суд, который принимает, конечно, во внимание, какое действие на потерпевшего оказала данная угроза, но все же оценивает ее значение с точки зрения, принятой в социалистическом обществе»¹. Нам представляется, что эта формулировка, вполне применимая к составу клеветы, объектом которой является доброе имя потерпевшего, его репутация в глазах социалистического коллектива, — в отношении вымогательства оставляет ряд неясностей. Бесспорно, в подавляющем большинстве случаев представление потерпевшего о позорящем или непозорящем характере тех или иных обстоятельств совпадает с точкой зрения, «принятой в социалистическом обществе». Именно поэтому угроза оглашением сведений, не являющихся позорящими с этой точки зрения, не может повлиять на «потерпевшего» в нужных виновному смысле и степени. Однако мож-

¹ «Советское уголовное право. Часть особенная», Госюриздат, 1951, стр. 251.

но представить себе случаи, когда вымогатель угрожает оглашением таких сведений, которые представляются позорящими только данному лицу или которые оно по каким-либо причинам желает сохранить в тайне. Угроза оглашением сведений такого рода в отдельных случаях может оказать значительно более сильное действие, чем угроза насилием или истреблением имущества, и может понудить потерпевшего к соответствующему волеизъявлению в пользу виновного. Как видно, единственное отличие случаев такого рода от вымогательства, прямо подпадающего под признаки законодательного определения этого преступления, заключается в том, что опасение внушается потерпевшему путем угрозы, имеющей иное содержание, чем то, которое указано в законе, но в то же время общественно-опасный характер таких действий очевиден.

Нам представляется, что законодательное определение вымогательства следовало бы расширить. Вымогательство во многом сходно с мошенничеством (по объекту, по предмету, по признаку необходимости волеизъявления потерпевшего), отличаясь от него только способом достижения результата. Между тем в определении мошенничества законодатель не указывает на какие-либо определенные способы или приемы обмана, подчеркивая тем самым, что советский закон охраняет личную собственность граждан от любых мошеннических поползновений, независимо от формы и способа обмана. По аналогии с этим в законодательном определении вымогательства в будущем Уголовном кодексе СССР наряду с угрозой оглашением позорящих сведений должно быть в общей форме сказано об угрозе оглашения сведений о таких обстоятельствах, которые потерпевший желает сохранить в тайне, и об угрозе совершения противозаконных действий во вред потерпевшему.

Следует оговориться, что оглашение сведений об обстоятельствах, скрываемых потерпевшим, нередко может быть общественно-полезным, но вместе с тем не следует забывать, что угроза огласить эти сведения используется не в общественно-полезных целях, а в качестве средства совершения серьезного посягательства на личную собственность советских граждан. Серьезность угрозы противозаконными действиями видна из того, что сам законодатель авторитетно признает их заслуживающими осуждения ввиду опасности их для социалистического правопорядка.

НУЖНЫ ЛИ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОРЯДКЕ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА?

*Проф. Б. Антимонов,
А. Пергамент
Кандидат юридических наук*

Основной задачей советского семейного права всегда являлось всемерное укрепление советской семьи. Этой же задаче служит и указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. В числе мероприятий, обеспечивающих дальнейшее укрепление советской семьи, указом был установлен судебный порядок расторжения брака.

Предоставление права расторгать брак только суду как органу Советского государства явилось серьезным средством в борьбе с легкомысленным отношением некоторых граждан к браку и семье.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. содержит не только материально-правовые нормы, устанавливающие основания для расторжения брака, но также и процессуально-правовые нормы, предусматривающие порядок рассмотрения в суде дел о расторжении брака. Изучению этих процессуальных вопросов и посвящена по преимуществу эта статья.

При рассмотрении любых процессуальных норм необходимо исходить из теоретического положения марксизма, что «процесс есть только форма жизни закона, проявление его внутренней жизни». Служебная роль любой процессуальной нормы, целесообразность построения этой нормы не могут быть раскрыты из самой процессуальной нормы. Нормы процесса необходимо анализировать в неразрывной связи с теми материально-правовыми учреждениями, которые они призваны обслуживать и охранять.

Продумывая с этой точки зрения действующие процессуальные правила разбора дел о расторжении брака, мы пришли к выводу, что в настоящее время уже назрела необходимость внести некоторые изменения в эти правила.

Прежде всего: насколько оправдывает себя существующий процессуальный порядок, при котором дело о расторжении брака, как правило, должно пройти две стадии — примирительную в народном суде и вторую в областном суде, где оно рассматривается по существу?

Установление двух стадий рассмотрения дел о расторжении брака сосредоточивает внимание как самих супругов, так и суда в первую очередь на вопросе о примирении, о восстановлении семьи. После разбора дела в первой, примирительной стадии супругам предоставляется возможность еще раз пересмотреть свое отношение друг к другу. Необходимость вторично обращаться в суд с заявлением о расторжении брака после окончания дела производством в народном суде заставляет дополнительно серьезно продумать этот вопрос. Указанные соображения сохраняют свое значение и на сегодня.

Однако нет достаточных оснований к тому, чтобы вторая стадия процесса проходила не в народном суде, а в суде второй инстанции, в другом составе судей. Две стадии рассмотрения дела о расторжении

брака должны быть сохранены, но весь процесс должен быть сосредоточен в народном суде. Целесообразно установить, что в первом заседании по делу о расторжении брака народный суд не выносит решения по существу, а лишь принимает все зависящие от него меры к примирению сторон. Второе заседание должно назначаться лишь по истечении определенного срока (например, трехмесячного) и во всяком случае не ранее подачи истцом заявления о назначении дела к слушанию. Такой порядок ведет к той же цели, которую преследует действующий закон, стремясь помочь примирению супругов.

Для надлежащего разрешения дел о расторжении брака необходимо, как правило, личное участие в рассмотрении дела обоих супругов, при существующем же процессуальном порядке это требование во многих случаях невыполнимо для одной или обеих сторон ввиду отдаленности областного центра: в Кемеровской области, например, многие селения удалены от областного центра на 600 и более километров; на Крайнем Севере, на Дальнем Востоке и в некоторых других местах нашей необъятной Родины выезд в областной центр — это целое путешествие, притом весьма длительное; рабочий, служащий, колхозник в таких случаях фактически не имеют возможности надолго оторваться от своей работы, чтобы выполнить упомянутое требование процессуального закона.

Таким образом, в движении процесса о расторжении брака встают такие процессуальные препятствия, которые делают его фактически неосуществимым для известной части населения. Перенос обеих стадий бракоразводного процесса в народный суд существенно бы улучшил положение, устранив те процессуальные трудности, которые встречаются в современной практике по делам о расторжении брака. Такое процессуальное изменение должно иметь и другие благоприятные результаты: если народный суд будет наделен правом выносить решение о расторжении брака, авторитет народного суда в примирительной стадии производства возрастет, а в дальнейшем народный суд, детально изучивший всю обстановку семейного конфликта, сможет легче и проще прийти к обоснованному решению вопроса — расторгнуть ли брак или отказать в его расторжении.

В настоящее же время, поскольку народный суд, проводя примирение сторон, не вправе решить по существу вопрос о расторжении брака, его отношение к примирительной стадии часто приобретает в какой-то степени формальный характер. Областному же суду труднее вскрыть истинные причины конфликтов между супругами, найти правильный путь к примирению их, потому что объяснения сторон, даваемые вторично, новому составу суда, лишены своей первоначальной непосредственности. А в ряде случаев областной суд и вообще лишен возможности сам исследовать все доказательства по делу из-за трудностей явки сторон.

Кроме того, обязательное рассмотрение дела по существу в областном суде, явка в который для сторон большею частью затруднена, приводит к тому, что часто дела разрешаются судом лишь тогда, когда семейный конфликт настолько затянулся, что возможность примирить супругов становится уже для суда малодостижимой.

Затем, доказательствами по делам о расторжении брака (помимо объяснений сторон) являются чаще всего свидетельские показания, но для большинства свидетелей выезд в областной центр просто не представляется возможным, да и с государственной точки зрения вряд ли целесообразен длительный отрыв свидетелей от их трудовой деятельности.

Эти обстоятельства сплошь и рядом исключают возможность непосредственного допроса свидетелей судом, разрешающим по существу дело о расторжении брака. В результате во многих случаях решение областного суда опирается только на записи в протоколе судебного заседания народного суда. Такое нарушение принципа непосредственности, конечно, отрицательно отражается на результатах разрешения многих дел о расторжении брака.

Все эти недостатки могут быть устранены при рассмотрении дела о расторжении брака в обеих его стадиях в народном суде.

Обеспечение интересов детей при разрешении дел о расторжении брака имеет первостепенное значение. В соответствии с п. «а» ст. 26 указа от 8 июля 1944 г. суд обязан разрешить вопрос о детях разводящихся супругов одновременно с разрешением вопроса о расторжении брака. Суд обязан, независимо от просьбы сторон, разрешить вопрос, у кого из супругов будут находиться на воспитании дети, с кого из супругов и в каком размере подлежат взысканию алименты на содержание детей.

Споры о детях представляют собой одну из самых трудных категорий дел. При разрешении их суд обязан в первую очередь охранять интересы ребенка. Правильное разрешение этих споров требует тщательного изучения условий жизни детей.

При рассмотрении дела в народном суде место рассмотрения дела, как правило, совпадает с местом жительства ребенка: если ребенок проживает у родителя-ответчика, то дело, по общему правилу, будет рассматриваться именно по месту жительства ответчика, т. е. там, где живет ребенок; если же ребенок проживает у родителя-истца, то последний вправе просить о рассмотрении дела по своему месту жительства. При рассмотрении же дела в областном суде место жительства ребенка, как правило, не будет совпадать с местом рассмотрения дела.

Областному суду приходится по большей части решать эти дела без непосредственного исследования доказательств, без опроса лиц, производивших обследование положения детей. Между тем Верховный суд СССР неоднократно подчеркивал, что для правильного разрешения этих дел не только необходимо привлечение органов опеки к производству предварительного обследования, но необходимо и личное участие представителей этих органов в судебном заседании при рассмотрении дела.

Второй вопрос, на котором нужно остановиться, — это об обязательном участии сторон в делах о расторжении брака.

Обязательное участие обеих сторон в делах о расторжении брака имеет исключительно важное значение. Задача примирения супругов не может быть осуществлена в отсутствие одного из них. Личное участие сторон необходимо и для всестороннего исследования дела. Поэтому, как правило, участие обеих сторон в рассмотрении дела о расторжении брака необходимо.

В настоящее время вопрос об участии сторон в процессе о расторжении брака регулируется п. 10 инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. (п. 5).

Пункт 10 инструкции предусматривает, что в случае неявки ответчика по вторичному вызову суда без уважительных причин дело рассматривается в его отсутствие, при неявке истца без уважительных причин по вторичному вызову суд выносит определение о прекращении дела производством. Но инструкция не дает указаний, как должен поступить

суд в тех случаях, когда неявка сторон объясняется уважительными причинами или когда стороны просят суд заслушать дело в их отсутствие.

Пункт 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. указывает, что если причина неявки ответчика не установлена, то недопустимо слушать дело в его отсутствие. Если в других делах суд вправе предполагать, что сторона, которой повестка была вручена, не явилась без уважительных причин (ст. 98 ГПК), то в делах о расторжении брака суд не вправе исходить из такого предположения. Из этого следует, что по просьбе ответчика дело может быть рассмотрено без его личного участия. Таким образом, хотя суд и должен стремиться к обеспечению участия ответчика в рассмотрении дела, явка ответчика не является безусловно необходимой во всех случаях.

Как же должен быть разрешен вопрос относительно явки истца? Наша судебная практика считает, что в отсутствие истца дело о расторжении брака никогда не может рассматриваться. Основываясь на п. 10 инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г., суд прекращает производством дело о расторжении брака в случаях, когда и при повторных вызовах не может добиться явки истца (независимо от уважительности причин неявки) и когда истец сам просит рассмотреть дело в его отсутствие.

Такое толкование п. 10 инструкции вызывает у нас серьезные сомнения. Нам представляется, что из точного смысла п. 10 вытекает лишь требование прекратить дело производством при вторичной неявке истца по неуважительной причине, но не запрещение заслушать дело без участия истца, когда его отсутствие объясняется уважительными причинами. Каков внутренний смысл правила, изложенного в п. 10 инструкции? — Обязательная явка сторон — не самоцель, а средство обеспечения надлежащего исследования дела и правильного его разрешения. В жизни встречаются случаи, когда явка истца в суд не только крайне затруднена, но и вовсе исключена, а отношение истца к вопросу о расторжении брака не представляет для суда сомнений, факт распада семьи бесспорно подтверждается. Истец, например, не может явиться вследствие отправления в дальнее плавание на несколько лет, отъезда в длительную археологическую экспедицию, вследствие инвалидности и т. п. Какие можно привести мотивы против рассмотрения дела без участия истца в подобных исключительных случаях?

Говорят, что неявка истца лишает суд возможности примирить супругов. Но достичь примирения супругов нельзя и при неявке ответчика, а между тем судебная практика, правильно толкуя инструкцию, допускает в некоторых случаях разрешение дела в отсутствие ответной стороны. Почему же можно учитывать особые причины неявки ответчика, но нельзя учитывать особых причин неявки истца? Такое различие в решении процессуального вопроса здесь не оправдано. Отметим, что рассмотрение дела о расторжении брака в отсутствие истца вовсе не означает, что иск о расторжении брака будет непременно удовлетворен. Примеры показывают, как жизненно необходимо в некоторых случаях допускать рассмотрение дела о разводе при неявке истца. Супруги А. вступили в брак в 1940 году. Через полгода вследствие ссор с родителями мужа жена ушла. Совместная жизнь супругов прекратилась. Вскоре муж был призван в Советскую Армию и уехал. С 1943 года супруги порвали всякую связь, даже переписку; каждый из них вступил в близкие отношения с другим лицом. В 1946 году муж обратился в суд с иском о расторжении брака (у каждого из супругов к тому времени было по одному ребенку от другого лица). Местожительство мужа-

истца было удалено от местожительства ответчицы на 6000 километров. Условия службы не позволяли истцу отправиться в долгий путь, и он просил о рассмотрении дела в его отсутствие. Народный суд неоднократно откладывал дело в примирительной стадии и, наконец, 17 сентября 1947 г. вынес в отсутствие истца определение об окончании дела за недостижением примирения супругов. Верховный суд РСФСР 16 апреля 1949 г. отменил это определение в порядке надзора, указав, что «п. 10 инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. не освобождает истца ни в каких случаях от явки в судебное заседание по делу о расторжении брака. В случае его неявки по второму вызову без уважительных причин суд может вынести определение о прекращении дела производством».

После отмены определения дело вновь поступило в народный суд. К этому моменту у каждого из супругов имелось уже по два ребенка. Народный суд, убедившись, что истец лишен возможности приехать, что семья не только давно распалась, но формальное продолжение брачных отношений ставит под угрозу существование двух новых семей и интересы четырех детей, счел возможным и на этот раз удовлетворить просьбу истца о заслушании дела в его отсутствие. Кемеровский областной суд 21 апреля 1950 г. отменил это определение народного суда. Народный суд 15 января 1951 г. сообщил истцу, что сможет заслушать дело лишь при его участии, но, стремясь облегчить положение истца, уведомил его, что в случае приезда дело будет рассмотрено безотлагательно, в тот же день, но если истец не придет до 15 февраля 1951 г., то дело будет прекращено производством. Истец не смог приехать, и дело было прекращено (это определение было отменено Кемеровским областным судом по тому мотиву, что имела место лишь однократная неявка истца, а не двукратная).

Через пять лет после возбуждения дела А., у которого к тому времени родился третий ребенок, добился предоставления ему отпуска и приехал по месту жительства ответчицы. 31 августа 1951 г. дело было рассмотрено народным судом, а в областном суде назначено к слушанию на 7 сентября 1951 г. Вследствие истечения отпуска А. вынужден был уехать, не дождавшись рассмотрения дела в областном суде. На этот раз областной суд сам счел возможным рассмотреть дело в отсутствие А. и расторгнул брак. В данном случае областной суд поступил вопреки установившемуся в судебной практике толкованию п. 10 инструкции. Но разве не очевидно, что это было единственно возможным для советского суда решением процессуального вопроса?!

Вот другой пример. Алма-Атинский суд прекратил производством дело о расторжении брака по заявлению гр-на Ч. по тому мотиву, что истец хотя и извещен о слушании дела, от явки в суд уклоняется. Из материалов дела видно, что Ч., проживающий в Ленинграде, является инвалидом второй группы, болен энцефалитом и по состоянию здоровья лишен возможности выехать в Алма-Ату. Очевидно, что требование явки истца в этом случае стало формальной самоцелью.

Эти примеры показывают, что совершенно необходимо предоставить суду право в отдельных случаях удовлетворять просьбу истца о рассмотрении дела в его отсутствие.

Для возможности урегулировать такие случаи иногда вносят другое предложение, а именно, предлагают расширить перечень оснований, по которым истец вправе просить суд рассмотреть дело по его месту жительства. Однако вряд ли такое разрешение вопроса было бы правильным, так как в этом случае могут быть серьезно ущемлены интересы ответчика.

В последнее время в литературе многими авторами высказывается мнение, что суммы, взыскиваемые при подаче заявления о расторжении брака, а также суммы, взыскиваемые при регистрации развода в органах загса, являются государственной пошлиной.

Из признания этих сумм государственной пошлиной делается вывод, что суд вправе применять п. «з» ст. 43 ГПК и освобождать одну или обе стороны от уплаты этих сумм. Однако при изучении судебной практики нам не встретилось ни одного дела, по которому хотя бы с одной стороны не был бы взыскан хотя бы минимум суммы, подлежащей уплате при регистрации расторжения брака в органах загса (500 руб.). Поэтому можно констатировать, что судебная практика не считает возможным применение п. «з» ст. 43 в отношении этих сумм.

По существу, однако, нет оснований лишать суд права в отдельных исключительных случаях снижать размер минимальной суммы или вообще освобождать стороны от ее уплаты. Для освобождения стороны от уплаты государственной пошлины в процессе о расторжении брака необходимо, чтобы суд признал, что на этой стороне не лежит вина в распаде семьи.

Разрешение в нашем законодательстве главного вопроса — вопроса об основаниях, по которым брак может расторгаться, следует признать правильным. Вводить казуистический перечень формальных оснований к разводу не следует. Основанием для развода попрежнему должен признаваться факт распада семьи, невозможность ее восстановления. Эта фактическая сторона дела должна устанавливаться судом путем оценки доказательств, в том числе на основании показаний сторон.

Пункт 16-а инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. устанавливает в определенных случаях упрощенный порядок расторжения брака. Эта норма имеет не только процессуальный, но и материально-правовой характер. Исчезновение одного из супругов, вызвавшее признание его безвестно отсутствующим, совершение одним из супругов тяжелого уголовного преступления, повлекшее за собой изоляцию этого супруга от общества на длительный срок, хроническая душевная болезнь — все это такие факты, при которых отказ в разводе не может последовать. Но эти обстоятельства не являются тем, что в буржуазном праве называют «поводом к разводу». Таких формальных «поводов» советское семейное право не знает.

Круг случаев, предусмотренных п. 16-а инструкции от 27 ноября 1944 г., может быть расширен, но основные положения нашего законодательства о разводе не могут быть поколеблены: упрощенный порядок расторжения брака может быть применен лишь при наличии таких обстоятельств, которые бесспорно свидетельствуют о том, что брака как такового не существует, но не на основании формальных поводов к разводу. И нужно отрицательно отнестись к попыткам ввести в наше законодательство какие-либо формальные поводы к разводу.

Представляется поэтому неправильным выдвинутое недавно Г. Свердловым предложение¹ считать обоюдное желание супругов расторгнуть брак безусловным основанием расторжения брака. Обоюдное согласие — не основание для расторжения брака, оно лишь одно из возможных доказательств распада семьи. Это доказательство не бесспорно и подлежит проверке судом в совокупности с другими доказательствами по делу. Само собой разумеется, что в большинстве случаев обоюдное, непоколебимое желание супругов расторгнуть брак свидетельствует

¹ Г. Свердлов, Спорный вопрос судебной практики по делам о расторжении брака, «Социалистическая законность» 1953 г. № 9, стр. 37—43.

о происшедшем полном распаде семьи и поэтому очень часто приводит суд к выводу о необходимости расторгнуть брак. Но взаимное согласие супругов на развод неправильно рассматривать как безусловное основание развода. Если стать на эту точку зрения, то придется заявить: в этих случаях суд должен только установить единственный факт — факт обоюдного согласия супругов на развод — и не должен производить исследование всех доказательств по делу, не должен принимать мер к примирению супругов. Если это так, то, очевидно, ставится под сомнение и самый судебный порядок расторжения брака для таких случаев, когда оба супруга требуют развода: ведь установить волю супругов к расторжению брака мог бы с успехом орган загса, как он устанавливает волю лиц, вступающих в брак. Таким образом, предложение Г. Свердлова, которое выглядит на первый взгляд просто как поправка к указу от 8 июля 1944 г., на самом деле является ревизией коренного положения этого указа — принципа расторжения брака только в судебном порядке.

Иногда говорят: брак является добровольным союзом, а поэтому при обоюдном желании супругов расторгнуть брак он не может далее существовать. Это положение ошибочно потому, что в нем идея добровольности брака взята в отрыве от всех прочих сторон того сложного общественного явления, каким является брачный союз. В самом деле, в советском семейном праве отказ в расторжении брака рассчитан на восстановление семьи, которое возможно лишь при желании обоих супругов. Отказывая в иске о разводе, суд рассчитывает, что авторитет судебного решения заставит супруга-истца передумать вопрос о разводе, заставит наладить семейную жизнь. Если мы верим, что авторитет суда может привести к тому, что один из супругов оставит свое намерение развестись, то нельзя отрицать, что авторитет суда может иногда аналогичным образом воздействовать и на обоих супругов. Нельзя забывать, что расторжение брака затрагивает существенно и болезненно интересы детей, и именно интересы детей побуждают супругов восстанавливать совместную жизнь, несмотря на первоначально выраженное ими «непоколебимое решение» развестись.

Именно поэтому должна быть осуждена практика отказов в иске, когда нет более оснований рассчитывать на восстановление семьи. На это обращает внимание Верховный суд СССР в своих последних определениях по делам о расторжении брака. В качестве примера можно сослаться на дело Козлова (1953 г.)¹, где внимание суда было заострено не на мотивах распада семьи, а на вопросе о возможности восстановления семьи. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отмечала по этому делу, что суд «игнорировал обстоятельства дела, которые свидетельствуют о том, что восстановление семейных отношений между супругами Козловыми невозможно, эти отношения фактически давно прекращены». При изучении судебной практики приходится все же встречаться с рядом случаев, когда в расторжении брака суды отказывают, хотя по обстоятельствам дела совершенно очевидно, что нет никаких оснований рассчитывать на восстановление данной семьи.

Эти взгляды на задачи судов по делам о расторжении брака противоречат основным положениям нашего семейного права, которое направлено на укрепление социалистической семьи — семьи, построенной на высоких принципах коммунистической морали. Отсутствие моральных предпосылок для сохранения данной семьи обуславливает ее рас-

¹ «Социалистическая законность» 1954 г. № 2, стр. 92.

пад и приводит суд к выводу о необходимости расторгнуть брак. Сохранение юридической оболочки брака при отсутствии действительных отношений противоречит самому существу понятия советской семьи и не может быть оправдано. Оно не может быть оправдано также и соображениями об интересах детей, так как сохранение оболочки при фактически мертвых отношениях создает такую атмосферу лжи и лицемерия, которая более пагубна для детей, чем открытый уход из семьи одного из супругов.

Настойчивые же попытки «сохранять» брак там, где отношения фактически мертвы, дискредитируют самую идею допускать расторжение брака только по суду: ведь эта идея неразрывно связана со стремлением восстановить семью, которая еще не распалась окончательно.

ПРАВО НА ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ ЧЛЕНА СЕМЬИ ОТВЕТСТВЕННОГО СЪЕМЩИКА

Доцент Д. Швейцер

При рассмотрении судами дел о выселении, о разделе жилой площади либо финансовых лицевого счетов нередко возникает вопрос о праве на площадь лиц, проживающих совместно с основным съемщиком и претендующих на признание за ними как за членами семьи прав постоянных пользователей.

Статья 3 инструкции НКХ и НКЮ РСФСР от 27 января 1934 г., ст. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., инструкция Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 30 августа 1947 г. о порядке заключения договоров найма жилых помещений, а также и типовой договор найма жилого помещения, перечисляя лиц, имеющих самостоятельное право на жилую площадь, указывают наряду с ответственными съемщиками также членов их семей и иждивенцев. Нередко возникают споры о признании того или иного лица членом семьи ответственного съемщика и о возникающем в связи с этим праве на площадь.

В настоящей статье затрагивается только вопрос об определении круга лиц, попадающих под понятие члена семьи.

Примечание к ст. 1 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. (СУ № 80, ст. 535) относилось к членам семьи только супруга и находящихся на его иждивении лиц. После издания закона от 17 октября 1937 г. это постановление было отменено, и в настоящее время нет такой нормы права, которая уточняла бы понятие члена семьи с точки зрения жилищно-правовых отношений.

Как же решает этот вопрос судебная практика?

Судебная практика отказалась от того узкого круга лиц, которые попадали под понятие члена семьи по закону от 1 августа 1927 г. Такой подход к этому вопросу соответствует правилам социалистического общежития и коммунистической морали. Однако единообразия в судебной практике в этом вопросе еще нет. Одни суды слишком широко подходят к определению признаков члена семьи, включая сюда всех родственников, независимо от степени родства или свойства. Другие суды суживают это понятие до круга кровных родственников по прямой линии и супругов. Третьи суды считают решающим признаком не родственные связи, а ведение общего хозяйства (т. е. экономические связи), независимо от наличия и степени родства, и поэтому в число членов семьи включают также лиц, не состоящих в родстве.

Неправильное разрешение этого вопроса влечет за собой необоснованное превращение временных жильцов (поднаемателей) в постоянных пользователей жилой площади, — что ущемляет права основного съемщика, — или нарушает право на площадь членов семьи, необоснованно отнесенных к временным жильцам.

Так по иску Деминой к брату о разделе жилой площади и по встречному иску его о выселении сестры народный суд Фрунзенского района Москвы отказал Деминой в иске и удовлетворил встречный иск

брата о ее выселении как временного жильца. Решение было оставлено в силе Московским городским судом. Верховный суд РСФСР в порядке надзора отменил решение народного суда и определение Московского городского суда, направив дело на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении народный суд удовлетворил иск Деминой, признав ее членом семьи брата, и отказал последнему в иске о выселении сестры. Московский городской суд оставил в силе это решение.

По протесту Председателя Верховного суда СССР это дело было рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР, которая оставила в силе первое решение народного суда и определение городского суда, отменив последующие решения и определения. Судебная коллегия указала в своем определении, что хотя стороны по настоящему делу являются родными братом и сестрой, но, учитывая, что Демина въехала к брату, когда ей было 30 лет, и что она вела самостоятельное от своего брата хозяйство, она не может быть признана членом его семьи и является временным жильцом (поднаимателем).

По другому делу — о выселении Голик М. по иску Голика А. народный суд 5-го участка Подольского района Киева отказал Голику А. в иске, признав ответчицу членом семьи истца, не выяснив даже степени их родства. Решение народного суда было оставлено в силе Киевским областным судом. Протест Прокурора УССР был отклонен Верховным судом УССР.

По протесту Генерального Прокурора СССР Верховный суд СССР отменил упомянутые решения и определения и направил дело на новое рассмотрение, указав, что Голик М. является дальней родственницей Голика А. и хотя прожила у него несколько лет, но членом его семьи не являлась и оставалась временным жильцом, что подтверждается, в частности, тем, что Голик М. платила квартирную плату Голику А.

В одном из своих определений по аналогичному делу Верховный суд СССР указал, что «сам по себе факт родства между истцом и его взрослой дочерью не может служить свидетельством, что стороны по данному делу составляют одну семью».

Верховный суд СССР пришел к выводу, что взрослая дочь въехала вместе с мужем к отцу «не потому, что все они составляли единую семью, а в связи с выселением ответчиков с жилой площади, на которой они ранее проживали». Учитывая это, Верховный суд СССР признал ответчиков временными жильцами (поднаимателями), подлежащими выселению по иску ответственного съемщика.

В указанных (и в ряде других) определениях Верховного суда СССР нет четких указаний, каковы же отличительные признаки члена семьи, однако можно сделать вывод, что членами семьи ответственного съемщика являются лица, объединенные с ним той или иной степенью родственных связей и ведущие с ним общее хозяйство.

Возникает также вопрос: достаточно ли факта вноса квартирной платы родственником ответственного съемщика для признания его временным жильцом? Можно ли считать членом семьи родственника ответственного съемщика, если он платит ему квартирную плату?

Как указано было Верховным судом СССР в определении по делу Голик М., факт внесения ею квартирной платы исключает возможность признания ее членом семьи.

В определении по делу Соколова Верховный суд СССР указал, что «лица, проживающие у основного съемщика или у владельца дома не

по договору найма жилого помещения, а только в силу родственных отношений с ним, не состоящие членами его семьи, могут быть выселены независимо от срока их проживания на спорной площади». Такой вывод основан на ст. ст. 4 и 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. В указанном случае хотя и не было договора найма или поднайма, однако родственник (а нам думается, что и не только родственник), проживающий на основании гостеприимства у основного съемщика, не приобретает самостоятельного права на площадь, не являясь в то же время и поднаимателем.

Представляется, что термин «временный жилец» шире, чем — «поднаиматель», так как ст. 4 указанного постановления Пленума Верховного суда СССР наряду с поднаимателями (временными жильцами) перечисляет и других лиц (опекуны, гости), въехавших к основному съемщику без самостоятельного права на площадь.

Можно сказать, что все те, кто не подпадает под признаки лиц, упомянутых в ст. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., не имеют самостоятельного права на площадь, занимаемую ответственным съемщиком, независимо от того, вносят ли они ему квартирную плату или нет.

Вот почему с особой остротой встает вопрос о признаках членов семьи, отличающих их от временных жильцов.

В определении по делу Рахмиловича («Социалистическая законность» 1948 г. № 2, стр. 15) Верховный суд СССР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, указал, что вселение Рахмиловича в 1943 году к тетке Рудаковской, когда он был совершеннолетним и имел самостоятельный заработок, а Рудаковская имела свой заработок, еще не может служить доказательством того, что он въехал как временный жилец. Материалами дела установлено, что племянник Рахмилович с первого дня вселения жил одной семьей со своей теткой Рудаковской, отдавал ей свой заработок, вел с ней общее хозяйство, они заботились друг о друге. При этих условиях Рахмилович должен быть признан членом семьи Рудаковской и после ее смерти не мог быть выселен, как того требовал районный жилищный отдел.

В определении Верховного суда СССР по делу Безродной («Социалистическая законность» 1954 г. № 5, стр. 90—91) указано, что Афанасьева в 1950 году поселила у себя в комнате племянницу Безродную, которая до 1951 года проживала без прописки, а затем прописка Безродной была оформлена по просьбе Афанасьевой, заявившей, что она тяжело больной человек, нуждается в постоянном уходе и помощи. В 1952 году Афанасьева умерла, а к Безродной был предъявлен районным жилищным отделом иск о выселении как временного жильца. Народный суд 1-го участка Ждановского района Ленинграда удовлетворил этот иск. Ленинградский городской суд оставил решение в силе. Верховный суд РСФСР отклонил протест прокурора. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отклонила протест Генерального Прокурора СССР.

Генеральный Прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР, который согласился с протестом, отменил все решения и определения и отказал жилищному отделу в иске о выселении Безродной. Пленум указал, что материалами дела установлено, что до вселения Безродной Афанасьева (слепая) пользовалась помощью Общества слепых, от которой она отказалась после вселения к ней Безродной. Все свидетели показали, что Безродная проявляла родственную заботу о тетке, вела с нею общее хозяйство, ухаживала за нею. При всех этих данных Безродная должна быть признана членом семьи и в силу ст. 1 по-

становления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. имеет право на площадь и не подлежит выселению после смерти Афанасьевой.

Как широко иногда суды толкуют понятие члена семьи при решении вопроса о праве на площадь, видно из следующих примеров.

В народный суд Советского района Москвы в 1952 году обратился М. с иском о выселении Л. как временного жильца. М. утверждал, что Л., работавшая в том же доме в качестве истопника, была вселена его покойным отцом в 1944 году для оказания услуг тяжело больной матери и отцу М., которому в то время было 63 года. Л. было тогда 28 лет. Истец М. — сын находился тогда на фронте Великой Отечественной войны. В 1945 году умерла мать, а в 1952 году умер отец истца. Истец вернулся из Армии в 1946 году. Л. оставлена была для ухода за ним и за стариком-отцом, но одновременно работала в домоуправлении и не вносила М. квартирную плату. Л. предъявила встречный иск о признании за нею, как членом семьи М., самостоятельного права на площадь и об открытии на ее имя финансового лицевого счета, утверждая, что она въехала к старику М. как его фактическая жена.

Сначала народный суд удовлетворил иск М., решив выселить Л., и отказал ей в иске о признании за нею самостоятельного права на площадь. Это решение оставлено было в силе Московским городским судом, но по протесту Председателя Верховного суда РСФСР было отменено с прямым указанием на то, что Л. является членом семьи М. В доказательство своих исковых требований Л. просила допросить двух ее сослуживцев по домоуправлению, которые утверждали, что Л. въехала к старику М. как его фактическая жена. Несмотря на то, что по просьбе М. был допрошен в качестве свидетелей ряд соседей по квартире, категорически утверждавших, что Л. жила у М. на правах домашней работницы, и невзирая на то, что Л. въезжала к М., когда была жива его супруга, умершая почти через два года после въезда Л., народный суд, а затем и Московский городской суд признали Л. членом семьи М. и на этом основании отказали ему в иске о выселении Л., а за нею признали право на одну из двух смежных комнат, занимаемых М. При этом народный суд не указал в решении, каким именно членом семьи она является. А так как сама Л. настаивала на том, что она въезжала к старику М. как его фактическая жена, то, очевидно, народный суд и Московский городской суд согласились с этой версией.

В 1953 году народный суд Фрунзенского района Москвы рассмотрел дело по иску Л. о выселении С. как бывшей домработницы, прекратившей у нее работу. С. предъявила встречный иск к Л. о признании за нею как за племянницей права постоянного пользователя жилой площадью и о разделе жилой площади.

Народный суд отказал в иске Л. и удовлетворил иск С., признав ее членом семьи Л. С. представила в суд справки домоуправления о том, что она значится по домоводной книге племянницей Л. Несмотря на то, что Л. представила ряд письменных и свидетельских показаний, подтверждающих, что С. работала у нее в качестве домашней работницы, а сама С. призналась в суде, что она не племянница Л. и вообще с нею в родственных отношениях не находится, народный суд признал С. членом семьи Л. только на том основании, что последняя не могла представить письменного трудового договора или расчетной книжки, подтверждающих наличие трудовых отношений с С. По делу установлено было также, что С. дважды прерывала свою работу у Л., переходя на службу в предприятия местной промышленности. И в этом случае народный суд и Московский городской суд не указали в своем решении,

каким именно членом семьи Л. является С. Признать за С. право на площадь как за иждивенкой суд не мог, так как С. прибыла к Л., будучи трудоспособной.

Председатель Верховного суда РСФСР, куда обратилась с жалобой Л., опротестовал решение и определение по этому делу. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР согласилась с протестом. При новом рассмотрении дела в иске С. было отказано и удовлетворен иск Л. о выселении С.

Особый интерес представляет дело по иску М. к Б. о признании за ней как за фактической женой права на часть жилой площади Б. В 1949 году, когда Б. состоял еще в зарегистрированном браке, но жил раздельно с женой, он вселил к себе М., сестру своего товарища, у которой не было постоянной жилой площади. Ее прописку он оформил как временного жильца на срок шесть месяцев «для ухода за больным» (Б. — инвалид труда, страдает стенокардией и склерозом мозга). После вселения М. ее временная прописка неоднократно возобновлялась, причем указывались различные основания: «до оформления развода», «до регистрации брака», «до подыскания жилой площади». В 1953 году в связи с отказом Б. продлить дальнейшую прописку М. она предъявила иск о признании за нею права на площадь Б. Он предъявил встречный иск о выселении М. как временного жильца. Народный суд Бауманского района Москвы сначала удовлетворил иск Б. о выселении М., признав ее временным жильцом, и отказал ей в иске о закреплении за нею части жилой площади, исходя из того, что Б. оказал гостеприимство М. и длительное время разрешал ей бесплатно жить в его комнате, впредь до подыскания жилья.

Это решение было отменено Московским городским судом на том основании, что М. является членом семьи Б., так как она въехала к нему как будущая жена.

При новом рассмотрении дела народный суд удовлетворил иск и Московский городской суд оставил в силе решение народного суда.

По жалобе Б. Председатель Верховного суда РСФСР опротестовал второе решение народного суда и оба определения Московского городского суда. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР согласилась с протестом и отменила все последующие решения по этому делу, оставив в силе первое решение народного суда. В своем определении Судебная коллегия указала, что в момент вселения М. к Б. у последнего не был расторгнут брак, у М. не было также документов о разводе (она это оформила лишь в 1951 году, а Б. до последнего времени не получил по решению суда в загсе свидетельства о разводе). Все это свидетельствует о том, что у Б. не было намерения вступить в брак с М. и ее нельзя рассматривать как члена семьи Б.

В тех случаях, когда совершенно очевидно, что при вселении женщины к мужчине имелось явно выраженное обоюдное намерение построить брачную жизнь, если к тому же в результате совместной жизни у этих людей появились дети, судебная практика Верховного суда СССР считает недопустимым выселение матери с ребенком как временных жильцов. Такое выселение было бы лишено всякого морального и законного основания и отражало бы формально-бюрократический подход к решению дела (см. частное постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Ц. и С.).

Гуманное решение жилищного спора в интересах матери и ребенка вполне оправдано приведенными соображениями.

Можно привести еще один пример правильного разрешения судом дела о признании за проживающим права на площадь как за членом семьи.

Супруги Б. жили в подвале с сыном Львом, занимая втроем комнату в 11 кв. м. Дедушка и бабушка Льва жили в другом доме и занимали светлую хорошую комнату размером 14 кв. м. Желая создать своему внуку нормальные условия для воспитания, дед с бабушкой взяли к себе внука, который ряд лет жил у них, будучи прописанным у родителей. В 1949 году умер дедушка. В это время Лев уже был студентом и получал большую стипендию (700 руб. в месяц). С тех пор он прописался у бабушки и, как и раньше, вел с нею общее хозяйство, отдавая ей всю свою стипендию. В 1953 году умерла бабушка Льва, и он обратился в жилищный отдел с просьбой о переводе на его имя финансового лицевого счета. Ввиду отказа со стороны жилищного отдела, он предъявил иск об открытии на его имя лицевого счета, а жилищный отдел предъявил к нему встречный иск о выселении как временного жильца. Допрошенные в суде свидетели подтвердили обоснованность иска Льва Б., показали, что дед и бабушка с малых лет приняли внука Льва в свою семью, где он постоянно жил. Когда внук вырос и стал получать стипендию, он отдавал ее своей бабушке, которая вела общее хозяйство, заботясь о внуке. И хотя у Льва были родители, но они жили отдельно. На этом основании народный суд Киевского района Москвы удовлетворил иск Льва Б. и отказал во встречном иске районному жилищному отделу. Московский городской суд оставил решение в силе.

Это решение не вызывает никаких сомнений, так как Лев въехал к деду и бабушке и жил с ними как член семьи, а не как временный жилец, и поэтому в силу ст. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. приобрел самостоятельное право на площадь в комнате бабушки.

Нам представляется, что назрела необходимость внести ряд уточнений в постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., в частности, следует уточнить ст. 1 этого постановления, трактующую о праве на площадь членов семьи.

Подводя итоги сказанному, можно сделать выводы, что: а) члены семьи — это лица, совместно живущие и связанные родством, усыновлением, свойством или супружеством; б) для признания вселившегося к съемщику членом его семьи необходимо наличие общности экономических связей (общее ведение домашнего хозяйства), проявление заботы друг о друге, общность семейных связей с момента вселения; в) утрата в дальнейшем этих связей не имеет значения с точки зрения жилищных правоотношений; г) каждый из этих признаков в отдельности недостаточен, — только их сочетание дает возможность судам установить наличие семейных связей.

НАДЗОР ПРОКУРАТУРЫ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Л. Верецагин

Прокурор Алтайского края

Огромные задачи, стоящие в настоящее время перед сельским хозяйством, требующие привлечения новых кадров, крупных денежных и материальных средств, серьезной творческой организации, определяют и ответственные задачи органов прокуратуры — способствовать успешному подъему сельского хозяйства своей активной деятельностью по надзору за строжайшим соблюдением социалистической законности на каждом участке работы.

Новые требования партии в вопросах дальнейшего развития сельского хозяйства подчеркивают крайнюю необходимость со стороны аппарата областных, краевых прокуратур, а также Прокуратуры РСФСР и Прокуратуры СССР изменения форм организации в руководстве деятельностью подчиненных им прокурорских органов, в особенности сельскохозяйственных районов, и в первую очередь тех районов, областей, краев и республик, где производится освоение целинных и залежных земель. Для того чтобы успешно руководить работой подчиненных периферийных органов и способствовать им в решении поставленных перед ними задач, необходимо, чтобы работники центральных аппаратов были в постоянной связи и общении с периферийными органами, знали положение дел на местах, во-время подмечали отдельные недостатки в их работе, повседневно оказывали практическую помощь во всех возникающих вопросах.

Прокуратура Алтайского края соответственно новым требованиям партии проделала некоторую работу.

Проведены четыре кустовых совещания районных прокуроров. Присутствовало на совещаниях 75 прокуроров сельскохозяйственных районов. Обсуждены доклады о задачах органов прокуратуры в свете последних решений Пленумов ЦК КПСС. На совещаниях выявилось, что еще не все районные прокуроры и работники аппарата краевой прокуратуры имеют представление о новых организационных формах перестройки работы.

С целью оказания помощи прокурорам в организации общенадзорной работы отделом общего надзора прокуратуры края по согласованию с другими оперативными отделами был разработан план общенадзорных проверок, в котором определялись важнейшие вопросы, вытекающие из постановлений Пленумов ЦК КПСС. В плане были показаны методы и формы проведения проверок исполнения законов.

Прокуратура края широко использовала практику посылки работников аппарата на периферию для оказания непосредственно на месте помощи в организации прокурорской работы. Работники аппарата вместе с районными прокурорами на местах тщательно проверили состояние с выполнением законности в сельском хозяйстве и через партийные и советские органы приняли необходимые меры к установлению причин нарушения законности и к предупреждению их в дальнейшем. Правиль-

ная организация работы районных прокуратур зависит также от правильной расстановки кадров низовых работников, от деловых и политических качеств каждого работника: от них требуется, чтобы они понимали глубокий смысл линии партии в сельском хозяйстве, знали особенности сельского хозяйства, умели разбираться в положении дел с соблюдением законности в каждой МТС, в каждом колхозе и совхозе.

Как показало проведенное нами в свете новых требований тщательное и всестороннее изучение прокурорских кадров, некоторые прокуроры сельскохозяйственных районов края и их помощники, а также некоторые следователи не обеспечивали выполнения возложенных на них функций ввиду отсутствия у них достаточного практического опыта работы, знаний особенностей сельского хозяйства и недостаточной теоретической подготовки.

Поэтому мы вполне сознательно пошли на некоторое ущемление аппарата краевой прокуратуры и прокуратур городских районов, отобрали работников, теоретически и практически подготовленных, и направили их на работу прокурорами сельскохозяйственных районов (прокурор уголовно-судебного отдела т. Казин — в Кулундинский район; прокурор отдела общего надзора т. Калечин — в Локтевский район; прокурор отдела по надзору за органами милиции т. Захаров — в Быстро-Истокский район; помощник прокурора г. Рубцовска т. Теньгаев — в Егорьевский район; прокурор Суетского района т. Новиков — в Славгородский район и т. д.). Направленные на периферию работники, получившие при работе в аппарате опыт организаторской работы, неплохо справляются с возложенными на них обязанностями, проявляя должную активность в борьбе за укрепление законности в районах.

Была также произведена соответствующая перестановка некоторых прокурорских работников из районов с большим объемом работы, где производится освоение целинных и залежных земель, в районы с меньшим объемом работы.

Живая связь работников аппарата с периферией, их частые выезды в районы, организация проверок по выполнению законности непосредственно с работниками районных прокуратур — все это дало возможность повышать активность наших органов в выявлении нарушений законности и принимать необходимые меры к их предупреждению.

Проверками, произведенными районными прокурорами и работниками краевой прокуратуры во многих колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях края, вскрыты серьезные нарушения закона.

Несмотря на возросшую роль МТС в руководстве деятельностью колхозов, многие МТС до сих пор занимаются выполнением узкого круга сельскохозяйственных работ и мало заботятся об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, об оказании им помощи в механизации трудоемких работ, в строительстве животноводческих помещений, в налаживании колхозного учета, в борьбе с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели и т. п.

В некоторых МТС законодательство о труде и трудовой дисциплине не соблюдается в полной мере. В частности, зачисление бригадиров тракторных бригад, их помощников, трактористов, учетчиков, заправщиков, рабочих ремонтных мастерских в штаты постоянных рабочих МТС производилось формально. Трудовые и расчетные книжки на многих рабочих МТС не были выписаны. Во многих МТС не был организован учет явки и ухода с работы. Многие директора МТС не имели действительного представления о состоянии трудовой дисциплины и не вели должной борьбы с ее нарушителями. В отдельных МТС не испол-

зуются в целях укрепления трудовой дисциплины товарищеские суды как органы общественного воздействия; во многих МТС они совершенно бездействовали. В некоторых колхозах имеются нарушения финансовой дисциплины, растраниживание общественных средств и нарушения демократических основ управления делами колхозов.

По новому положению о МТС последние рассматривают, а затем, по их представлению, исполкомы местных советов трудящихся утверждают годовые отчеты колхозов с глубоким анализом всей финансово-хозяйственной деятельности, причем рассмотрение и утверждение годовых отчетов является одной из важнейших форм руководства колхозами и контроля над их финансово-хозяйственной деятельностью. Однако проверка показала, что годовые отчеты колхозов рассмотрены МТС и утверждены исполкомами районных советов в полном соответствии с требованиями закона только на 15% общего количества колхозов, имеющих в крае. В большинстве же случаев рассмотрение и утверждение годовых отчетов превращалось в пустую формальность. Так Панкрусинский исполком районного совета рассмотрел в один день годовые отчеты по шестнадцати колхозам и утвердил их одним решением, не сделав ни по одному из них никаких замечаний; исполком Белоглазовского районного совета тоже без единого замечания рассмотрел и утвердил одним решением годовые отчеты по пяти колхозам зоны Папанинской МТС.

В решениях исполкомов ничего не говорится о таких важных вопросах, как соблюдение Устава сельскохозяйственной артели, ликвидация дебиторской задолженности, укрепление трудовой дисциплины, отчисление средств на пополнение неделимых фондов, хотя во многих колхозах имеются существенные недостатки по этим вопросам.

Организованные при МТС группы инструкторов -- бухгалтеров по колхозному учету работают еще плохо, никаким контролем над финансово-хозяйственной деятельностью правлений колхозов, по сути дела, не занимаются. Директора МТС работу их в этом направлении не контролируют.

Расширение посевных площадей зерновых культур в крае и в силу этого необходимость освоения большого количества целинных и залежных земель требовали от краевого управления сельского хозяйства и районных советов депутатов трудящихся заблаговременно выявить и учесть все имеющиеся пахотоспособные земли и во-время оформить отвод этих земель колхозам и совхозам.

Проверкой в управлении землеустройства краевого управления сельского хозяйства и на местах мы установили серьезные нарушения. Исполкомы районных советов и краевое управление сельского хозяйства при отборе и отграничении земельных участков колхозам и совхозам стали на путь упрощенчества, а именно: а) во многих случаях исполкомы незаконно производили отвод земель по запискам и заявлениям председателей колхозов или по решениям самих исполкомов, игнорировалась роль общих собраний членов колхозов; б) не обеспечивался своевременный подбор и оформление всей документации, необходимой при утверждении краевым исполкомом отвода земель колхозам и совхозам, вследствие чего при разрешении этих вопросов допускалась волокита, что влекло далее замедление работ по освоению отводимых земельных массивов. Все это в некоторых случаях обусловило самовольный захват земли и нарушение порядка землепользования.

Принятые за последнее время постановления партии и правительства, направленные на крутой подъем сельского хозяйства, имеют основной целью повышение благосостояния всего советского народа. В связи

с этим роль прокурорских органов в охране прав и интересов трудящихся неизмеримо повышается.

Проверками соблюдения законности, произведенными прокуратурой края и прокурорами районов в колхозах, МТС, совхозах, вскрыты факты ущемления законных прав отдельных рабочих, колхозников, специалистов сельского хозяйства. Директор Старо-Кучукской МТС Родинского района своими приказами подвергнул штрафу четырех рабочих по 50 руб. каждого за то, что они не посещали техническую учебу, и оштрафовал трех рабочих МТС по 50 руб. каждого за небрежное отношение к выездной лошади. Директор Зареченской МТС Толчихинского района подверг штрафу одиннадцать механизаторов на 810 руб. за несвоевременное представление отчетности. Директор Бийского треста мясокомбината совхозов своим приказом запретил директорам совхозов производить бесплатное обеспечение постельными принадлежностями рабочих, прибывших на освоение целинных и залежных земель, тогда как в соответствии с указанием Министра совхозов СССР трест обязан бесплатно обеспечить прибывших постельными принадлежностями. Директор зерносовхоза Поспелихинского района своими приказами незаконно установил удержания из заработной платы рабочих за различные упущения их по работе.

Во многих колхозах края нарушается принцип материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства: подлежащие зачислению на особые счета средства, полученные от реализации колхозной продукции, как правило, не зачисляются, и дополнительная оплата труда колхозникам не выдается, имеют место случаи использования этих средств не по назначению.

Нами также были вскрыты факты грубого нарушения некоторыми правлениями колхозов ст. 17 Примерного устава сельскохозяйственной артели

Некоторые правления колхозов, не принимая мер к укреплению трудовой дисциплины и не проводя никакой воспитательной работы среди колхозников, стали на путь широкого применения к колхозникам материальной ответственности в совершенно произвольных видах и размерах. Были установлены отдельные случаи, когда правления колхозов подвергали колхозников штрафу не только в трудоднях, но и лишали колхозников приусадебных участков, денежных и натуральных авансов и т. п.

Органами прокуратуры края принесено значительное число протестов на незаконные решения правлений колхозов и общих собраний.

Проверками, проводимыми прокуратурой края, были охвачены и вопросы организации советской торговли на селе и использования выделяемых государством фондов на промышленные товары и продукты питания, предназначенные для обеспечения вновь прибывших рабочих и специалистов сельского хозяйства. Были установлены факты растранижирования отдельными потребительскими союзами полученных по специальным фондам товаров и нарушения принципа советской торговли. Виновные в растранижировании товаров были привлечены прокуратурой края к судебной ответственности.

По всем вскрытым проверками фактам нарушения законности наши работники вместе с районными прокурорами непосредственно на месте принимали через партийные и советские органы необходимые меры к немедленному устранению нарушений законности.

Используя материалы проведенных проверок, прокуратура края внесла четыре представления в краевой комитет КПСС и в исполком

краевого совета депутатов трудящихся, которыми также были приняты меры, направленные на ликвидацию вскрытых нами нарушений законности.

О всех результатах проведенных нами проверок были информированы Генеральный Прокурор СССР и Прокурор РСФСР.

Кроме того, обобщив материалы проверок, прокуратура края сделала краткий обзор, в котором было главным образом обращено внимание всех районных прокуроров на имеющиеся недостатки в работе по надзору за выполнением законности.

Вместе с тем мы считаем, что повышение активности в надзоре за соблюдением законности в сельском хозяйстве является не только обязанностью прокуроров сельскохозяйственных районов, но и прямой обязанностью прокуроров городов и промышленных районов. Поэтому в составленном нами плане организационных мероприятий была подчеркнута обязанность прокуроров городов и промышленных районов неослабно осуществлять надзор за исполнением законов о качестве выпускаемых на предприятиях сельскохозяйственных машин, об обеспечении сохранности машин, оборудования и других материалов, предназначенных для сельского хозяйства.

В работе городских и районных прокуроров и непосредственно в работе самого аппарата прокуратуры Алтайского края имеются еще большие и серьезные недостатки. Прокуратура края уделяет еще мало внимания воспитанию прокурорско-следственных кадров в духе высокой государственной ответственности за выполнение возложенных на нее функций. Прокуратура края не обеспечила еще нужной организационной перестройки в руководстве деятельностью периферийных органов.

Мы вправе рассчитывать, что в связи с возросшим значением Алтайского края, ответственными задачами, поставленными партией перед сельским хозяйством края, Прокуратура СССР и Прокуратура РСФСР будут уделять нашей работе больше внимания, будут отзывчивее откликаться на выдвигаемые нами вопросы и оказывать нам больше практической помощи в работе.

ПОВЫСИТЬ АКТИВНОСТЬ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. Козлов

*Начальник управления юстиции
по Молотовской области*

Рассматривая и разрешая гражданские дела, судебные органы выполняют важную государственную задачу по дальнейшему укреплению социалистической законности, по охране законных интересов государственных, общественных и кооперативных организаций и охране гарантированных Конституцией СССР прав и интересов советских граждан. Эти задачи обязывают советский суд разрешать каждое дело в строгом соответствии с требованиями материальных и процессуальных законов.

Значение гражданских дел возлагает широкие и ответственные задачи и на прокурора в гражданском процессе. Прокурор имеет право и обязан, когда это требуется, в интересах государственных и общественных организаций и в интересах граждан предъявлять в суде иск, вступать в процесс по начатому делу, осуществлять надзор за правильностью разрешения дел, по которым он не участвовал в суде, приносить протесты.

Осуществлением этих своих прав и обязанностей прокуроры должны всемерно содействовать выполнению задач, возложенных на советское правосудие.

Однако практическая деятельность многих районных и городских прокуроров Молотовской области в гражданском процессе не отвечает этим требованиям. Имеются еще случаи нарушения Устава сельскохозяйственной артели, приносящие материальный ущерб колхозам, имеются факты невзыскания дебиторской задолженности колхозов. Однако прокуроры совершенно недостаточно предъявляют иски в судах по таким делам.

Приговором народного суда 2-го участка Чернушинского района Молотовской области 29 августа 1953 г. Нерослов М. осужден по ст. 79, ч. 1. УК со взысканием 7494 руб. в возмещение ущерба, причиненного колхозу «Победа». Молотовский областной суд, оставив приговор в силе в части меры наказания, отменил его в части гражданского иска, предоставив право колхозу «Победа» отыскивать убытки в общеисковом порядке. Вследствие того, что правление колхоза не предъявило иск к Нерослову, народный судья т. Осипов обратил внимание прокурора Чернушинского района на необходимость встать на защиту интересов колхоза «Победа». Однако исполняющий обязанности прокурора т. Рябоконь 6 января 1954 г. сообщил т. Осипову, что не может предъявить иск ввиду того, что в уголовном деле нет документов, подтверждающих стоимость имущества колхоза, уничтоженного пожаром, возникшим по вине осужденного Нерослова. Народный судья т. Осипов правильно пишет по этому поводу: «Считаю ссылку прокурора Чернушинского района неосновательной, являющейся не чем иным, как отказом от защиты интересов колхоза. Требуемые прокурором сведения можно получить в колхозе «Победа».

Предъявляя иски, прокуроры должны являть образцы законности. Но, к сожалению, иногда ими предъявляются иски, обоснование и оформление которых стоит на низком уровне. Прокурор Кудымкарского района, например, вынужден был даже сам отказаться по некоторым делам от своих исковых требований вследствие необоснованности их предъявления.

Участие прокурора в судебном заседании должно содействовать правильному отправлению правосудия. Прокурор должен свое выступление в суде основывать на законе. К сожалению, некоторые прокуроры, участвуя в судебных процессах, не выполняют этих задач.

22 июня 1953 г. в народном суде 2-го участка Орджоникидзевого района слушалось дело по иску Фатхутдинова к СУ Гидромеханизации о взыскании 1666 руб. за увечье. Дело рассматривалось под председательством временно исполняющего обязанности народного судьи — народного заседателя т. Бердниковой. Участвовавший по делу прокурор т. Гриф дал следующие заключения: «Факт несчастного случая установлен, но кто в этом виноват, мы установить не могли, так как в этом ни та, ни другая сторона не виновата. Мы имеем сейчас случай страховой, так как виновных лиц здесь нет. Поэтому я прошу в иске отказать». Заключение прокурора — неправильно, поскольку из имеющегося в деле акта о несчастном случае и заключения технического инспектора центрального комитета профессионального союза работников электростанций видно, что несчастный случай произошел по вине администрации. Между тем народный суд под председательством народного заседателя т. Бердниковой, прислушавшись к мнению прокурора, в иске отказал. Решение народного суда областным судом было отменено.

Под председательством же т. Бердниковой 20 июня 1953 г. было рассмотрено гражданское дело по иску Нужиной к Кашину о взыскании вознаграждения за работу в качестве домашней работницы за период с ноября 1950 года по 20 июня 1953 г. В своем заключении прокурор т. Гриф просил суд взыскать в пользу истицы по 20 руб. за тридцать месяцев. В деле не было справки районного исполкома об оплате труда домашних работниц, и прокурор т. Гриф руководствовался своим личным мнением, как надо оплачивать труд домашней работницы. Решение народного суда, вынесенное в соответствии с заключением прокурора, отменено областным судом как неправильное (при вторичном рассмотрении дела в пользу Нужиной было взыскано 1450 руб., так как согласно справке районного исполкома оплата за труд домашней работницы установлена в размере до 100 руб. в месяц).

Прокурор г. Чусового т. Лыкасов, выступая 16 июля 1953 г. в народном суде 1-го участка г. Чусового по иску Зильберга к управлению строительства треста «Чусовлес» о восстановлении на работе и о взыскании денежных сумм за вынужденный прогул, просил в иске отказать, хотя увольнение Зильберга было неправильным, так как он был уволен по п. «в» ст. 47 Кодекса законов о труде без предварительного решения расценочно-конфликтной комиссии.

29 августа 1953 г. народный суд 2-го участка г. Краснокамска под председательством временно исполняющего обязанности народного судьи т. Яковлева рассмотрел гражданское дело по иску фабрики «Гознак» к Свистуновой о выселении из квартиры и взыскании задолженности по квартирной плате. В своем заключении представитель прокуратуры г. Краснокамска просил суд выселить Свистунову с занимаемой жилой площади без предоставления другой площади и взыскать с нее 444 р. 29 к. Судебное решение, вынесенное в соответствии с заключением прокурора, Молотовским областным судом было отменено по

мотивам, что вопрос о выселении Свистуновой уже рассматривался народным судом 25 июля 1953 г. и в иске было отказано. Таким образом, народный суд в нарушение ст. 2 ГПК принял вновь исковое заявление истца о взыскании задолженности по квартирной плате за то же время и о выселении по тем же основаниям. При этом суд не учел, что задолженность образовалась ввиду временных материальных затруднений истицы (определением народного суда от 30 сентября 1953 г. дело в части выселения Свистуновой было прекращено).

Представитель прокуратуры Сталинского района г. Заверненкова, выступая с заключением 10 декабря 1953 г. в народном суде 2-го участка Сталинского района г. Молотова по иску Ситковой о восстановлении на работе в качестве контролера, признала увольнение Ситковой правильным и просила в иске отказать, хотя Ситкова администрацией была уволена по п. «в» ст. 47 Кодекса законов о труде без санкции расценочно-конфликтной комиссии, чем было допущено грубое нарушение закона (решение народного суда, вынесенное под председательством временно исполняющего обязанности народного судьи т. Чекина, областным судом отменено, и гр-ка Ситкова восстановлена на работе).

20 июня 1953 г. в народном суде 1-го участка г. Чермоза слушалось гражданское дело по иску Васевой к орсу Чермозского металлургического завода о восстановлении на работе в качестве продавца магазина № 4: т. Васева была уволена, несмотря на то, что у нее была пятимесячная беременность, а разрешения органов охраны труда на увольнение ее не было, что необходимо в силу постановления НКТ РСФСР от 8 августа 1922 г. Однако помощник прокурора г. Чермоза т. Новиков в своем заключении признал увольнение Васевой правильным.

Управлением юстиции по Молотовской области изучено 49 гражданских дел, по которым в народных судах прокуроры давали заключения. Оказалось, что по 33 делам (67%) заключения прокуроров были необоснованными.

В ряде случаев прокуроры проявляли непоследовательность: имея определенную точку зрения, выраженную в заключении их по тому или иному делу, они не отстаивают ее до конца в случае, если решение судом вынесено не в соответствии с заключением прокурора. Так 31 августа 1953 г. в народном суде Григорьевского района слушалось гражданское дело по иску Лещева об исключении домовладения из описи имущества. В судебном заседании прокурор Григорьевского района т. Малов просил в иске Лещеву отказать. Но суд удовлетворил иск Лещева. Несмотря на такое решение суда, прокурор его не опротестовал (оно отменено областным судом по жалобе управления Гострудсберкасс и Госкредита по Молотовской области).

Народный судья т. Кочегарова (народный суд 3-го участка г. Кизела), выступая 24 мая 1953 г. в г. Кизеле на совещании народных судей промышленных городов, сообщила, что помощник прокурора г. Кизела т. Мякишев, прежде чем дать заключение, спрашивает у народного судьи его мнение по делу и на какой закон он, Мякишев, должен сослаться. Тов. Кочегарова правильно говорит, что такое участие прокурора в процессе никому не нужно.

Заместитель народного судьи 4-го участка г. Кизела — народный заседатель т. Шалаев, не юрист, шахтер — на том же совещании говорил, что помощник прокурора г. Кизела т. Вязовская, участвуя в гражданских процессах по делам о регрессных исках, связанных с причинением вреда здоровью, вместо того чтобы оказывать суду помощь, проявляет торопливость, предлагает судье: «Напишите резолютивную часть,

а там — потом!» Между тем т. Вязовской хорошо известно, что народный суд, заслушав дело, обязан сразу же выносить мотивированное решение и только в исключительных случаях может ограничиться написанием резолютивной части решения.

В народном суде 2-го участка г. Кунгура по иску Молотовского мясокомбината к Углеву о взыскании 3800 руб. помощник прокурора г. Кунгура т. Кузнецов дал буквально следующее «заключение»: «Граждане судьи! Уйдя в совещательную комнату, вы должны правильно разрешить дело, иначе вам вновь придется его рассматривать!»

Важное значение имеет осуществление надзора за правильным разрешением гражданских дел. Прокурор обязан проверять в кассационный срок разрешенные гражданские дела. Точное выполнение этой обязанности квалифицированными прокурорами обеспечило бы своевременное исправление ошибок народных судов, содействовало бы повышению качества рассмотрения гражданских дел, борьбе за дальнейшее укрепление законности. Однако многие гражданские дела не проверяются прокурорами в кассационные сроки. В некоторых же судах гражданские дела вообще не проверяются. Например, в народном суде 3-го участка Красновишерского района прокурор не проверил ни одного дела с момента организации суда — с конца 1951 года. Вследствие подобного отношения к судебному надзору по гражданским делам остаются иногда неопротестованными совершенно неправильные решения суда.

Проводя ревизии работы народных судов, управление юстиции Молотовской области вскрыло, что при выполнении государственного плана заготовок картофеля руководители некоторых предприятий и правления колхозов допускали антигосударственную практику. Вместо фактической сдачи-получения картофеля они заключали между собой в обход закона договоры «хранения» картофеля, причем колхоз получал квитанцию якобы о сдаче картофеля в счет выполнения государственного плана заготовок, а договором оформлялось якобы получение колхозом этого картофеля заимообразно от организации, выдавшей колхозу квитанцию. После такого явного обмана государства организации, «сдавшие на хранение» неполученный картофель и не получившие его и позднее в натуре, предъявляли в судах иски. Ответчики — правления колхозов признавали иски, подтверждая, что они якобы действительно получали заимообразно картофель, и суды удовлетворяли эти иски. Так были рассмотрены следующие дела: народным судом 1-го участка Добрянского района по иску орска к колхозу имени Зубкова о взыскании стоимости картофеля — 61 555 руб.; народным судом 2-го участка Чермозского района по иску Чермозского райпищекомбината к колхозу «Красный пахот» о взыскании стоимости картофеля в сумме 18 000 руб.; народным судом 2-го участка Чернушинского района по иску орска треста «Гремячинскуголь» к колхозу «Большевик» о взыскании 152 ц картофеля или стоимости его в сумме 13 688 рублей.

Ни по одному из таких дел не было принесено протеста ни в кассационном, ни в надзорном порядке, хотя прокуроры обязаны были не только принять участие в рассмотрении этих дел и принести по ним протесты, но обязаны были и разоблачить и пресечь эту антигосударственную практику в момент, когда она совершалась.

Управлением юстиции во время ревизии были обнаружены несколько десятков таких дел. По всем делам управление юстиции принесло представления Председателю Верховного суда РСФСР, по протесту которого все решения были отменены Верховным судом РСФСР.

Нет надобности приводить другие примеры. Приведенных более чем достаточно, чтобы подтвердить вывод о наличии серьезных недостатков

в прокурорском надзоре за разрешением гражданских дел в народных судах многих районов области.

Почему стало возможным столь неправильное отношение некоторых прокуроров к гражданским делам?

Прежде всего, серьезная вина лежит, несомненно, на прокуратуре Молотовской области, которая недостаточно квалифицированно руководила этим участком работы. Бригада Прокуратуры СССР проверяла в 1953 году работу прокуратуры Молотовской области, но, видимо, тоже не сумела внести изменения в работу прокуроров на столь ответственном, серьезном участке.

Подготовка кадров юристов в юридических высших и средних учебных заведениях с каждым годом улучшается, но в некоторых из них до сих пор существует недооценка значения гражданских дел, недооценка роли суда, прокурора и адвоката по этим делам, что отрицательно отражается на подготовке кадров.

На слабую подготовку кадров влияют серьезные недостатки в учебниках. Так взамен явно неполноценного учебника т. Карева «Судоустройство» (изд. 1949 г.), в котором значение гражданских дел, вопреки жизни, фактически игнорировалось, в свет появился новый учебник для вузов проф. Карева «Советское судоустройство» (изд. 1951 г.), но и в нем проф. Карев, сделав некоторые исправления и дополнения, не устранил серьезных недостатков, — он продолжает недооценивать значение гражданских дел, в частности роль и задачи прокурора в гражданском процессе им крайне обеднены и скудно освещены на одной неполной страничке учебника. При этом в учебнике содержатся принципиально неверные утверждения. Вопреки указанию Ленина, что «Прокурор обязан опротестовать всякое незаконное решение», т. Карев освобождает прокурора от обязанностей, наделяя прокурора преимущественно правами: «Прокурор может участвовать в гражданском процессе не только по своей инициативе, но и по инициативе суда»; или: «каждый прокурор имеет право в установленный законом срок принести протест в вышестоящий суд на всякое незаконное и необоснованное судебное решение».

И в Юридическом словаре (Госюриздат, 1953) роль и задачи прокурора в гражданском процессе изложены тоже неправильно. На стр. 537 Словаря («Прокурор в советском гражданском процессе») читаем: «Прокурор имеет право возбудить и кассационное производство. Если, по его мнению, решение суда является противозаконным или необоснованным, то он имеет право принести кассационный протест в вышестоящий суд». Задачи прокурора, связанные с исполнением судебных решений, изложены так: прокурор «имеет право принести протест на действия судебного исполнителя в народный суд по месту исполнения решения». И это все! Ну, а какие обязанности прокурора, когда судебный исполнитель не может выполнить решение потому, что, например, руководитель предприятия-ответчика отказывается от исполнения судебного решения о взыскании в пользу колхоза? Или администрация отказывается от восстановления трудящегося на работе?

Необходимо решительно поднять активность и культуру прокурора в гражданском процессе, решить этот вопрос в соответствии с теми высокими государственными задачами, которые выполняет прокуратура.

ШИРЕ ПРОПАГАНДИРОВАТЬ СОВЕТСКИЕ ЗАКОНЫ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

Н. Светозаров

Постановления ЦК КПСС о дальнейшем развитии сельского хозяйства представляют величественную программу, выполнение которой явится крупным шагом по пути к коммунизму.

Важные и ответственные задачи встают в связи с этим перед органами юстиции и суда. Работники юстиции и суда должны улучшить связь с колхозами, МТС и совхозами, оказывать им юридическую помощь. Советские юристы обязаны шире развернуть разъяснение советских законов. Они должны разъяснять содержание и роль советских законов, значение советской законности в дальнейшем развитии и укреплении социалистического государства. Особое внимание должно быть обращено на усиление охраны государственного и общественного имущества.

Большинство судей и работников органов юстиции правильно поняли свои задачи и в настоящее время проводят значительную работу по пропаганде советских законов и решений Пленумов ЦК КПСС. Так народный судья Сталинабадского района Таджикской ССР т. Бабаев на конкретных примерах мобилизует внимание колхозников и рабочих МТС на выполнение постановлений сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС; ясно и доходчиво проводит пропаганду советских законов народный судья Октябрьского района Таджикской ССР т. Низаметдинов; народного судью 1-го участка Центрального района г. Сталинабада т. Копылову можно часто встретить на предприятиях города, где она проводит доклады и беседы. Трудящиеся слушают их с большим вниманием и всегда задают много вопросов на интересующие их темы. Практика показала, что с большим интересом слушаются доклады и беседы на темы об укреплении законности, о решениях Пленумов ЦК КПСС, охране социалистической собственности, о бдительности, о законах о труде, о правилах социалистического общежития и укреплении советской семьи.

Народные судьи, являясь избранниками народа, обязаны в соответствии с требованиями ст. 29 Закона о судостроительстве систематически отчитываться о работе народного суда перед избирателями, увязывая эту работу с пропагандой советских законов. Отчитываясь перед избирателями, народные судьи устанавливают более тесную связь с ними и в то же время помогают коммунистическому воспитанию советских граждан. Поэтому необходимо улучшить качество отчетных докладов, добиться того, чтобы каждый доклад народного судьи мобилизовал граждан на строгое соблюдение советских законов. Там, где народные судьи серьезно относятся к проведению отчетных докладов, они проходят на высоком идейно-политическом уровне. К таким судьям относятся народный судья Яванского района т. Назиров, Молотовабадского района т. Ишкнеев и др.

Однако имеются и такие судьи, как народный судья т. Джумаев (Захматабадский район Ленинабадской области), т. Ахунов (Таджик-

абадский район Гармской области), т. Сафаров (Московский район Кулябской области), которые не отчитываются перед избирателями. Объясняется это отчасти и тем, что некоторые начальники областных управлений юстиции (Ленинабадского — т. Ахроров, Гармского — т. Джалилов) недостаточно контролируют работу народных судей по проведению отчетов перед избирателями и пропаганде советских законов.

Пропаганда советского права проводится и на занятиях с народными заседателями, где они знакомятся с советскими законами. Большинство народных судей проводят эти занятия систематически.

Пропаганда советских законов во всех ее формах ведет к улучшению работы народного суда, к укреплению его авторитета. В настоящее время многими судьями накоплен богатый опыт по пропаганде советских законов, и его необходимо использовать для дальнейшего развертывания и улучшения этой работы.

Большую работу по пропаганде советских законов и права проводят адвокаты. Хорошо она поставлена в президиуме Сталинабадской коллегии адвокатов. Адвокаты оказывают значительную помощь колхозам по ликвидации дебиторской задолженности. Неплохо работает по оказанию колхозам юридической помощи Регарская юридическая консультация Таджикской ССР (заведующий т. Гилькаров).

Однако в ряде юридических консультаций работа по пропаганде советских законов находится в запущенном состоянии. Совершенно не оказывали колхозам юридической помощи Молотовабадская, Яванская, Гиссарская, Ура-Тюбинская, Шахристанская, Аштская и Науская юридические консультации Ленинабадской области.

Органы адвокатуры обязаны улучшить и расширить свою работу по оказанию юридической помощи населению. Должна быть поднята консультационная работа адвокатов. Советы, справки и разъяснения адвокатов должны быть юридически правильными и исчерпывающими.

Среди нотариусов много работников, которые ведут большую повседневную работу по укреплению законности и пропаганде советских законов среди населения. Хорошо разъясняет законы среди населения нотариус Регарской нотариальной конторы Таджикской ССР т. Ма-набаев.

В то же время необходимо отметить, что некоторые руководящие работники органов юстиции и суда не выступают с докладами и лекциями перед населением (начальник Ленинабадского областного управления юстиции т. Ахроров, его заместитель т. Шапиро, начальник Гармского областного управления юстиции т. Джалилов). Под руководством партийных органов необходимо разработать мероприятия для улучшения пропаганды советских законов. Министерства юстиции должны ежедневно проверять, как руководящие работники органов юстиции и суда проводят эту работу.

Необходимо широко развернуть пропаганду советских законов среди населения во всех ее формах, чтобы содействовать выполнению исторических решений партии и правительства.

ЭКСПЕРТИЗА ПРИ РАССМОТРЕНИИ В СУДЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Установление истины по делу и правильное определение степени виновности или невиновности подсудимых зависит от всесторонней проверки и критической оценки судом всех доказательств в их совокупности. Заключение экспертизы как один из видов доказательств по делу должно всесторонне проверяться и критически оцениваться судом наравне с другими доказательствами. Однако на практике не единичны случаи, когда суды неправильно подходят к назначению экспертизы, не устанавливают личности и компетентности экспертов, явившихся в судебное заседание, допускают ошибки при постановке вопросов перед экспертами и не всегда критически оценивают даваемые экспертами заключения, что в конечном итоге приводит к ошибкам при разрешении дел по существу.

Проведение судебной экспертизы регламентируется уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, а также положениями и инструкциями о проведении отдельных видов экспертизы. В соответствии со ст. 298 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик экспертиза в судебном заседании проводится с соблюдением правил, регламентирующих проведение экспертизы на предварительном следствии. В то же время процессуальные условия для проведения экспертизы в судебном заседании несколько иные, чем на предварительном следствии.

Для плодотворной организации работы экспертов на суде необходимо понимание тех задач, которые стоят перед экспертами, вызываемыми в судебное заседание. Некоторые судебные работники узко понимают эти задачи: иногда эксперты вызываются в судебное заседание для того, чтобы «в случае надобности получить от них разъяснение по заключению экспертизы, данному на предварительном следствии», или для того, чтобы получить дополнительное заключение по вопросам, возникающим у судей при ознакомлении с экспертизой.

На предварительном следствии эксперты строят свои выводы на основании обстоятельств, установленных при исследованиях, осмотрах, освидетельствованиях и т. п., а также по имеющимся в следственном деле материалам. В судебном же заседании эксперты получают возможность уточнить обстоятельства, которые по материалам предварительного следствия к моменту проведения экспертизы освещались неполно или, возможно, иначе, чем они установлены в суде. Чем достовернее будут установлены факты, на которых основываются выводы

экспертизы, тем вернее будет дано заключение экспертизы. Поэтому на основании проверенных в судебном заседании фактов по делу заключение экспертизы, данное на предварительном следствии, в судебном заседании экспертами может быть дополнено, изменено или опровергнуто как ошибочное.

В судебном заседании эксперты должны дать мотивированное заключение по всем вопросам, которые ставятся им на разрешение вне зависимости от того, давалось или не давалось по этим вопросам заключение на предварительном следствии.

Таким образом, в судебном заседании проводится повторная экспертиза в целях проверки заключения, данного на предварительном следствии. Эксперты, вызванные в судебное заседание, должны принять активное участие в проверке в ходе судебного следствия обстоятельств и фактов, которые имеют значение для выводов экспертизы, и на основании проверенных в суде материалов дать обоснованное заключение по вопросам, поставленным судом и сторонами. В целях проверки и уточнения заключения экспертизы, данного в судебном заседании, суд и стороны могут допросить экспертов.

Если на предварительном следствии экспертиза не проводилась и она назначена по инициативе суда или по ходатайству стороны в порядке восполнения недостатков предварительного следствия, то вызванные в судебное заседание эксперты должны ознакомиться с необходимыми для них материалами дела, произвести соответствующие исследования или расчеты и принять участие в судебном следствии с тем, чтобы на основании всех материалов, необходимых для выводов экспертизы, дать правильное, мотивированное заключение по вопросам, поставленным им на разрешение. Однако назначение первичной экспертизы судом практикуется редко, так как при расследовании преступлений органы предварительного следствия широко используют экспертизу.

В практике работы некоторых судов встречаются случаи проведения экспертизы на основании определения подготовительного заседания суда до разбирательства дела по существу в судебном заседании. В частности, например, не находя оснований для возвращения дела на доследование, но считая необходимым восполнить отдельные пробелы предварительного следствия, суды иногда направляют на экспертизу отдельные предметы, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, или практикуют направление подсудимых на судебно-

психиатрическую экспертизу с таким расчетом, чтобы до открытия судебного заседания иметь уже квалифицированное заключение экспертизы.

Такая практика противоречит закону и ущемляет права подсудимых. В соответствии с требованиями ст. ст. 169—171 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик обвиняемый имеет право требовать назначения указанных им экспертов в дополнение к уже назначенным, а также поставить со своей стороны вопросы, по которым должно быть дано заключение экспертизы. При проведении экспертизы в период между подготовительным и судебным заседаниями эти требования закона не могут быть выполнены, и, следовательно, нарушаются охраняемые законом права подсудимых.

Объективность и качество экспертизы зависят от правильности выбора экспертов. Суд должен убедиться в том, что лица, участвующие в деле в качестве экспертов, не являются родственниками какой-либо из сторон, не заинтересованы в исходе дела в силу каких-либо других причин, что никто из экспертов не принимал участия в этом же деле в качестве следователя, свидетеля, обвинителя, защитника или представителя гражданского истца (ст. 43 УПК РСФСР).

При проверке личности экспертов-бухгалтеров необходимо иметь в виду, что в соответствии с инструкцией Министерства финансов № 835 от 19 мая 1952 г. бухгалтеры-эксперты не имеют права «на проведение экспертизы, связанной с документацией и отчетностью в учреждениях и организациях, в которых они состоят на службе, а также в подведомственных им учреждениях или в учреждениях, где они работали в период последних трех лет».

Чтобы убедиться в компетентности экспертов в вопросах, по которым они должны давать заключение, суд должен спросить о специальности, образовании, стаже работы в данной отрасли науки или техники, а при необходимости потребовать предъявления документов, удостоверяющих или характеризующих личность (например, диплом об образовании).

В тех случаях, когда в качестве экспертов вызваны лица, не являющиеся работниками учреждений судебной экспертизы, председательствующему по делу следует разъяснить экспертам подробно их права и обязанности в судебном заседании. Судебная практика показывает, что лица, участвующие в деле в качестве экспертов и не знающие своих прав и обязанностей, не выясняют в ходе судебного следствия вопросов, необходимых для дачи правильного мотивированного заключения, а при даче заключений зачастую выходят за пределы своей компетенции, пытаются разрешать вопросы относительно виновности или невиновности подсудимых.

Вопросы на разрешение экспертизы обычно ставятся в конце судебного следствия, но

если суд найдет целесообразным, то может поставить их и раньше.

Порядок постановки вопросов на заключение экспертизы законом не регламентирован. Исходя из смысла ст. ст. 171 и 257 УПК РСФСР, следует считать, что суд должен предоставить право сторонам поставить вопросы на разрешение экспертов, обсудить их, отвести не имеющие отношения к рассматриваемому делу или повторяющиеся вопросы. Вопросы от имени суда могут быть поставлены на разрешение экспертов как до постановки вопросов сторонами, так и при обсуждении вопросов сторон в порядке дополнения.

Нельзя признать правильным, когда стороны ставят вопросы непосредственно экспертам без обсуждения этих вопросов судом. В таких случаях снижается активная и руководящая роль суда в исследовании материалов дела, а перед экспертами нагромождаются вопросы, повторяющиеся и часто не относящиеся к компетенции экспертов или не имеющие отношения к делу.

В судебной практике встречаются случаи, когда в судебном заседании вопросы, по которым суду необходимо иметь заключение, экспертам не ставятся, а им «предоставляется слово для дачи заключения по делу». Такая практика свидетельствует о неумении отдельных председательствующих организовать работу экспертов в судебном заседании, о непонимании прав и обязанностей экспертов, тогда как правильность постановки перед экспертами вопросов по существу при рассмотрении дел и четкость их формулировки имеют большое значение. К сожалению, еще встречаются случаи, когда суды ставят на разрешение экспертов вопросы, которые не входят в компетенцию эксперта, или формулируют их так, что эксперт, чтобы ответить на поставленный вопрос, должен высказывать предположения или догадки и даже излагать свое мнение о виновности или невиновности подсудимого.

Так, например, по делу о нарушении правил вождения автотранспорта судом был поставлен на заключение судебно-технического эксперта вопрос: «Повинен ли Игнатенко в неосторожном убийстве потерпевшего Степаненко?» Эксперт ответил: «Да, повинен, но это событие может быть отнесено к разряду несчастных случаев». Вместо того чтобы разобраться в материалах дела и в совещательной комнате, оценив доказательства в их совокупности, разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого Игнатенко или произвести дополнительные следственные действия, если не все обстоятельства исследованы, суд в связи с таким неопределенным «заключением» эксперта на неправильно поставленный вопрос неосновательно отложил рассмотрение дела только для того, чтобы вызвать нового эксперта.

В качестве примера правильной постановки вопросов на заключение экспертизы можно привести определение суда по делу

об убийстве, в котором сказано: «Судебно-медицинскому эксперту врачу Ханакееву поставить на заключение следующие вопросы: на каком расстоянии был произведен выстрел в Корпачева? в каком положении пострадавший Корпачев находился по отношению к стрелявшему? является ли нанесенное Корпачеву ранение безусловно смертельным?».

Заключение экспертизы, даваемое в судебном заседании, должно быть научно обоснованным, убедительным. Это значит, что выводы экспертизы должны быть правильно мотивированы научными положениями, результатами специальных исследований или расчетов, действующими техническими правилами и нормами и тому подобными объективными данными. При оценке доказательств по делу для суда весьма важно знать, на основании каких данных экспертиза дала то или иное заключение, насколько это заключение является убедительным, основанным на объективных данных. Поэтому нельзя признать правильным, когда эксперты в судебном заседании вместо полноценных, убедительных заключений дают немотивированные, лаконичные или предположительные ответы на поставленные для разрешения вопросы.

Оценка заключения экспертизы, как и других имеющихся в деле доказательств, производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 319 УПК РСФСР). Весьма важно, чтобы суд при оценке доказательств критически отнесся к заключению экспертизы. Заключение экспертизы для суда не обязательно. В случае, если суд не согласен с заключением экспертизы, он может отвергнуть его, подробно мотивировав свое несогласие в приговоре или в особом определении (ст. 208 УПК РСФСР).

Приемы судебной оценки заключений экспертизы многообразны и зависят от вида экспертизы и сложности рассматриваемого дела. В процессе судебного разбирательства суд проверяет все обстоятельства по делу и критически воспринимает все доказательства. Необходимо, чтобы и заключение экспертизы суд воспринял критически, а не шел бы на поводу у экспертов. В совещательной комнате при оценке доказательств необходимо проанализировать весь

акт экспертизы, обратив при этом внимание и на степень компетентности экспертов, и на достоверность фактов, положенных в основу заключения, и на мотивировку подведения этих конкретных фактов, установленных по делу, под научные положения определенной отрасли специальных знаний.

Следует остановиться на использовании заключений экспертизы при обосновании приговоров.

Если по делу проводилась судебная экспертиза, то заключение экспертизы наряду с другими доказательствами должно быть правильно использовано при мотивировке приговора. В судебной практике нередко можно встретить случаи, когда в приговорах дается лишь ссылка на то, что виновность или невиновность подсудимого «подтверждается также и заключением такой-то экспертизы», а в чем сущность этого заключения, — из приговора не видно. Излагая приговор, необходимо в мотивировочной его части кратко показать сущность заключения экспертизы, проведенной по делу. Так, например, в приговоре по делу о причинении тяжких телесных повреждений сущность заключения экспертизы может быть изложена в следующей редакции: «причиненные потерпевшему Иванову повреждения, по заключению судебно-медицинской экспертизы, относятся к тяжким, опасным для жизни и вызвавшим длительное расстройство здоровья».

В настоящей статье освещены лишь некоторые вопросы экспертизы, притом те, по которым в практической судебной работе иногда допускаются ошибки.

Учитывая, что экспертиза в нашей судебной практике применяется довольно широко, долг каждого судьи хорошо уяснить себе природу экспертизы как вида доказательств, основные положения об отдельных видах экспертизы, права и обязанности экспертов и другие вопросы, относящиеся к судебной экспертизе. Необходимо глубоко разобраться в уголовно-процессуальном законодательстве, в положениях и инструкциях о проведении отдельных видов экспертизы, а также в теории судебной экспертизы, разработанной советскими учеными.

С. Марченко

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА

Советское социалистическое государство, самое демократическое государство в мире, устанавливает широкие права граждан, наблюдает за реальным претворением их в жизнь и строго взыскивает за попытки нарушения этих прав.

Советская адвокатура всей своей работой должна содействовать реальному обеспечению незыблемых прав советских граждан, гарантированных Конституцией СССР. Советская адвокатура, участвуя в отправлении правосудия, помогает ему в установлении истины по конкретным делам и правильному разрешению этих дел.

Работа адвоката по делу начинается задолго до открытия судебного заседания. Приняв поручение на осуществление функций защитника в уголовном процессе, адвокат с этой стадии и начинает свою работу. Прием поручения, беседа и консультации с подзащитным, изучение материалов предварительного следствия, подготовка материалов к судебному разбирательству, сбор в необходимых случаях дополнительных доказательств, изучение законодательного и ведомственного нормативного материала, ознакомление с практикой высших судебных органов по определенной категории дел, по оценке отдельных видов доказательств, проведение в необходимых случаях консультаций с соответствующими специалистами — все это и многое другое, являясь подготовительной работой адвоката к процессу, служит одновременно и базой для выработки его первоначальной позиции по делу. Мы подчеркиваем — первоначальной, ибо в дальнейшем, по мере движения судебного процесса, получения и анализа доказательств, эта позиция адвоката по конкретному делу может укрепляться, изменяться или нуждаться в коренном пересмотре.

Активно участвуя в следующей стадии процесса — в судебном разбирательстве, помогая суду проверить обоснованность предъявленного обвинения и законность привлечения к ответственности, выявив обстоятельства, смягчающие или вовсе устранившие ответственность его подзащитного, адвокат проверяет и правильность первоначально избранной им позиции. Лишь по окончании судебного следствия (а иногда и после заслушания обвинительной речи прокурора) у него окончательно определяется точка зрения по основным вопросам дела.

Вот эту точку зрения и должен высказать адвокат в защитительной речи на суде.

Возникает вопрос: какая стадия деятельности адвоката по осуществлению защиты в уголовном процессе важнее — подготовка

к делу, активное участие в судебном следствии или защитительная речь?

В последние годы вновь появилась явно неверная точка зрения: противопоставление одной стадии работы адвоката в уголовном процессе — другой, вынесение на первый план защитительной речи в ущерб работе на других стадиях процесса, выделение особой категории адвокатов-ораторов¹. Нет необходимости доказывать ошибочность и вредность такой точки зрения. По существу, тезис об адвокате-ораторе, адвокате, одаренном талантом оратора, вытекает из непонимания единства всех стадий процесса, их взаимозависимости, невозможности их разделения. Мы, конечно, за высокую идейность, за художественную форму речи, за хорошую в целом, талантливую защитительную речь, но мы категорически против противопоставления этой речи бездеятельности или малой активности адвоката на всех остальных стадиях процесса.

Коллегия Министерства юстиции СССР обсудила результаты проверки работы коллегии адвокатов Киевской области. Итогом этого обсуждения посвящен приказ Министра юстиции СССР. Министр юстиции СССР в приказе коснулся и вопроса качества судебных речей адвокатов — по материалам Киевской областной коллегии.

Обратив внимание на то, что некоторые адвокаты, принимая поручения на ведение уголовных и гражданских дел, плохо готовятся к судебным процессам, поверхностно изучают материалы предварительного следствия по делам, с подзащитными беседуют до судебного заседания наспех и поэтому в судебном следствии не участвуют, Министр юстиции особо остановился на плохом качестве судебных речей адвокатов. Приказ указывает на такие недостатки судебных речей адвокатов, как отсутствие юридического анализа состава преступления, вменяемого в вину подзащитным, плохое изложение фактических обстоятельств дела, неудовлетворительность аргументации защиты как с фактической, так и с юридической стороны дела и т. п.

Наметив ряд мер к улучшению работы Киевской коллегии адвокатов, Министр обязал в целях усиления контроля над качеством работы адвокатов практиковать stenографирование и последующий подробный разбор судебных речей адвокатов.

¹ См. заметку Л. Яхнич, «Социалистическая законность» 1950 г. № 11.

Какой же должна быть защитительная речь адвоката? Как готовиться к речи? Каким должно быть ее содержание?

Совершенно естественным будет прежде всего признать, что так же, как не бывает двух абсолютно одинаковых судебных дел, так не может быть и двух одинаковых защитительных речей. Нет и не может быть преподано какого-нибудь обязательного стандарта речи адвоката на суде, не может быть какого-либо постоянного рецепта на все случаи произнесения защитительных речей. Как нельзя рекомендовать всем адвокатам во всех случаях заранее писать свою речь, чтобы затем зачитать ее на суде, так и нельзя рекомендовать всем без исключения адвокатам выступать по краткому плану защитительной речи, — все это зависит от индивидуальных особенностей, культуры и способностей адвоката.

Вместе с тем нам представляется возможным высказать некоторые соображения по поставленным выше вопросам.

Подготовка к произнесению речи. Подготовиться к произнесению защитительной речи значит: тщательно изучить доказательства, чтобы после активного участия в их проверке дать им в своем выступлении правильный анализ с фактической и юридической стороны; внимательно проанализировать версию обвинения, противопоставив ей, при необходимости, версию защиты, чтобы показать несостоятельность первой и обоснованность второй; подготовить и представить суду все имеющиеся в распоряжении защиты доказательства обоснованности предъявленного обвинения в целом или отдельных пунктов его; подготовить анализ юридической квалификации действий подсудимого, представить суду данные, характеризующие личность подзащитного, обстоятельства, смягчающие его вину, при доказанности последней; подготовить данные о судебной практике, могущие подтвердить соображения, которые будут высказаны адвокатом в защитительной речи; подготовить в письменном виде для представления суду после произнесения защитительной речи предлагаемую адвокатом формулировку обвинения в зависимости от данных судебного следствия (ст. 310 УПК РСФСР).

Готовясь к произнесению защитительной речи, адвокат должен помнить, что дело по существу решает суд первой инстанции. И если в суде первой инстанции он не обоснует правильности избранной им линии защиты и суд не разделит его точку зрения, то впоследствии, в суде второй инстанции, а при необходимости и в порядке надзора, роль и процессуальные задачи его окажутся сложнее.

Поэтому все имеющиеся в его распоряжении данные адвокат должен представить суду первой инстанции и затем в защитительной речи подвергнуть их тщательному анализу (нужно помнить, что выступления в суде второй инстанции резко отличаются от защитительной речи при разбирательстве

дела по существу). Не следует много говорить, но исчерпать следует все, что нужно. Надо помнить завет Некрасова: «Правилу следуй упорно, чтобы словам было тесно, мыслям просторно». Если в процессе подготовки к защитительной речи адвокат признает целесообразным иллюстрировать ее выдержками из литературных произведений, документов, судебной практики, он должен заранее, не злоупотребляя количеством, подготовить их и продумать, в связи с чем уместно будет эти выдержки произнести. Если целесообразно привести какое-либо сравнение, — и оно должно быть подготовлено.

Таким образом, заблаговременно продуманная и подготовленная защитительная речь адвоката на суде должна быть дополнена и уточнена на основе данных судебного следствия и выступления обвинителя (если он участвовал в процессе).

Подготовка к произнесению речи выдвигает вопрос о планировании ее, о целесообразности и необходимости заблаговременного составления тезисов или плана речи.

План защитительной речи. Мы придерживаемся той точки зрения, что по общему, так сказать, среднему делу с одним подсудимым целесообразнее всего составлять краткий примерный план защитительной речи, уточняемый и дополняемый в ходе судебного следствия.

Предусмотреть возможные проекты планов защитительных речей, безусловно, нельзя.

Однако несомненными представляются следующие положения: план речи должен быть заранее продуман и вчерне готов; к концу судебного заседания в план должны быть внесены соответствующие исправления и дополнения, подсказываемые материалами судебного следствия и выступлением обвинителя; план речи должен вытекать из общей линии защиты, избранной адвокатом; он должен быть итогом всей деятельности адвоката в конкретном процессе.

План должен содержать: перечисление улик; краткие тезисы объяснений по уликам и по мотиву преступления, если последнее доказано; ссылки на листы дела, на которых находится тот или иной документ, записи по анализу доказательств на суде; записи законодательного материала (при спорности юридической квалификации — ссылки на законы, постановления, циркуляры, судебную практику и т. п.); данные, характеризующие подзащитного и других лиц, проходящих по делу (в отношении последних — в том случае, если это имеет серьезное значение для дела); при необходимости — перечень обстоятельств, толкнувших подзащитного на совершение преступления и способствовавших этому; краткие заметки о литературе или других источниках, предполагаемых к использованию в речи; обстоятельства, смягчающие вину подзащитного (при доказанности обвинения); краткие заметки о выступлении прокурора, если последний участвовал в процессе и

адвокату необходимо возразить против сделанных прокурором предложений или данного им анализа конкретных доказательств; соображения по гражданскому иску, если он заявлен, конкретные выводы адвоката.

План речи должен быть построен так, чтобы облегчить суду в совещательной комнате решить вопросы, поставленные перед ним законодателем (ст. 320 УПК РСФСР).

Когда адвокатом принята защита двух подсудимых в совершении одного преступления и обвинение обоих основано на одних доказательствах, план защитительной речи может быть построен применительно к приведенному выше.

При защите двух подсудимых, обвинение которых основано на различных доказательствах, план защитительной речи рекомендуется строить так, чтобы индивидуализировать вину каждого из них, т. е. отметить, какие доказательства имеются персонально против каждого, и подвергнуть их отдельному анализу (если прокурор, участвующий в процессе, в своей речи не будет конкретизировать доказательства индивидуальной вины каждого из подсудимых, то задачей адвоката явится из всей суммы доказательств, представленных суду по делу в целом, выделить данные, относящиеся к его подсудитному, с последующим их анализом).

Произнесение речи. Выступая в суде, адвокат не должен подчинять речь какому-либо впечатлению от нее на присутствующих, по несколько раз повторять те положения и фразы, которые вызвали улыбку или могли понравиться. Это, конечно, не значит, что для адвоката безразличны внешние признаки реагирования на защитительную речь — внимание, настороженность, с которой его слушают, и т. д. Мимо этих внешних проявлений восприятия речи пройти нельзя. Но не они определяют вывод об убедительности, доказательной силе и доходчивости речи.

Речь адвоката должна убедить суд. Поэтому в правдивости сказанного должен быть убежден в первую очередь сам адвокат. Нельзя отделяться общими фразами о том, что обвинение не доказано или что событие преступления не имело места. Нужно показать, почему адвокат считает недоказанным предъявленное его подсудитному обвинение, почему оспаривает самый факт преступления. А этого можно достигнуть лишь при глубоко правдивом и принципиальном анализе доказательств. Чем насыщеннее фактическим материалом будет защитительная речь, тем убедительнее будут выводы адвоката о недоказанности обвинения или самого события преступления.

Каждая фраза, слово, произносимые в суде, должны быть тщательно продуманными, целеустремленными, должны отвечать требованиям высокой принципиальности, идейности и юридической обоснованности.

Почти тридцать лет назад М. Горький в письме к Н. Погодину рекомендовал найти слова точные, крепкие: «В них будет

настоящая красота и с нею вместе — правда»¹. Не следует забывать этого и адвокату.

Многому можно научиться при изучении судебных речей А. Я. Вышинского. Много интересного можно найти и в защитительных речах советских адвокатов.

В докладе на собрании Московской коллегии защитников о революционной законности и задачах советской защиты т. Вышинский подчеркивал значение защитительной речи адвоката. Говоря о необходимости для защитника такта, чувства меры и политического чутья, т. Вышинский подчеркивал, что всякое слово, неуместно произнесенное, «как австралийский бумеранг, может вернуться обратно и ударить тебя же самого. Хорошо, если ударит только тебя, — ты сам за это отвечаешь, а если ударит других, общее наше дело, что тогда?»².

Стиль произнесения защитительной речи бывает различен. В одном случае он может напоминать беседу, в другом — это будет резкая критика представленных по делу материалов и т. д. Но и в том, и в другом, и во всех прочих случаях произносимая речь должна быть естественна, наполнена глубоким содержанием, должна быть интересна по форме, глубока по содержанию.

Речь надо произносить простым, понятным для всех окружающих языком. Иностранные слова надо произносить лишь тогда, когда в том имеется действительная необходимость.

В силу установившейся в советском суде практики принято первым выступать адвокату, подзащитный которого изобличает или оговаривает другого или других подсудимых. В результате такого порядка адвокат подсудимого, изобличаемого или оговариваемого другим подсудимым, может представить суду свои соображения по вопросам, связанным с разоблачением или оговором либо с мотивами этого разоблачения или оговора.

Наша судебная практика знает немало примеров, когда в результате хорошо проведенного предварительного и судебного следствия обвиняемые оказываются настолько изобличены, что у адвоката уже нет спора о фактическом составе преступления и его юридической квалификации. В этих случаях защитительная речь адвоката может быть посвящена в основном оценке степени социальной опасности преступления, мотивов его совершения, обстановки преступления, личности подсудимого и т. п.

Построение речи должно быть таким, чтобы не перегружать ее чрезмерно длинными или короткими отрывочными фразами. Иногда короткие, чеканные фразы могут способствовать привлечению внимания слушателей к тем отдельным положениям, которые оратор считает необходимым особенно

¹ «Литературная газета» 17 июня 1954 г.

² А. Я. Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты, Изд. редакционно-издательского сектора Мособлисполкома, М., 1934, стр. 37.

выделить. Но злоупотребление короткими фразами, частое ими пользование, приводит к обратному — притупляет внимание слушателей.

Нельзя всю речь, от первого до последнего слова произносить одним и тем же тоном. Непрерывно приподнятый тон речи утомляет слушателей, непрерывно тихий — усыпляет. Нельзя одноотонно говорить о большом и малом, о крупном и мелком. В равной мере нельзя соблюдать один и тот же тон при выступлениях в малом или большом зале, при малом или большом числе присутствующих.

Следовательно, интонация голоса должна быть в сфере постоянного наблюдения адвоката, выступающего в суде. Нужно следить за своим голосом и постоянно совершенствовать ритм произнесения речи.

Говорить надо не слишком быстро, но и не медленно. Торопливая речь лишает слушателей возможности следить за оратором, с трудом запоминается. При излишне быстром темпе произнесения речи могут затеряться отдельные аргументы, положения, выдвигаемые оратором. Медленная речь создает впечатление неуверенности в произносимом, вызывает скуку, ослабляет впечатление, рассеивает внимание, а иногда вызывает желание, чтобы оратор скорее кончил говорить.

Пользование записями, тезисами речи не должно отражаться на плавности речи. Записи должны быть составлены четко, разборчиво. Они должны быть заранее подложены в таком порядке, в котором адвокат предполагает касаться их в выступлении. Заблаговременно должны быть выделены (очерчены, подчеркнуты карандашом) те выписки, на которые адвокат будет ссылаться. Если таких выписок несколько, их можно пронумеровать, а в плане речи против записей проставлять соответствующие номера или иные условные знаки.

Некоторые судебные ораторы целиком записывают речи и затем в судебных заседаниях читают их. Такой способ подготовки и произнесения защитительной речи нельзя рекомендовать: во-первых, заблаговременно всего предусмотреть и записать невозможно; во-вторых, такая речь не может содержать необходимого и обстоятельного анализа материалов, добытых в судебном заседании, и должной критики речи прокурора; в-третьих, технически не всегда за краткостью времени удастся записать такую речь или в заранее заготовленную внести необходимые изменения; наконец, чтение записанной речи менее доходчиво, чем живое слово оратора. Нужно считать недопустимым и заучивание, подобно школьникам, речи наизусть.

Произносить речь целесообразно по плану или тезисам, по определенной системе. К примеру, начав свою речь с анализа доказательств, нецелесообразно переходить к оценке личности подсудимого, затем вновь возвращаться к анализу доказательств. Начав с анализа обстановки, в которой совер-

шено преступление, не следует говорить о доказательствах, а затем вновь об обстановке, в которой было совершено преступление. К однажды уже сделанному анализу конкретного доказательства следует возвращаться только в том случае, если при последующей критике других доказательств в том будет необходимость. Стройная, последовательная речь всегда даст лучшие результаты, нежели речь несистематизированная.

Каждая защитительная речь адвоката должна содержать его выводы по процессу в части, касающейся его подзащитного, а при необходимости — и выводы по всему процессу. Выводы можно преподнести в начале речи, но можно говорить о них и в заключительной части речи — в зависимости от особенностей дела. Так, в процессе, где нет спора о доказанности обвинения в полном объеме, можно начать с признания этого факта и закончить мотивированной просьбой о смягчении участи подсудимого, — в этом будут заключаться выводы адвоката. При спорности доказательств и отрицании вины подсудимым вывод о его невинности или недостаточности улик для постановления обвинительного приговора можно привести в конце речи, как сам собой вытекающий из сделанного анализа.

Несколько слов о такте адвоката. Тема эта большая, и мы коснемся ее только в тех пределах, которые имеют отношение к защитительной речи адвоката.

Возражая прокурору или касаясь выступления представителя гражданского истца, в случае участия их в процессе, адвокат не должен допускать в отношении последних никаких личных выпадов, должен быть вежлив. Чем выдержаннее и корректнее отношение адвоката к процессуальным противникам, тем большим уважением он будет пользоваться в суде и у граждан. Цель защитительной речи советского адвоката заключается не в том, чтобы поставить в неудобное положение своего процессуального противника. Произнесенная с полным сознанием своего достоинства, защитительная речь адвоката, политически и профессионально правильно анализирующая все основные обстоятельства и аргументы по делу, скорее будет способствовать его действительному успеху.

В некоторых судебных процессах с двумя или более подсудимыми защиту их осуществляют два (или более) адвоката. При этом интересы подсудимых бывают иногда настолько противоречивы, что признание вины одного из них исключает или в значительной мере смягчает виновность другого. Адвокат, отстаивая интересы подзащитного, не должен обращаться в обвинителя другого или других подсудимых.

Чувство такта и соблюдение требований этики общественного деятеля Советского государства должны подсказать адвокату, что и в какой форме должно бытьложено суду. Произнося защитительную речь, адвокат должен помнить, что «обращаться со

словом нужно честно» (Гоголь), что защита должна быть правдивой, принципиальной.

Реплика. По окончании прений стороны могут обменяться еще один раз репликами. Реплики — это право, а не обязанность сторон в уголовном процессе. Вопрос о необходимости вторичного выступления должен решить прокурор: не выступит прокурор, не сможет выступить и адвокат. Но если прокурор взял слово для реплики, адвокат, имеющий что возразить обвинителю или чем дополнить произнесенную защитительную речь, должен выступить вторично.

Если в уголовном процессе обвинитель не участвует, естественно, что реплик быть не может. Противоречивые интересы подсудимых, защищаемых двумя или более адвокатами, не могут служить основанием для реплики. В таком процессе адвокаты, сколько бы их ни было и как бы противоречивы ни были интересы их подзащитных, все же являются одной стороной — защитой.

Реплики сторон, как правило, произносятся экспромтом, без особой подготовки. Заранее предугадать возможность реплики

нельзя. Нельзя предусмотреть и содержание реплики.

Реплика должна быть короче речи. Строится она в большинстве случаев в виде тезисов и отдельных положений, кратко доказываемых. Построение реплики зависит от того, возразить ли прокурору должен адвокат, разъяснить ли или дополнить уже сказанное. Но избрание схемы реплики и формы ее произнесения зависит исключительно от усмотрения выступающего. Преподание здесь готовых советов, навязывание каких-либо заранее разработанных стандартов нецелесообразно, да и невозможно.

Остается подчеркнуть, что, будучи в определенной мере связан в выборе позиции по делу мнением подзащитного и его объяснениями, адвокат в той же мере свободен в определении своего отношения к оценке доказательств, но с этим он обязан заранее ознакомить подзащитного.

Л. Ленский

Кандидат юридических наук

ОШИБКИ В РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ ДЕЛ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УСТРАНЕНЫ

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу об охране трудовых прав граждан нашей страны. Согласно ст. 118 Конституции СССР каждый гражданин имеет право на труд.

Вот почему суды должны зорко оберегать и защищать трудовые права всех трудящихся от каких бы то ни было нарушений.

Народные суды Рязанской области в основном правильно разрешают трудовые дела.

Однако в работе многих народных судов области в разрешении трудовых дел и, в частности, дел, связанных с увольнением и восстановлением на работе, все еще имеется немало недостатков и ошибок.

Нередко народные суды явно неправильно отказывают в исках лицам, уволенным с работы с нарушением закона. Не привлекают к материальной ответственности лиц, по вине которых было произведено незаконное увольнение. Не выносят, или почти не выносят, частных определений о нарушении трудового законодательства должностными лицами, допускающими произвол в этом деле. Нарушают сроки рассмотрения дел.

Известно, что беременные женщины могут быть уволены с работы лишь в исключительных случаях, при этом, помимо соблюдения общих правил об увольнении, требуется разрешение областного комитета профессионального союза. Тем не менее в практике некоторых народных судов до сих пор имеют место случаи, когда народные суды отказывают в исках беременным женщинам, уволенным без разрешения областного комитета профсоюза. Например, народный суд Чучковского района (народный судья Кригер) отказал в иске гр-ке Дехта о восстановлении на работе в должности продавца, тогда как она в период увольнения с работы имела трехмесячную беременность и была уволена без разрешения профессионального союза (судебная коллегия по гражданским делам областного суда отменила решение народного суда и восстановила ее на работе).

В силу ст. 47, прим. 1, Кодекса законов о труде РСФСР расторжение трудового договора по мотивам непригодности работника к работе может быть произведено администрацией не иначе, как по решению РКК. Однако многие руководители не считают с требованием этого закона и допускают произвол при увольнении работника по мотивам непригодности, а суды вме-

сто борьбы с этим произволом нередко отказывают уволенным с работы в приеме от них исковых заявлений по различного рода мотивам, а также отказывают в исках. Гр-н Елесин, работавший воспитателем при домоуправлении № 3 коммунально-жилищной конторы Стройтреста № 11, был уволен с работы по мотивам непригодности без предварительного разрешения этого вопроса в РКК. Народный судья 1-го участка Железнодорожного района г. Рязани Котельников отказал Елесину в принятии искового заявления и предложил ему обратиться в партийные органы. Этот отказ был обжалован Елесинным в областной суд, который отменил резолюцию народного судьи, как не основанную на законе, и предложил рассмотреть дело по существу. Рассматривая дело по существу, суд установил, что Елесин был уволен с работы не только без согласия РКК, но в отношении его было допущено и другое беззаконие, ибо Елесин в период увольнения имел больничный лист. Однако народный суд хотя и восстановил на работе Елесина, но прошел мимо грубого нарушения закона, допущенного администрацией коммунально-жилищной конторы.

По закону администрация вправе уволить работника за совершение прогула. Этот закон в ряде случаев извращается, а суды на это не реагируют. Так, гр-ка Рябикина приказом по Клепиковскому райвоенкомату была уволена с работы за совершение прогула в течение двух дней—19 и 20 числа, между тем Рябикина оба дня, указанные в приказе, находилась на работе, а указание о том, что она совершила прогул, потребовалось администрации для увольнения Рябикиной по другим соображениям, на основании которых администрация не имела законных прав на увольнение. Однако народный суд Клепиковского района (народный судья Титов) не только не вынес частного определения по поводу допущенного в отношении Рябикиной нарушения закона, но даже отказал Рябикиной в иске о восстановлении на работе (судебная коллегия по гражданским делам областного суда отменила решение народного суда и восстановила Рябикину на работе).

В силу ст. 34 Кодекса законов о труде, ст. 4 указа от 26 июня 1940 г. работник по истечении срока трудового договора имеет право в случае отказа администрации в увольнении обратиться в суд по вопросу расторжения трудового договора, а суд, установив факт заключения договора и ис-

течения его срока, не вправе отказывать в этом случае в иске. Тем не менее в работе народных судов встречаются еще случаи, когда народные суды в нарушение законных требований отказывают в исках о расторжении трудового договора за истечением срока его. Например, народный суд Октябрьского района г. Рязани (народный судья Гордеева) своим решением от 7 июня 1954 г. отказал в иске Волкову И. И. о расторжении трудового договора с трестом «Рязаньстрой», несмотря на то, что срок заключенного трудового договора истек и Волков честно выполнил свои обязательства по нему (судебная коллегия областного суда отменила решение народного суда и обязала администрацию треста «Рязаньстрой» освободить Волкова от работы не позднее 25 июня 1954 г.).

Согласно ст. 53-а ГПК РСФСР для рассмотрения трудовых дел установлен пятидневный срок, — этим подчеркивается значение трудовых дел, ибо никакое промедле-

ние в разрешении трудовых дел недопустимо, так как это связано с правом на труд и с обязанностью трудиться. Несмотря на это многие народные суды области допускают грубое нарушение сроков рассмотрения дел: более 40% трудовых дел рассматривается в срок свыше пяти дней.

Участие прокурора по трудовым делам в судебном заседании является желательным и необходимым. Однако это участие, как указывает изучение судебной практики, является слабым: более 60% всех трудовых дел рассматривается народными судами области без участия прокурора. Этим в значительной степени объясняются многие ошибки, допускаемые народными судами при рассмотрении трудовых дел. Важно принять меры к повышению качества судебной работы по рассмотрению гражданских трудовых дел.

Жеренков
Председатель
Рязанского областного суда

ОБЪЕМ КОМПЕТЕНЦИИ И ФОРМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

Среди органов Советского государства, осуществляющих борьбу с преступностью, немалая роль принадлежит советской милиции, которая по закону наделена функцией дознания. Чем обусловлено наделение милиции функцией дознания?

Во-первых, тем, что самое раскрытие преступлений, возлагаемое на эти органы, было бы немислимо без фиксирования первичных доказательств по горячим следам, и, во-вторых, тем, что орган, непосредственно раскрывший преступление, успешнее справится с задачей собирания и закрепления первичных доказательств.

Производство дознания регулируется уголовно-процессуальными законами. Остальные виды деятельности милиции носят общеадминистративный характер и регулируются соответствующими нормативными актами.

Было бы, конечно, неправильно делать отсюда вывод о наличии двух функций у милиции — административной и дознавательской. Дознание не является отдельной, самостоятельной функцией, а лишь одной из форм, специфической формой осуществления общей, административной функции. Иными словами, дознание как функция, присущая только административным органам, является не чем иным, как специфической административной функцией, продолжением административной деятельности в специфической, уголовно-процессуальной форме. Функция дознания, следовательно,

является производной, вытекающей из основной функции милиции по охране общественного порядка и безопасности.

Это положение — о производном характере функции дознания — должно являться исходным при определении компетенции и форм деятельности милиции как органа дознания.

Однако на практике сущность дознания зачастую извращается, а расследование преступлений органами милиции из функции производной постепенно превращается в самостоятельную следственную функцию.

Начиная с 30-х годов, когда Прокурор Союза ССР лишил следователей функции надзора за дознанием и органы дознания наравне со следователями прокуратуры стали поднадзорны прокурорам, мы наблюдаем все большее увеличение удельного веса дознания в стадии предварительного расследования, сопровождающееся и увеличением процессуальных прав органов дознания. Больше того, вследствие организационной подчиненности следователей прокурорам и ведомственной обособленности органов милиции они стали обладать фактически большей процессуальной самостоятельностью, чем следователи прокуратуры; так, например, органы дознания сохраняют право самостоятельно возбуждать уголовные дела, тогда как следователь прокуратуры может возбуждать дело только с утверждения прокурора.

Стоит ли доказывать, что такое положение не способствует укреплению законности в следственной работе? И хотя дознание у нас строго облекается в процессуальные формы и на него распространяются те же процессуальные гарантии, что и на предварительное следствие, мы считаем, что сведения на нет существенные различия между дознанием и следствием должны быть восстановлены. При этом мы нисколько не намерены умалять той огромной роли, которую играют органы советской милиции в борьбе с преступностью.

Загрузка органов милиции расследованием не относящихся к их компетенции дел в значительной мере происходит также из-за бездействия остальных, кроме милиции, органов дознания специальных инспекций. Наблюдающееся повсеместно сокращение деятельности этих органов дознания ничем не оправдано. Принято почему-то считать, что правила о производстве дознания, установленные Уголовно-процессуальным кодексом, относятся только к милиции, а что прочие перечисленные в законе органы дознания процессуальных актов не составляют, процессуальных действий не производят. Так изображаются эти органы дознания и в нашей учебной литературе и в практических пособиях по уголовному процессу.

Но эти утверждения лишь отражают сложившуюся практику, притом лишь практику послевоенных лет. В ряде городов в довоенные годы некоторые инспекции (торговая, трудовая, техническая) проводили значительную работу по дознанию, причем в этих органах некоторые работники специализировались на производстве дознания. Ныне же заведено, что даже такой значительный, с точки зрения его дознавательских возможностей, орган, как государственная торговая инспекция, выявляя преступные нарушения правил торговли, сразу же, без производства каких-либо проверочных действий, пересылает эти материалы, притом не в прокуратуру, а в милицию. Так поступил государственный торговый инспектор г. Харькова по делу о злоупотреблениях директора магазина «Гастроном» Беленисова, обвинявшегося в продаже на сторону большого количества продуктов повышенного спроса: первичный допрос работников прилавка — свидетелей, изъятие кассовых чеков, произведено не государственным торговым инспектором, а работниками милиции.

В Уголовно-процессуальном кодексе — в главе о дознании — правила производства дознания относятся ко всем органам дознания, а не только к милиции. Ясно, — хотя это и не оговорено в Кодексе, — что прочие органы дознания не могли бы без помощи милиции производить обыск и выемки у граждан, задержание граждан и тому подобные принудительные действия, но они не ограничены в производстве других процессуальных действий, не связанных с применением мер принуждения. Считать, что эти органы производят лишь непроцессуаль-

ные, проверочные действия, — значит ничего не прибавлять к их общей контрольной функции, значит отрицать за ними право на производство дознания, ибо такого рода непроцессуальные, проверочные действия может производить в пределах своей компетенции любое руководящее должностное лицо, в том числе и должностное лицо общественной организации.

Выполнение специальными инспекциями дознавательских функций представляется весьма необходимым. Это, безусловно, обеспечило бы более быстрое и эффективное расследование ряда дел ввиду специальной компетентности работников этих органов дознания и, кроме того, значительно разгрузило бы милицию от расследования не свойственных ей дел.

Исходя из сущности дознания как функции, производной от административной, следует считать, что органы дознания призваны производить полное расследование лишь по тем, не требующим предварительного следствия делам, которые не трудоемки и не требуют продолжительного расследования, иначе эти органы отвлеклись бы от выполнения своих непосредственных административных функций, превращаясь в обычный следственный орган.

Не подлежит сомнению, что при определении компетенции органов следствия по расследованию дел (ст. 108 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) законодатель исходил именно из признания сложности дела, ибо органы дознания, для которых функция дознания является производной от их административных функций, не могут и не должны быть загружены производством продолжительного расследования. Задача органа дознания в случае раскрытия преступления — собрать и закрепить первичные доказательства, обеспечивающие успех будущего расследования, и передать дело для полного расследования органу следствия. И лишь несложные дела, где нет большого разрыва между фиксированием первичных доказательств и окончанием расследования, органы дознания должны расследовать полностью.

По смыслу ст. 108 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, если дело окажется сложным, требующим продолжительного расследования, прокурор не должен оставлять его в производстве органов дознания, а обязан изъять его и передать следователю.

Игнорирование этого требования приводит к тому, что многие работники милиции, призванные заниматься оперативно-розыскной, милицейской работой, явно отвлекаются от своих прямых обязанностей, занимаясь следственной работой. Так было с делом о хищениях и других корыстных злоупотреблениях работников сберегательной кассы Орджоникидзевого района г. Харькова. Расследование этого дела, произведенное от начала до конца работниками харьковской милиции, сопровождалось производством не-

скольких длительных бухгалтерских экспертиз, ведомственной ревизией, допросом множества свидетелей, осмотром большого количества документов, посылкой отдельных требований и т. д. Можно ли считать нормальным производство работниками милиции расследования по такому делу? Конечно, нет.

Механическое распространение на дознание всех процессуальных форм, установленных законом для предварительного следствия, т. е. унифицирование процессуальных форм дознания и следствия, произошло в силу игнорирования оперативно-розыскного элемента в дознании. Специфическая особенность дознания как административной функции, осуществляемой в уголовно-процессуальной форме, состоит в том, что здесь при обнаружении преступления, в стадии возбуждения дела нет четкой грани между действиями административного характера по выявлению преступления и действиями уголовно-процессуального характера по фиксации первичных доказательств. В самом деле, обнаружение преступления происходит в процессе административной, оперативно-розыскной деятельности милиции. Нельзя еще считать уголовно-процессуальным действием прием заявления от потерпевшего о совершенном преступлении, прием заявления от явившегося с повинной, осмотр места происшествия, задержание заподозренного и т. п. Здесь работник милиции действует еще в пределах своих административных правомочий и обязанностей. Лишь после производства этих действий обыкновенно решается вопрос о необходимости приступить к действиям уголовно-процессуального характера.

На практике не всегда возможно четко отделить обнаружение преступления, составляющее административную деятельность, от фиксации первичных доказательств в уголовно-процессуальном порядке.

Отсюда следует, что дознание нельзя рассматривать как «чисто» процессуальную деятельность, такую же, как следствие, что нельзя механически унифицировать процессуальные формы дознания и следствия. Законодатель так и поступил. Учитывая специфические задачи и условия дознания, законодатель, с одной стороны, не распространил на дознание всех процессуальных форм предварительного следствия и, с другой стороны, наделил органы дознания некоторыми такими правами, в которых не нуждаются и поэтому не обладают ими органы следствия.

К этим правам органов дознания относится, в частности, право на производство задержания граждан, а в некоторых случаях — и на производство обыска.

На этих мерах стоит несколько подробнее остановиться, чтобы показать наличие значительного административного элемента в дознании.

Перечисляя в ст. 100 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик основания задержания граждан, законодатель, несомненно, имел в виду также неотложные случаи, когда потребность в задержании возникает внезапно, когда заранее принимать решение о задержании некогда, — преступник застигнут на месте, на него указали очевидцы, он убегает и т. д. Работник милиции производит здесь задержание как оперативно-розыскное действие при несении службы по охране общественного порядка. Здесь никакого расследования еще не ведется, и лишь в связи с задержанием будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела и производстве расследования. Таким образом, когда работник милиции задерживает преступника, застигнутого на месте преступления (например, влезавшего в окно чужого дома), или задерживает лицо, на которое очевидцы укажут, что оно совершило преступление, он действует еще не как представитель органа дознания, а как представитель административной власти.

Могут возразить, что, кроме приведенных примеров, возможно еще задержание, производимое в самом процессе дознания и носящее поэтому исключительно процессуальный характер: например, когда при обыске, производимом в ходе дознания в квартире заподозренного, будут найдены похищенные вещи, данное лицо будет задержано в соответствии с п. 3 ст. 100 УПК РСФСР (обнаружение следов преступления), или когда следователь, оперативный работник милиции задержит уклоняющегося от следствия обвиняемого на основании п. 4 ст. 100 УПК РСФСР, и т. п. Нам кажется, что и в этих случаях задержание является не столько процессуальной, сколько административной мерой, вызванной опять-таки оперативной необходимостью, неотложными, непредвиденными обстоятельствами. Доказательством этому является то, что наш Уголовно-процессуальный кодекс не знает задержания, производимого следователем прокуратуры. Задержание законом предусмотрено только для органов дознания, то есть для органов, обладающих административной властью, следователь же прокуратуры производит в необходимых случаях лишь арест.

Но отсюда следует, что дознание должно обладать и — фактически обладает — некоторыми формами, отличными от процессуальных форм следствия.

Поэтому мы полагаем, что дознание должно быть возвращено в свои нормальные границы с восстановлением вытекающих из природы дознания специфических форм процессуальной деятельности.

И. Коршевер

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИНСТРУКЦИИ О ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

В журнале «Социалистическая законность» № 6 за 1954 год была помещена статья т. Чулимкова «Инструкция о порядке исполнения судебных решений не обеспечивает возмещения ущерба от растрат и хищений государственного и общественного имущества».

Редакция правильно сделала, поместив данную статью на страницах своего журнала, так как автор статьи вполне основательно указывает на необходимость повышения ответственности народных судей и судебных исполнителей за качество исполнения судебных решений по делам о хищениях и растратах государственного и общественного имущества и на отдельные недостатки действующей инструкции НКЮ СССР от 28 сентября 1939 г. «О порядке исполнения судебных решений».

Инструкция «О порядке исполнения судебных решений» 1939 года имеет серьезные недостатки. Более того, недостатки имеются не только в части обеспечения своевременного и правильного исполнения судебных решений по делам о хищениях и недостатках, но и по обеспечению исполнения судебных решений по делам других категорий.

Замечания сводятся к следующему:

Поскольку предусмотренное ст. 14 и 15 инструкции направление повесток должникам с предложением добровольно исполнить решение суда по делам о хищениях и недостатках неприменимо, следовало бы, на наш взгляд, предусмотреть в инструкции немедленную опись и последующее, не позднее десяти дней с момента поступления исполнительного листа, изъятие описанного имущества.

Необходимо устранить противоречие между ст. 112-а инструкции, предусматривающей прекращение исполнения после утверждения народным судьей акта об отсутствии имущества у должника, и ст. 265 ГПК РСФСР, требующей специального определения суда о прекращении исполнения.

Статья 131 инструкции обязывает судебного исполнителя не позднее следующего дня после получения наличных денег внести их на депозитный счет народного суда. В условиях сельской местности, когда судебный исполнитель находится в селах по нескольку дней, выполнить требование ст. 131 инструкции не представляется возможным, так как учреждение Госбанка находится в районном центре. Судебному исполнителю приходится иногда длительное время держать при себе крупные суммы денег, что может привести (практика знает такие случаи) к различным злоупотреблениям, ограблению, утрате денег и т. п. Нам кажется, что было бы целесообразнее в инструкции предусмотреть в этих случаях сдачу наличных денег на депозитный счет народного

суда через ближайшее почтовое отделение связи.

Статья 3 инструкции предусматривает производство исполнительных действий в месте жительства или в месте работы должника. В практике работы судебных исполнителей встречаются случаи, когда место жительства должника и место его работы находятся в различных районах. Например, должник работает в одном из районов Псковской области, а заработную плату получает в одной из организаций г. Пскова. В каком из этих районов должен быть взят на контроль исполнительный лист при обращении взыскания на заработную плату должника,—инструкция ответа не дает.

Требуется уточнения вопрос о проверке правильности удержания алиментов по исполнительным листам, переданным для взыскания в воинские части по месту службы должника. Статья 55 инструкции обязывает судебного исполнителя непосредственно на месте периодически проверять правильность производства удержаний и устранять выявленные им недостатки, а в случае обнаружения злоупотребления составить об этом акт и передать его судье для привлечения виновных к ответственности. Практически же эту проверку в воинских частях можно осуществить лишь путем соответствующих письменных запросов.

Совершенно непонятно требование ст. 57-а инструкции (см. дополнение, внесенное в инструкцию приказом Министра юстиции СССР № 17 от 27 февраля 1954 г.) о проверке судебным исполнителем правильности сведений, внесенных бухгалтерией предприятий, учреждений и организаций в графу 7 на оборотной стороне исполнительного листа о произведенных удержаниях. Как практически осуществить это требование, если исполнительный лист поступил из другого района области? Возвращать ли исполнительный лист для проверки в народный суд по местонахождению организации, где производились удержания, или же формально скреплять эти сведения своей подписью и печатью суда? Все эти вопросы требуют соответствующего разрешения в «Инструкции о порядке исполнения судебных решений».

С вопросом исполнения судебных решений тесно соприкасаются в процессе деятельности не только различные звенья в системе Министерства юстиции и в органах арбитража, но также и целый ряд ведомств.

Министерству юстиции СССР следовало бы поставить вопрос об утверждении инструкции «О порядке исполнения судебных решений» в Совете Министров СССР.

В. Костин

И. о. нач. управления МЮ
по Псковской области

ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЗА УВЕЧЬЕ

Статья 410 ГК РСФСР признает возмещением за вред «восстановление прежнего состояния потерпевшего».

Теория толкует данное требование закона таким образом, что суд должен своим решением обеспечить такое имущественное состояние потерпевшего, каковым оно было бы в день вынесения решения суда, если бы вред не был причинен.

В этой связи представляет значительный интерес вопрос: как должна учитываться пенсия, получаемая гражданами до причинения им увечья?

Пленум Верховного суда СССР в п. 9 постановления от 10 июня 1943 г. указывает: «При определении размера возмещения за увечье суд обязан принять во внимание назначенную потерпевшему пенсию или пособие по социальному страхованию и на соответствующую сумму уменьшить размер присужденного возмещения».

Несмотря на совершенно ясные указания закона, судебная практика после долгих колебаний пошла, на наш взгляд, по неправильному пути. Если истцом является рабочий или служащий, уже получавший пенсию до несчастного случая, то суды фактически не обеспечивают возмещения причиненных убытков. Получается это так: суды принимают во внимание пенсию, которая могла бы быть назначена, но не назначена, так как истец уже и без того получает пенсию, и на эту сумму снижают размер пенсии. Для ясности приводим два примера. Рабочий А., имевший средний заработок 1000 руб. в месяц, в результате увечья признан инвалидом 2-й группы с назначением ему пенсии по увечью 285 руб. (утрата трудоспособности и общей и профессиональной полной — 100%). При подсчете суммы возмещения, народный суд, приняв во внимание

эту пенсию А., присудил ему возмещение в сумме 715 руб. ($1000 - 285 = 715$). Таким образом, А. восстановлен в прежнем состоянии.

Иначе сложились обстоятельства у рабочего Б., тоже до увечья имевшего средний заработок в сумме 1000 руб. и получающего персональную пенсию в сумме 300 руб. В результате увечья Б. утратил трудоспособность также на 100% (общую и профессиональную). Народный суд, направив Б. на врачебно-трудовую экспертную комиссию и получив из отдела социального обеспечения справку, что ему полагается по увечью пенсия в сумме 285 руб., зачел эту полагающуюся ему пенсию при подсчете возмещения и присудил ему возмещение тоже в размере 715 рублей. Однако пенсия 285 руб. для Б. осталась на бумаге, поскольку он желает получать персональную пенсию 300 руб. Таким образом, после присуждения возмещения Б. имеет: 715 руб. + 300 руб. = 1015 руб. Между тем ранее рабочий Б. ежемесячно получал 1300 руб. Следовательно, он судом не восстановлен в прежнем состоянии.

В примере фигурирует персональная пенсия. Таким же образом обстоит дело в отношении пенсий военных и по старости.

Приведенный нами пример взят из жизни, но в несколько упрощенном для наглядности виде. Он дает представление о том, насколько нелогичной и не соответствующей духу нашего советского законодательства является судебная практика, основанная на формальном толковании п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР 1943 года. Такая практика должна быть изменена.

Турчин
Член Ленинградского
городского суда

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ КОЛХОЗАМ

Приказ Министра юстиции СССР от 10 сентября 1951 г. «О мероприятиях по оказанию юридической помощи колхозам со стороны органов юстиции и адвокатуры» обязывает юристов, в частности адвокатов, периодически выезжать в колхозы для проведения на местах консультаций по правовым вопросам, для проверки законности договоров, оформления исковых заявлений по ликвидации дебиторской задолженности. К сожалению, адвокаты Пушкинского района до настоящего времени не приступили к этой важнейшей работе; только недооцен-

кой указанных мероприятий можно объяснить их инертность и бездействие.

Между тем необходимо помогать руководителям колхозов осуществлять гражданские правоотношения с юридическими и физическими лицами. Работникам прокуратуры необходимо усилить надзор за соблюдением Устава и принимать все возможные меры к устранению выявленных нарушений.

Боначенко
Народный судья 4-го участка
Пушкинского района Москов-
ской области

БОРЬБА С ПРИПИСКАМИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОТЧЕТНОСТИ — ВАЖНАЯ ЗАДАЧА ПРОКУРАТУРЫ

Контрольная работа банков долгосрочных вложений показывает, что некоторые строительные организации свою плохую работу и невыполнение плана строительно-монтажных работ прикрывают фиктивными данными в отчетности, основанными на систематических приписках в актах о выполнении работ, фактически не выполненных. В строительстве такое явление еще достаточно распространено. В ряде случаев, например, руководители строительных организаций и объектов строительства по таким «показателям отчетности» премируются крупными суммами и выдвигаются на более ответственную работу.

Такая антигосударственная практика, безусловно, должна была бы привлечь внимание органов прокуратуры. Между тем некоторые прокурорские работники явно недооценивают значение борьбы с этим злостным обманом государства, хотя партия и правительство в своих решениях неоднократно указывали на необходимость усиления борьбы с приписками в документах государственной отчетности.

Преднамеренные приписки невыполненных объемов работ нельзя рассматривать как случайное явление. Лица, совершившие эти преступные действия, преследуют корыстную цель. Вместо проведения глубокого расследования по таким материалам, полученным из банков долгосрочных вложений, некоторые прокурорские работники ограничиваются формальным получением объяснений от виновных в приписках лиц и выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного преследования. Основные вопросы — о цели приписок к государственной отчетности и на какие надобности были израсходованы полученные незаконно из банка средства — остаются неисследованными.

Больше того, некоторые прокурорские работники даже не пытаются разобраться в совершенном преступлении и делают неправильные выводы из материалов проверки или следствия.

Вот один из примеров прямого непонимания существа совершенного преступления. На строительстве производственного корпуса завода в Ленинграде должностные лица за сравнительно короткий срок совершили приписок невыполненных работ на сумму 38 044 руб. Помощник прокурора Ленинского района Ленинграда Буленков, прове-

ривший материал о приписках, ограничился получением объяснений от виновных лиц и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Мотивы отказа изложены так: «Из объяснений Белоусова, Парамонова и Туманова усматривается, что контрольный обмер производился в зимнее время и Тумановым, предъявившим работы к обмеру, не могли быть предъявлены крышки от люков и канализационных колодцев, так как они находились под снегом; что работы по штукатурке дощатых поверхностей 867 м² были произведены, но имелись дефекты ввиду вымораживания в отдельных местах, и банком поэтому не приняты; лестничная клетка находилась в стороне незавершенного производства ввиду производственной необходимости, так как в месте ее устройства производились другие работы, что могло повлечь разрушение изготовленной полностью лестницы».

Ясно, что т. Буленков даже отдаленно не представил себе, с каким характером преступления он имеет дело, что такое незавершенное производство, не понял, каковы функции банка в контрольной работе. Все это дало возможность лицам, заинтересованным в замазывании дела, воспользоваться некомпетентностью помощника прокурора и дать ему абсурдные пояснения, которые были приняты им на веру и положены в основу его постановления.

Характерно, что с таким постановлением «согласен» прокурор Ленинского района т. Юров.

По ряду материалов дела прекращаются прокуратурой по мотивам отсутствия корысти в действиях виновных лиц, что является в корне неправильным. Некоторые прокурорско-следственные работники, повидимому, забыли указания Прокуратуры СССР, в которых прямо осуждается практика прекращения дел о нарушениях финансовой, кассовой и штатной дисциплины, а также о приписках государственной отчетности по мотивам «отсутствия корысти» в действиях должностных лиц.

Обман государства в виде приписок и составления фиктивной отчетности по выполнению плана не может терпим в государственных организациях, и органы прокуратуры должны вести решительную борьбу с этим антигосударственным явлением.

Б. Свердлов

СРОКИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО РЕГРЕСНЫМ ИСКАМ

Статья т. Николаева «Разрешение судами споров, вытекающих из поставки недоброкачественной продукции» («Социалистическая законность» № 10 за 1953 г.) поднимает ряд важных вопросов, связанных с применением инструкции государственного арбитража № 70 от 24 ноября 1952 г. и имеющих большое значение в судебной практике.

Действительно, с изданием этой инструкции судебные органы столкнулись с тем, что при рассмотрении споров, вытекающих из поставки недоброкачественной продукции, они не имеют права ссылаться в своих решениях на данную инструкцию, так как инструкция обязательна только при рассмотрении споров органами государственного арбитража. Другого же законодательного материала по этому вопросу суды не имеют.

Но в свете этой инструкции возникают и другие вопросы, которые не разработаны детально законодательством и по которым нет устойчивости в судебной практике. Мы, в частности, имеем в виду вопрос о регрессных исках, именно о сроках исковой давности по регрессным искам.

Статья 14 инструкции № 70 устанавливает, что иски, связанные с поставкой продукции ненадлежащего качества, в том числе иски о возврате сумм, уплаченных за такую продукцию, и иски о возмещении убытка предъявляются в течение шестимесячного срока. Из текста ст. 14 можно сделать вывод, что по регрессным искам, вытекающим из первоначального спора из поставок недоброкачественной продукции, применяется шестимесячный срок.

Одни работники судов считают, что этот шестимесячный срок по регрессным искам не должен применяться в судебной практике, другие же считают, что суды должны по регрессным искам применять полуторогодичный срок исковой давности по соображениям, что деятельность суда отлична от деятельности арбитража. Это совершенно неправильный и формальный довод. Отличие деятельности суда от работы Государственного арбитража не должно ни в какой степени оказывать влияние на применение в практике материального закона.

Статья 44 ГК РСФСР устанавливает шестимесячный срок по всем претензиям о взыскании штрафов, пени и неустойки. Закон предусмотрел по ним, специальный, меньший срок исковой давности, имея в ви-

ду укрепление договорной дисциплины и хозяйственного расчета.

Правильность исчисления шестимесячного срока исковой давности подкрепляется и ст. 14 инструкции № 70 Государственного арбитража. Практика же применения полуторогодичного срока исковой давности по регрессным искам может привести в недоумение не только хозяйственников, но и юристов. Между тем на этой позиции стоит Ульяновский областной суд.

Исходя из смысла закона, мы полагаем, что точка зрения областного суда ошибочна.

Приведем примеры.

Организация, участвовавшая в процессе в качестве третьего лица, предъявила в органы арбитража регрессный иск на сумму 1001 руб. с пропуском шестимесячного срока, органы арбитража должны отказать в приеме искового заявления за пропуском исковой давности; если бы эта же организация обратилась в суд с регрессным иском то, исходя из практики Ульяновского областного суда, исковые требования ее должны быть удовлетворены.

Совхоз имени Сакко и Ванцетти заключил договор со Стройкомбинатом на поставку камня, причем комбинат обязался производить погрузку своими силами, в случае же невыполнения этого обязательства комбинат выплачивает штраф в размере суммы, выплаченной совхозом железной дороге за невыполнение в срок плана перевозок. Совхоз, уплатив железной дороге по решению суда штраф, обратился в суд с регрессным иском о взыскании штрафа с комбината, поскольку последний сорвал погрузку камня в срок по своей вине. Народный суд 1-го участка Инзенского района отказал в иске за пропуском шестимесячного срока. Ульяновский же областной суд отменил решение народного суда, указав в определении, что в данном случае срок исковой давности должен быть исчислен в полтора года, несмотря на то, что регрессный иск предъявлен на сумму штрафа.

Поскольку в практике судов нет единого взгляда по вопросу, необходимо разрешить его руководящим органам.

Данильчев

Народный судья 1-го участка
Инзенского района Ульяновской области

УПРОСТИТЬ ОФОРМЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ В НОТАРИАЛЬНЫХ КОНТОРАХ

Задача культурного обслуживания граждан в советских учреждениях и борьбы с бумажной волокитой относится и к нотариальным конторам.

При оформлении различного рода нотариальных действий нотариусы, как правило,

требуют довольно много документов. Представление же многих документов отнимает у граждан время, отрывает людей от производительного труда. Это отнимает немало времени и у нотариуса, который должен просмотреть документы.

Если же присмотреться внимательно к требуемым документам, то от многих из них можно отказаться без нарушения законов и без вреда для дела. Так при оформлении договора купли-продажи домовладения, расположенных в городах, нам кажется, можно было бы вместо требования личной явки совладельцев в нотариальную контору или сложной процедуры, связанной с посылкой им извещения, разъяснить продавцу, что совладелец имеет право преимущественной покупки продаваемой части домовладения и потому должен быть поставлен в известность об этом. В доказательство же того, что совладелец поставлен им в известность о предстоящей продаже части дома, продавец должен дать подписку.

Точно так же вместо отдельной письменной подписки от имени одного из супругов о его согласии на продажу или дарение домовладения, нажитого во время брака (которая заверяется нотариально), можно ограничиться подпиской супруга на самом договоре купли-продажи или дарения.

Не требуется также отбирать подписки от покупателя о том, что у него нет в пределах Советского Союза другого дома и что в результате покупки домовладения у него не будет больше пяти комнат.

При оформлении договора купли-продажи автомашины можно отказаться от справки финансового отдела и не оставлять в делах нотариальной конторы копии технического паспорта, так как в договоре купли-продажи указываются точные данные паспорта, подпись же супруга можно отразить на самом договоре.

При удостоверении договоров на отвод в бессрочное пользование земельных участков для индивидуального строительства жилого дома нотариус требует план земельного участка и проект постройки жилого дома. По данным, указанным в плане, нотариус проверяет размеры земельного участка. При неправильной конфигурации его приходится делать сложные вычисления, отнимающие много времени, и, так как нотариусы специальных знаний для производства расчетов не имеют, это приводит к необходимости требовать такие расчеты от архитектора или из районного жилищного управления. Между тем надобности в детальной проверке представленного плана земельного участка не имеется, так как план заверяется архитектором и соответствующим исполкомом совета, которые и должны нести ответственность за правильность представленного плана. Не требуется также представления в нотариальную контору проекта строительства дома, так как количество комнат можно проверить по договору, в котором это обстоятельство оговаривается.

При оформлении доверенностей от имени юридических лиц требуется представление устава или положения о них, государственная регистрация протокола о распределении обязанностей среди членов правления или президиума, приказы на должностных лиц и т. д. и т. п. Между тем здесь достаточно было

бы проверить полномочия лиц, дающих доверенности, не оставляя в делах нотариальной конторы ненужной массы документов.

Техника засвидетельствования копий сводится к следующему: копия документа сверяется с подлинником, после подписи ее нотариусом содержание документа заносится в реестр, со слов получающего копию документа записывается его адрес, и затем он расписывается в реестре в получении копии.

Запись содержания документа, с которого свидетельствуется копия, значительно сократилась после введения в практику по предложению 1-й Харьковской нотариальной конторы штампа записи в реестр. Но процесс опроса лица, получающего копию, о месте его проживания и дача ему реестра для расписки в получении отнимают столько же времени, сколько отнимала запись содержания документа в реестр. Вместе с тем практика нотариальных контор показала, что внесение в реестр адреса получателя копии и его расписка в реестре, по существу, ничем не вызываются и практически ничего не дают, так как ни адрес, ни фамилия получателя нотариусом по документам не проверяются, и, следовательно, если получатель документа назовет вымышленную фамилию или вымышленный адрес, то они будут внесены в реестр. Отказ от этих записей на качестве копий не отразится ни в какой мере, а ускорит оформление документов в среднем на 50%, что приведет к разгрузке все еще имеющих очереди в нотариальных конторах. Это обстоятельство особенно важно при существующем положении, когда засвидетельствование верности копий составляет в каждой нотариальной конторе от 50 до 70% всей работы.

Нотариальные конторы нередко загружаются ненужной работой. Так при обмене паспортов в 1951 году все конторы были перегружены засвидетельствованием копий с различного рода документов. Вмешательство в эти дела Министерства юстиции СССР привело к тому, что Министерство внутренних дел разрешило начальникам паспортных столов самим заверять действительность копий документов, оставляемых в делах паспортного стола. Но ежегодно, начиная с июня месяца, нотариальные конторы загружаются копиями свидетельств об окончании семи или десяти классов средней школы, копиями метрических свидетельств о рождении. В эти месяцы наблюдается необычайный наплыв посетителей в нотариальных конторах, образование очередей. Можно ли бороться с этим явлением? Можно тем же путем, как при засвидетельствовании копий при обмене паспортов. Надо согласовать вопрос с Министерством просвещения о том, что копии свидетельств об окончании учебных заведений и копии метрических свидетельств о рождении могут свидетельствовать те учебные заведения, в которые поступает данное лицо (это тем более приемлемо, что наибольшее число копий заверяется для юношей и девушек, окончивших семь классов

и поступающих в восьмой класс той же школы).

Следует также пересмотреть вопрос об отчетности нотариальных контор, которые ежемесячно дают сведения управлениям юстиции по развернутой форме отчета (15 граф). Заполнение всех граф требует затраты большого времени, кропотливой работы над реестром, так как в реестре записи производятся в общем порядке, без разбивки нотариальных действий на отдельные категории, а в отчете указывается число нотариальных действий по каждому виду их. Между тем достаточно сообщить о количестве выполненных нотариальных действий.

Приведенный перечень нотариальных действий, по которым возможно без нарушения закона и без ухудшения качества работы значительно сократить количество требуемых документов, далеко не исчерпывает имеющихся в этой области возможностей. Было бы целесообразно заслушать по этому вопросу мнения практических работников нотариата.

Есава

Старший нотариус
1-й Харьковской нотариальной
конторы

НЕДОСТАТКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

В подготовке молодых кадров юристов значительную роль должна играть производственная практика их в органах суда, прокуратуры, юстиции для получения необходимых практических знаний и навыков.

Жизнь показала, что все программы производственной практики, утвержденные Министерством высшего образования СССР, требуют серьезного пересмотра.

Как правило, молодые специалисты после окончания учебного заведения работают в органах суда, прокуратуры, министерства юстиции, министерства внутренних дел, милиции, адвокатуры. Однако во время учебного процесса они проходят производственную практику только в органах суда и прокуратуры. Это лишает студентов возможности в течение учебного времени ознакомиться с практической работой по другим отраслям работы. Получается, что молодые специалисты, только что окончившие высшее юридическое учебное заведение и незнакомые с содержанием и организацией работы различных органов, в первое время встречают очень много трудностей на своем пути, а некоторые из них вообще не имеют почти никакого понятия об этих органах.

Серьезные недостатки имеются в прохождении студентами пятого курса так называемой практики по циклам, например, уголовного права, гражданского права, государственного права. К сожалению, этим делом, можно сказать, никто не занимается. Со всем плохо обстоит дело со специализацией студентов пятого курса: как правило, во время распределения специальность не принимается во внимание, — получается, что специализация носит формальный характер.

Почему не дать студентам возможности проходить практику в тех органах, где они после окончания института будут работать? Мне кажется, что для достаточно глубокой подготовки юристов нужно распределять

студентов юридических факультетов между соответствующими органами не с пятого, а с четвертого курса, чтобы каждый студент проходил специальную практику там, где он в дальнейшем будет работать.

Серьезные недостатки имеются и в самой организации производственной практики: студенты объединяются в группы по 25 человек, и руководство каждой из них возлагается на одного руководителя-преподавателя. Между тем в каждой районной прокуратуре и суде проходить производственную практику могут только три-четыре человека. Естественно, один руководитель не может в течение месяца побывать в шести-восьми районах и проверить всех студентов-практикантов. Таким образом, объединение студентов-практикантов в крупные группы не дает реальной возможности проверять прохождение производственной практики. Для получения ощутимых результатов производственной практики необходимо в каждой группе сосредоточить не более десяти студентов и тем самым дать возможность руководителям контролировать и проверять работу каждого студента на месте.

Для того чтобы коренным образом улучшить организацию этого важного учебного процесса, необходимо, чтобы каждый студент, помимо программы производственной практики, имел соответствующий состав работы во время прохождения ее, составленный кафедрой.

В программах нужно отвести больше места организационной работе суда, прокуратуры и управлений юстиции, так как если молодой специалист не умеет проверить работу канцелярии суда или прокуратуры, то это мешает ему выполнять возложенные на него обязанности.

А. Ибрагимов

Кандидат юридических наук

ПРАВИЛЬНАЯ ВЕРСИЯ И ЕЕ ПРОВЕРКА

В конце 1953 года из кассы Авачинского рыбокомбината в поселке Новая Тарья Елизовского района Камчатской области было похищено 193 тыс. руб., предназначенных для выдачи заработной платы рабочим комбината. В целях сокрытия следов преступления помещение кассы было облито керосином и подожжено, но пожар был быстро ликвидирован. Выехавшие на место происшествия работники прокуратуры и милиции при осмотре установили, что преступники проникли в помещение комбината через окно, предварительно выдавив стекла в обеих рамах окна, а в кассу проникли, взломав нижнюю филенку двери. Это все, что было установлено осмотром.

Помощник прокурора Камчатской области т. Шекунов, которому было поручено расследование этого дела, установил, что деньги, похищенные из кассы, состояли из купюр разного достоинства, из них на 123 тыс. руб. купюрами по десять рублей. Поэтому одна из намеченных т. Шекуновым версий заключалась в том, что преступник будет стараться избавиться от такого большого количества денег купюрами по десять руб., так как наличие их на большую сумму требовало много места для хранения и создавало неудобство при пользовании.

Ввиду того что все денежные операции в поселке производятся только в торговых точках, а выручка со всех торговых точек сдается в центральную кассу рыбокооп., было установлено наблюдение за тем, кто и какими купюрами сдает деньги. Одновременно банку было дано указание не выдавать некоторое время комбинату и другим предприятиям поселка деньги купюрами по десять рублей. Спустя две недели после хищения в центральную кассу рыбокооп. сдала денежную выручку продавец ларька Ешина. Среди денег, сданных ею, была одна пачка в 500 руб. купюрами по десять рублей. Обращало на себя внимание то обстоятельство, что эта пачка была аккуратно подобрана, как если бы она подбиралась не в магазине, а в банке, и только что вышла из-под банковского пресса. Через два дня она вновь сдала выручку, в которой было три пачки денег по сто штук в каждой достоинством по десять руб., и опять, как и в первый раз, деньги были аккуратно подобраны и спрессованы. Становилось очевидным, что Ешина могла иметь отношение к хищению денег из кассы комбината. Тов. Шекунов решил произвести проверку, чтобы убедиться в причастности Ешиной к хищению. Для этого он дал одному товарищу 100 руб., предварительно

записав номер купюры, и предложил ему купить у Ешиной в ларьке на 5 руб. хлеба. При сдаче очередной выручки Ешиной среди денег купюры в 100 руб. не оказалось. Это подтвердило предположение т. Шекунова, что преступники будут стараться избавиться от мелких денег.

Однако трудно было представить, чтобы Ешина могла совершить такое хищение одна, без соучастников. Поэтому необходимо было установить связи Ешиной, ее родственников и знакомых. Как выяснилось, в поселке проживал ее брат Смелов, с ноября 1953 года нигде не работавший. У Ешиной и ее брата Смелова одновременно был произведен обыск. У Ешиной было обнаружено и изъято около 6 тыс. руб., а также ценное имущество. У Смелова обнаружено 78 тыс. руб., из них 40 тыс. руб. были спрятаны в дровах во дворе. Кроме того, как установлено расследованием, Смелов отправил 52 тыс. руб. в посылке (она была задержана, и деньги изъяты). Смелов признался в хищении денег из кассы комбината, объяснив, что часть похищенных денег он дал своей сестре Ешиной.

Расследование этого дела может служить примером того, как важно наметить правильную версию расследования и обеспечить ее проверку (приказом Генерального Прокурора СССР т. Шекунову за успешное расследование этого дела объявлена благодарность и выдана денежная премия).

20 января 1954 г. в 12 час. дня на одной из улиц г. Читы было совершено нападение на кассира чайной № 10 Дружинину. Двое грабителей, вооруженные пистолетом и ножом, нанесли ей три ножевых ранения и отобрали портфель, где было 9 тыс. руб., полученных Дружининой в этот день в банке. Дружинина, доставленная в больницу, в тот же день скончалась, не придя в сознание.

Расследование этого преступления было поручено старшему следователю прокуратуры Читинской области т. Шифрину и народному следователю т. Кириллову. Осмотр места происшествия ничего полезного для следствия не дал, так как, кроме непригодных для исследования следов, ничего обнаружено не было. Были установлены две женщины и девочка, которые видели убежавших преступников. Они рассказали, что в руках у одного из убежавших был портфель, а другой на ходу прятал в карман пистолет. Бегущие были одеты в темного цвета полу пальто с боковыми карманами.

Следователи тт. Шифрин и Кириллов предположили, что преступники следили за Дружининой в госбанке, после чего совершили нападение. Выехав в госбанк, следователи установили, что в этот день деньги были получены представителями 259 организаций. Опрос работников милицеской охраны банка ничего положительного не дал, но кассир расходной кассы банка рассказала, что один из клиентов банка упомянул в разговоре, после того как в банке стало известно о нападении на Дружинину, что утром видел в банке человека в темного цвета полупальто, которого он раньше не встречал в банке. Это сообщение имело серьезное значение для расследования дела, так как банк посещали постоянные клиенты и появление нового посетителя обращало на себя внимание. Чтобы установить, кто был клиент, рассказавший кассиру расходной кассы о посетителе банка в темном полупальто, следователь и кассир пересмотрели вместе чеки, по которым в этот день были получены деньги, и кассир вспомнила фамилию этого клиента — кассира одной артели.

Кассир артели показала, что человек, одетый в темное полупальто, которого она видела утром в банке, был Перфильев, недавно возвратившийся из мест заключения в связи с указом «Об амнистии». Ввиду совпадения показаний двух женщин об одежде преступников с показаниями о том же кассира следователь принял решение произвести обыск у Перфильева. Перфильев был задержан, и при личном обыске у него была обнаружена банковская бандероль от пачки денег. При обыске на квартире не было ничего обнаружено, но зато обыск по месту работы Перфильева (он работал заведующим хозяйством в средней школе) дал положительные результаты: было обнаружено 2 тыс. руб. денег, пистолет марки «ТТ» с запасом патронов к нему и финский нож. Во время обыска Перфильева вызвал к телефону из бани его товарищ, оказавшийся Пановым. Выяснилось, что Панов часто приходил в школу к Перфильеву, они были близкими друзьями. Предполагая, что Панов причастен к преступлению, следователи выехали к нему на квартиру. Панова дома не оказалось, его задержали в бане. При обыске у него были обнаружены 267 купюр трехрублевого достоинства.

Как установлено расследованием, Перфильев и Панов давно выслеживали кассира в банке с целью ограбления. 20 января они с утра пришли в банк. Перфильев прошел в кассовый зал, встал у барьера и стал выслеживать кассира, который был бы без сопровождающего и получал бы более или менее крупную сумму денег. На кассира Дружинину он обратил внимание потому, что она была одна и, по его расчету, получила 15 тыс. руб. Когда Дружинина вышла из банка, Панов и Перфильев последовали за ней, и на одной из пустынных улиц Панов нанес ей удар по голове

рукояткой пистолета, а Перфильев пытался вырвать из рук портфель с деньгами. Дружинина упала, но портфель не отдавала. Тогда Панов нанес ей два удара ножом в спину и один в грудь, после чего Дружинина выпустила из рук портфель. Захватив его, преступники убежали.

Панов и Перфильев признались в убийстве и ограблении Дружининой. Они изобличались также рядом собранных по делу доказательств.

Казалось бы, что больше по этому делу следователям делать нечего, так как преступники были разоблачены и обезврежены в весьма короткий срок, однако исключительная наглость, с которой было совершено убийство Дружининой, и личности преступников давали следователям основание предполагать, что на совести у Панова и Перфильева лежит еще не одно преступление. С целью раскрытия их т. Шифрин и Кириллов изъяли из органов милиции и изучили все прекращенные в последнее время дела в связи с необнаружением преступников. Чутье следователей не обмануло их: при дальнейшем расследовании оказалось, что убийство Дружининой было лишь одним из эпизодов преступной деятельности Панова и Перфильева.

И большая заслуга следователей Шифрина и Кириллова заключается не только в том, что они раскрыли убийство Дружининой, но и в том, что еще раскрыли ряд других опасных преступлений, совершенных Пановым и Перфильевым.

В ноябре 1953 года в прокуратуру Лиманского района Астраханской области поступило сообщение, что в степи между станцией Яндык и 6-м разъездом обнаружен труп человека. К месту обнаружения трупа выехал народный следователь т. Лосев, захвативший с собой следственный чемодан. При осмотре было установлено, что труп убитого мужчины был волоком удален от дороги, а вдоль дорожки волочения были обнаружены следы ног человека. Около следов была обнаружена папирса марки «Беломорканал», изготовленная 1-й фабрикой г. Тбилиси. В 170 м от трупа была обнаружена завернутая в нательную рубашку голова человека, у которой был обрезан нос, вырезана нижняя губа до подбородка и изрезано все лицо. В 200 м от места обнаружения головы был обнаружен мешок с вещами убитого. Вещи были сильно окровавлены. На мешке оказался остаток ярлыка камеры хранения ручной клади, на котором сохранилась запись: «28.XI», буквы «ОГОЧ» и цифры «45778». Никаких документов убитого обнаружено не было.

Надо было установить, кто был убитый и как он сюда попал. Расследуя дело, т. Лосев выяснил, что в Лиманском районе торгуют папиросами марки «Беломорканал», изготовленными 1-й Тбилисской фабрикой. Труп был обнаружен 30 ноября, а на мешке убитого дата ярлыка камеры хранения

28 ноября. Можно было предположить, что убийство совершено в ночь с 29 на 30, что было подтверждено и заключением судебно-медицинской экспертизы.

Следователю удалось найти свидетеля, который рассказал, что 29 ноября 1953 г. он ехал из села Караванного в Лиман на автомашине. На станции Зензели на эту автомашину сели и ехали вместе двое неизвестных ему граждан. Один из них был хромым на правую ногу и имел с собой охотничье ружье. Второй имел заплечный мешок, был небрит. Свидетель подробно описал внешность их и одежду. Затем этому свидетелю были предъявлены одежда и труп, в котором он опознал одного из неизвестных и одежду, принадлежащую ему. Был найден шофер, который подтвердил показания свидетеля.

Свидетель Липовский показал, что 29 ноября к нему зашли погреться двое граждан, один из которых был хромым. Из разговора между ними Липовский понял, что они ездят в г. Баку продавать картофель, на обратном пути заезжали на ст. Гудермес, где хромым купил ружье. Липовский запомнил, что номер ружья и номер в паспорте на него были разные, о чем он узнал из справки, выданной заведующим магазином покупателю ружья — хромому гражданину. Неизвестный, которого звали Иван, торопил хромого и предлагал выехать на попутной машине, но тот медлил и предлагал идти пешком. Гражданин по имени Иван брлся у Липовского своей «опасной» бритвой, причем вытирал бритву бумажкой, которую вынул из чемодана. Тов. Лосев принял меры к отысканию этой бумажки, и она была обнаружена в мусорной яме во дворе Липовского. Бумажка оказалась заполненным бланком почтового перевода на 600 руб. в адрес Рогачевой О. Ф., проживающей в дер. Новинки Вацкого района Горьковской области. На бланке был указан обратный адрес: г. Баку, поселок имени Жданова, корпус 38, кв. 7, Кусочкин.

Допрошенный в Баку проживавший по этому адресу Кусочкин показал, что у него останавливались двое граждан, которые приезжали из Горьковской области продавать картофель, фамилий этих граждан он не знает, но одного из них звали Иван, а другого Никита, и, как ему стало извест-

но, Иван за картофель получил около 18 тыс. рублей.

В Горьковской области была допрошена Рогачева О. Ф., которая рассказала, что ее зять Рогачев Иван Васильевич уехал в Баку продавать картофель, откуда она от него получила перевод на 600 рублей. Домой он не вернулся. Была допрошена жена Рогачева, которая после допроса прибыла в Лиман, где опознала труп и одежду своего мужа Рогачева И. В.

Допросом свидетелей в Горьковской области было установлено, что в Баку для продажи картофеля выехал также Азовцев, хромым на правую ногу. Одна из свидетельниц показала, что Азовцев рассказывал ей, что он пропил все деньги от продажи картофеля.

Заведующая магазином на ст. Гудермес показала, что ею было продано ружье хромому покупателю, что номер паспорта ружья не сходил с номером, обозначенным на ружье, в связи с чем она выдала покупателю справку о несоответствии номеров.

Найден был свидетель, который рассказал, что 29 ноября он видел днем Рогачева вместе с Азовцевым, а в 2 часа ночи 30 ноября Азовцев пришел на разъезд и уехал один.

По делу были собраны и другие доказательства, изобличавшие Азовцева в убийстве. Принятыми мерами розыска Азовцев был задержан. Как оказалось, 3 декабря Азовцев приехал в Саратов и лег в больницу по поводу обморожения пальцев ног. В больнице он сдал на хранение 7600 руб. денег, а часть оставил себе. Из Саратова он выслал два перевода жене на сумму 3200 руб., затем выехал к своему брату в Тулу. Ружье, которое купил в Гудермесе, он продал и купил себе новое.

Азовцев был полностью изобличен и осужден. Ранее он дважды судился. Вернулся из мест заключения в 1953 году. Раскрыть это преступление помогли тщательный и своевременно произведенный осмотр места происшествия и применение научно-технических средств следователем т. Лосевым.

М. К.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕКИСИ ВОДОРОДА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОБЫ НА КРОВЬ

При осмотре места происшествия часто, особенно по делам об убийствах и другим, обнаруживаются следы крови. Свежие следы имеют яркокрасную окраску, через неделю они приобретают буроватый оттенок, а через три-четыре месяца становятся бурыми, с восьмого месяца следы крови сереют и через один-два года делаются совсем серыми. Изменения следов крови с течением времени объясняются воздей-

ствием на кровь кислорода воздуха, температуры, влажности и т. д. В некоторых случаях сначала заметны следы, сливаясь с фоном, становятся плохо различимыми. Следы крови бывают слабо заметны также и в том случае, если они были заматы, затерты или когда кровь впиталась в толщу объекта. Наряду с пятнами крови при отыскании их нередко встречаются пятна других веществ, очень сходных по цвету

и внешнему виду со следами крови (следы ржавчины, краски, кофе и других веществ).

Во всех таких случаях перед следователем возникает вопрос: являются ли обнаруженные им пятна следами крови или какого-либо иного вещества? Решение этого вопроса в следственной практике достигается посредством проведения предварительной пробы на кровь и последующего лабораторного исследования.

Для проведения предварительной пробы на кровь используется ряд реактивов, из которых чаще других употребляется перекись водорода. В химическом отношении перекись водорода представляет собою соединение кислорода и водорода (H_2O_2). Существуют два препарата перекиси водорода в жидком виде: концентрированный раствор перекиси водорода, или пергидрол, содержащий 27,5—31% перекиси водорода, и раствор перекиси водорода, содержащий 2,7—3,1% перекиси водорода. Для проведения предварительной пробы на кровь используется последний раствор. Раствор имеет вид прозрачной, бесцветной, без запаха, слегка вязущего вкуса, слабокислой реакции жидкости.

При комнатной температуре трехпроцентный раствор перекиси водорода медленно распадается на кислород и воду (по реакции $H_2O_2 = O + H_2O$). Распадение идет быстрее при повышении температуры и в присутствии некоторых веществ, например, щелочи (даже от соприкосновения со щелочью стекла) или органических соединений. Поэтому необходимо хранить раствор в темном, сухом и прохладном месте, в склянке с парафинированной пробкой.

По литературным данным, срок хранения перекиси водорода равен одному году. Однако практические наблюдения Центральной контрольной аналитической лаборатории и других лабораторий свидетельствуют, что срок годности трехпроцентного раствора перекиси водорода значительно меньше: через одну-две недели хранения процент содержания перекиси водорода уменьшается на 0,5—1% и вместо трех процентов доходит до 2,5—2% и т. д. Поэтому срок хра-

нения раствора фактически равняется полутора-двум месяцам.

Рассмотренные свойства перекиси водорода должны учитываться при использовании ее в следственной практике. Для установления наличия крови в пятнах рекомендуется пользоваться по возможности свежим раствором перекиси водорода или хранившимся не более двух месяцев.

Проведение предварительной пробы на кровь с помощью перекиси водорода основано на том, что если обнаруженные пятна являются следами крови, то при нанесении на них капли раствора перекиси водорода наблюдается побеление пятна и бурное выделение, «вспенивание» пузырьков газа (кислорода). Последние образуются в результате разложения перекиси водорода на кислород и воду под действием ферментов крови (каталазы и пероксидазы).

Эта реакция очень чувствительна, но положительный результат ее может наблюдаться не только в присутствии крови, а и при наличии гноя, белых кровяных шариков (лейкоцитов). Поэтому в случае положительного результата пробы на кровь для окончательного суждения о наличии крови в пятне необходимо проверить это в условиях лаборатории (спектральным, микроскопическим и микрохимическим анализами).

При проведении пробы следует также учитывать, что отрицательные результаты могут быть получены при работе с очень старыми следами крови, ввиду разрушения ферментов крови под действием света, влаги и т. д. или в случае использования перекиси водорода, утратившей по тем или иным причинам свои свойства.

В связи с этим запасы перекиси водорода, имеющиеся в следственном чемодане, следует периодически пополнять свежими растворами, которые можно приобрести в любой аптеке, и об этом должен своевременно заботиться каждый следователь, чтобы не сорвать экспертизу по делу.

А. Выборнова

Ст. научный сотрудник института криминалистики Прокуратуры СССР

КАК Я ВЫПОЛНЯЮ НАКАЗ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

В судебных органах я работаю с июля 1951 года. Я не готовил себя для судебной работы, так как, еще будучи комсомольцем, решил посвятить свою жизнь авиации и в 1941 году окончил авиационную школу. В 1949 году, после демобилизации из Советской Армии, по направлению районного комитета партии я поступил учиться в Кишиневскую юридическую школу, которую окончил в 1951 году. В этом же году я был избран народным судьей 1-го участка Дубоссарского района Молдавской ССР.

Отправляя правосудие, я всегда помню, что я слуга народа, его избранник. Поэтому считаю, что моим гражданским и партийным долгом является постоянная связь с народом. Я систематически отчитываюсь перед избирателями, уделяя особенно большое внимание выполнению их наказа. Свои отчетные доклады я одновременно использую для разъяснения советских законов. Кроме того, не реже одного раза в месяц читаю лекции и доклады по разъяснению советских законов на темы: «О трудовой дисциплине», «Об охране социалистической собственности», «Права и обязанности родителей в Советском государстве», «Закон о сельскохозяйственном налоге» и др.

Народный суд, считая, что частные определения являются одним из серьезных методов борьбы за соблюдение социалистической законности, всегда в случае обнаружения при рассмотрении дел нарушений или недостатков в деятельности советских, кооперативных и хозяйственных организаций реагирует вынесением частного определения. Так, при рассмотрении гражданского дела по иску Дубоссарского винзавода к Огиренко и Чикиной о взыскании 4783 руб. народный суд установил, что существующий порядок транспортировки винноматериалов с завода на железнодорожную станцию не обеспечивал сохранности государственной собственности. В адрес директора винзавода и управляющего трестом «Молдглавино» было вынесено частное определение. После этого управляющий трестом уведомил народный суд, что система отпуски и транспортировки винноматериалов изменена.

По иску Халупа и Гылка о взыскании 1700 руб. в судебном заседании было установлено, что председатель Ракулештского сельского совета Сусленского района Молдавской ССР Платон выдал ответчике незаконную справку. Об этом злоупотреблении служебным положением народ-

ный суд довел до сведения районного комитета партии и районного исполнительного комитета. Впоследствии народный суд был уведомлен, что Платон досрочно отозван с поста председателя сельского совета и на него наложено строгое партийное взыскание.

Я освещаю в печати процессы по наиболее актуальным делам. Систематически провожу обобщение судебной практики по наиболее важным категориям дел.

Выполняя пожелания избирателей, я регулярно провожу занятия с народными заседателями по повышению их юридических знаний. Ввиду разбросанности сел занятия проводятся по двум кустам — в районном центре и в одном из сел. К проведению занятий с народными заседателями привлекаются адвокаты юридической консультации.

Постоянная связь с избирателями обогащает деятельность суда, позволяет ему неустанно совершенствовать работу. Вот уже на протяжении двух с половиной лет народный суд работает без отмены приговоров.

Большое значение я придаю своевременному предъявлению к исполнению судебных решений и приговоров и контролю над их исполнением. Планирую проверку бухгалтерий, в которых находится большое количество исполнительных листов о взыскании алиментов. Всегда имею список исполнительных документов, находящихся на контроле в бухгалтериях учреждений, предприятий и колхозов, и при выездах на места проверяю состояние взысканий. Такой порядок привел к сокращению поступлений жалоб по алиментным делам, — жалобы в настоящее время единичны.

В начале каждого месяца работа судебного исполнителя и канцелярии подвергается сплошной проверке, составляются соответствующие акты. Затем проводятся оперативные совещания со всеми сотрудниками суда по итогам работы народного суда за месяц.

Немалое значение я придаю налаживанию деловых отношений с органами милиции и прокуратуры. В нашем районе практикуется проведение совместных оперативных совещаний с народными судьями, прокурором, следователями. На эти совещания приглашается представитель районного комитета партии. На совещаниях на основе справедливой критики вскрываются недостатки в работе судебных участков, прокуратуры и милиции.

Ведя борьбу за качественное рассмотрение уголовных и гражданских дел, я систематически стараюсь повышать свои юридические и политические знания: в настоящее время обучаюсь на третьем курсе Кишиневского филиала Всесоюзного юридического заочного института, изучаю каждый номер журналов «Судебная практика Верховного суда СССР» и «Социалистическая законность».

Большую помощь в улучшении работы народного суда мне оказывает Министерство юстиции Молдавской ССР в виде конкретных указаний при проверках работы народного суда.

А. Елисеев

Народный судья 1-го участка
Дубоссарского района
Молдавской ССР

20 ЛЕТ НА ПОСТУ НАРОДНОГО СУДЬИ

Двадцать с лишним лет Иван Алексеевич Аверин работает на посту народного судьи Сеченовского района Арзамасской области. Его знают в районе все — и старые и малые. Иван Алексеевич — старый коммунист, с 1921 года состоит в рядах славной Коммунистической партии Советского Союза. Районная партийная организация несколько раз подряд на своих партийных конференциях избирает т. Аверина председателем ревизионной комиссии районного комитета КПСС. Большим авторитетом пользуется т. Аверин среди населения Сеченовского района. Этот авторитет он завоевал хорошей, активной и добросовестной работой на благо нашей великой Родины.

К народному судье т. Аверину жители района идут за советами, разъяснениями и всегда получают исчерпывающий ответ. Тов. Аверин чутко и внимательно принимает посетителей.

Часто т. Аверина можно видеть в клубах колхозов, в районном доме культуры выступающим с докладами на правовые темы. Или он проводит собрание избирателей и рассказывает о работе народного суда.

Тов. Аверин требователен к себе и подчиненным. В народном суде Сеченовского района — образцовый порядок. Секретари народного суда тт. Илюхина и Хрушова, работают в этом же народном суде более десяти лет, и работают очень хорошо. Это тоже результат труда народного судьи

т. Аверина, воспитавшего честных и добросовестных работников суда. Проверивший недавно работу народного суда ревизор управления Министерства юстиции внес предложение о поощрении тт. Илюхиной и Хрушовой.

Тов. Аверин хорошо проводит судебные процессы, с знанием дела и глубоко, всесторонне разбирает любое гражданское и уголовное дело. Для него нет маленьких или незначительных дел, — все дела требуют тщательного разбора, и каждое — посвоему сложное. Поэтому у т. Аверина высокое качество работы. Это достигается не только глубоким и всесторонним разбором дела на судебном заседании, но и тщательной досудебной подготовкой любого уголовного и гражданского дела.

Тов. Аверина уважают народные заседатели. Он систематически проводит работу по ознакомлению их с текущим законодательством, всячески помогает им правильно выполнять функции членов суда при осуществлении правосудия.

Тов. Аверин систематически обобщает практику суда и часто созывает совещания совместно с прокурорскими и следственными работниками, где обсуждаются итоги судебной практики и принимаются меры к устранению имеющихся недостатков в работе.

А. Краснов

ОПРАВДАТЬ ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Большое доверие мне, молодому советскому специалисту, оказали рабочие и служащие г. Беговата Ташкентской области, выдвинув мою кандидатуру на должность народного судьи на выборах в декабре 1951 года.

Доверие избирателей было для меня особенно ценным потому, что в этом народном суде я с 1943 года, т. е. в течение шести лет, избиралась народным заседателем. Принимая участие в осуществлении правосудия, я все больше и больше увлекалась

судебной работой, интересовалась всеми сторонами ее, читала юридическую литературу. И когда передо мной стал вопрос о дальнейшей учебе, — я без колебаний избрала специальность юриста. Избрание меня на должность народного судьи совпало с окончанием мною Ташкентской юридической школы.

Конечно, вначале работать было трудно. Нехватало умения правильно планировать всю работу суда, подготовить дело к слушанию, подобрать соответствующий закон,

четко и правильно сформулировать решение или приговор суда.

Я старалась учиться на всем: читала литературу, изучала судебную практику Верховного суда СССР, изучала причины отмены областным судом приговоров и решений народных судов. Стремилась не повторять в своей работе ошибок этих судов. Только благодаря постоянной учебе и стремлению совершенствовать свои знания я добилась неплохих показателей: за весь период моей работы народным судьей были отменены только один приговор и одно решение.

Из опыта работы я убедилась, что судебные работники, особенно молодые судьи, не должны быть самоуверенными, не должны пренебрегать помощью старших товарищей по работе, не должны забывать о необходимости повышения своей деловой квалификации.

Огромную роль в правильном разрешении дел имеет досудебная подготовка их. Почти по всем сложным делам я провожу тщательную досудебную подготовку, выясняю претензии истца и ответчика, собираю необходимые документы, чтобы не откладывать в дальнейшем слушание дел, а быстро и качественно их рассматривать.

Все наиболее важные дела народный суд рассматривает непосредственно на предприятиях. В клубе цементного завода были рассмотрены шесть дел о хулиганстве, на ГЭС — дело о спекуляции и т. д.

Два раза в месяц я провожу занятия с народными заседателями. Когда чувствую, что не смогу достаточно полно осветить намеченную тему, прошу провести занятия работников областного суда или областной прокуратуры, приезжающих в г. Беговат, памятуя, что от активности участия народных заседателей в процессе и от их знаний во многом зависит правильное рассмотрение дел.

Я ежемесячно отчитываюсь в своей работе перед избирателями, которые помогают вскрывать недостатки, имеющиеся в работе суда. Так, старый рабочий цементного завода Скрипников, избираемый народным заседателем в течение десяти лет, в начале моей работы указывал на несвоевременное открытие судебных заседаний из-за опоздания прокурора или несвоевременной явки с производства народных заседателей, которых руководители предприятий не отпускали в народный суд. После принятых мер судебные заседания открываются точно в назначенное время.

Рассмотрение дел с выездом на места, отчеты перед избирателями, занятия с народными заседателями, вынесение частных определений — все это приводит к снижению преступности в г. Беговате.

Л. Старосельская

Народный судья 1-го участка г. Беговата Ташкентской области

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ НАРОДНОГО СУДА

В социалистическом обществе суд неразрывно связан с народом, осуществляет его волю, стоит на страже советских законов. Советский суд не только карает, но и воспитывают граждан в духе честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

В этом отношении большое значение имеет непосредственное рассмотрение дел на местах. В первом полугодии 1954 года рассмотрен ряд дел непосредственно в колхозах имени Карла Маркса, имени Ильича и др. Заседание суда проводилось, как правило, в нерабочее время, что давало возможность местным гражданам присутствовать в судебных заседаниях. Члены суда в судебных заседаниях стремятся глубоким исследованием раскрыть причины преступлений, что имеет большое воспитательное значение. Мы еще мало учитываем, что суд оказывает огромное влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих в зале суда. В колхозе имени Ильича Завьяловского сельского совета в мае текущего года выездная сессия народного суда рассмотрела дело по обвинению старшего налогового

инспектора Бугурусланского районного финансового отдела Назарова и налогового агента Свинухова в присвоении 11 тыс. руб., собранных с налогоплательщиков. Деньги были присвоены путем подделки вторых экземпляров квитанций и выписки их на имя вымышленных лиц. Детальным исследованием дела было установлено, что проводимые руководящими работниками ревизии были поверхностны, формальны, а часть ревизоров занималась выпивкой с подсудимым Свинуховым.

Рассматривая это дело, суд привлек внимание населения не только села Завьяловки, но и окрестных деревень к борьбе с расхищением государственных средств. Судебное заседание сыграло большую воспитательную роль. Суд довел до сведения районного комитета партии, районного исполнительного комитета и областного финансового отдела о вскрытых недостатках при проведении ревизий.

Большое значение имеют отчеты народных судей перед избирателями. В первом полугодии было проведено двенадцать отчетных докладов в колхозах, совхозе и МТС. По докладам народного судьи выступали колхозники, рабочие, служащие, ко-

торые внесли много ценных предложений по улучшению работы народного суда. На собраниях были прочитаны лекции.

В районе резко сократилась преступность. Повысилось качество работы народного суда: в первом полугодии областным судом был отменен лишь один приговор, а по гражданским делам отмены решений не было. Народный суд нашего района, руко-

водствуясь постановлениями XIX съезда партии, сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС и учитывая критические замечания избирателей, будет и впредь широко проводить свою массово-политическую работу.

В. Арсеньев

Народный судья Бугурусланского района Чкаловской области

НАРОДНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ

Александр Иванович Симоненко, по специальности инженер, никогда не сталкивался с работой народного суда. Но в 1948 году его избрали народным заседателем по народному суду 4-го участка Ленинского района г. Казани.

Тов. Симоненко почувствовал большую ответственность перед своими избирателями за оказанное доверие. Он стал интересоваться работой суда, знакомиться с юридической литературой, изучать законодательство. Он старается оправдать доверие избирателей хорошей работой при отправлении социалистического правосудия. После работы можно часто застать т. Симоненко в участке народного суда.

Когда т. Симоненко привлекался для выполнения судейских обязанностей, он очень тщательно старался изучать дела и отыскивать нужные законы, чем всегда оказывал большую помощь составу суда в объективном рассмотрении разбираемых дел.

Особенно следует отметить работу т. Си-

моненко, когда он три месяца замещал меня: ни одного приговора народного суда, вынесенного под председательством т. Симоненко, не было отменено вышестоящим судом, и лишь два решения были отменены по таким делам, с какими в практике он никогда не встречался. Проведенной ревизией Министерства юстиции Татарской АССР работа т. Симоненко отмечена с положительной стороны.

Тов. Симоненко не останавливается на достигнутом, еще глубже изучает советские законы и в 1953/54 учебном году поступил в Казанский филиал ВЮЗИ.

Необходимо, чтобы народные судьи тщательно подбирали из числа народных заседателей самых грамотных и способных организовать работу суда.

Полянов

Народный судья 4-го участка Ленинского района г. Казани

СЛУГА НАРОДА

В августе 1950 года, по окончании Таллинской юридической школы, Юганнес Хугович Оттер впервые был избран народным судьей 1-го участка Килинги-Ныммесского района.

С самых первых дней своей работы т. Оттер организовал деятельность народного суда по плану.

Планируя работу, т. Оттер не отрывает ее от жизни района. Назначение дел к слушанию производит с таким расчетом, чтобы трудящиеся могли потратить столько времени, сколько необходимо для рассмотрения дела. По тем делам, которые имеют более актуальное значение или по которым вызывается в судебные заседания много свидетелей, т. Оттер организует выездные сессии (в 1953 году он провел 17 выездных сессий). Он лично следит за своевременностью вручения сторонам судебных повесток по всем делам, что исключает возможность срывов судебных заседаний и обеспечивает решение дел в установленные

законом сроки (90% уголовных и 87% гражданских дел народным судом 1-го участка Килинги-Ныммесского района рассмотрено в десятидневный срок).

Учитывая, что качество рассмотрения дел во многом зависит от активности в процессе народных заседателей, т. Оттер уделяет большое внимание работе с ними, систематически знакомит их с текущим законодательством и судебной практикой.

Строгое соблюдение норм процессуального и материального права, тщательная досудебная подготовка дел, систематическое ознакомление народных заседателей с каждым делом, подлежащим рассмотрению, обеспечили устойчивость приговоров и решений.

Тов. Оттер тщательно изучает законодательство и материалы судебной практики. Особенно критически он изучает ошибки, на которые указывалось в определениях Верховного суда Эстонской ССР.

Тов. Оттер неуклонно выполняет требования ст. 29 Закона о судостроительстве — систематически отчитывается перед избирателями о работе народного суда. Тщательно готовясь к проведению отчетных докладов, он показывает принципы работы советского суда, — как суд осуществляет борьбу с преступностью, как охраняет интересы государства и граждан, одновременно раскрывая отличие работы советского суда от буржуазного.

Тов. Оттер освещает работу народного суда в районной печати (в 1953 году написал десять статей на правовые темы).

В целях предупреждения преступлений, нарушений законов, а также вскрытия и искоренения недостатков в своей работе т. Оттер систематически обобщает судебную практику. На недостатки в работе организаций, учреждений и колхозов, вскрытые при рассмотрении отдельных уголовных и гражданских дел, т. Оттер реагирует путем вынесения частных определений и в дальнейшем осуществляет контроль над их исполнением.

Тов. Оттер систематически проводит производственные совещания с аппаратом народного суда, на которых обсуждает пути дальнейшего улучшения работы. Он добился хорошей и четкой постановки делопро-

изводства народного суда, а также своевременного исполнения приговоров и решений.

Кроме основной работы, т. Оттер проводит большую общественную работу. Он — член районного комитета партии, председатель профессионального союза работников государственных учреждений Килинги-Нымеского района, руководитель кружка по изучению истории Коммунистической партии, действительный член общества по распространению политических и научных знаний.

Коллегия Министерства юстиции Эстонской ССР, заслушав итоги ревизии народного суда 1-го участка Килинги-Нымеского района, отметив положительные результаты в его работе, решила распространить опыт работы народного судьи т. Оттера среди народных судей Эстонской ССР.

Приказом Министерства юстиции Эстонской ССР работникам народного суда 1-го участка Килинги-Нымеского района за добросовестное отношение к исполнению своих обязанностей объявлена благодарность.

С. Бобылев

Ст. ревизор Министерства юстиции Эстонской ССР

СУДЬЯ-ОБЩЕСТВЕННИК

Народный судья 2-го участка Сердобского района Пензенской области Семен Петрович Никишов, имея высшее юридическое образование и большой стаж юридической работы, систематически ведет большую работу по распространению политических и научных знаний, по пропаганде советского законодательства. За год им прочитано для трудящихся города и района свыше 60 различных лекций, в том числе 55 лекций на юридические темы, более 30 лекций прочитано для тружеников колхозного села. Тематика лекций разнообразна.

В первую очередь в лекциях преследуется цель предупреждения преступлений, своевременного ознакомления трудящихся с их законными правами и обязанностями, с задачами по охране социалистической собственности, по борьбе за укрепление трудовой и колхозной дисциплины, ознакомление с советским законодательством о браке и семье и др. Лекции т. Никишова яркие и образны, иллюстрируются примерами из судебной практики, материалами из художественной и юридической литературы и поэтому хорошо воспринимаются слушателями. Тов. Никишов для популяризации советского законодательства использует также

местную печать (за год опубликовал 13 статей и заметок, состоит в литературной группе редакции газеты «Колхозная стройка»).

Тов. Никишов систематически отчитывается в своей работе перед избирателями, внимательно прислушивается к их пожеланиям. В результате выполнения наказа избирателей и вдумчивого рассмотрения в суде дел он добился неплохих результатов.

Тов. Никишов уделяет большое внимание повышению деловой квалификации всего аппарата народного суда. Он регулярно проводит с народными заседателями семинары по изучению материального и процессуального законодательства. Тов. Никишов — председатель Сердобского отделения общества по распространению политических и научных знаний. По его инициативе в городе организован лекторий общества, где систематически читаются лекции, ведется пропаганда важнейших решений и постановлений партии и правительства.

Ю. Королев

Заведующий отделом писем редакции газеты «Колхозная стройка»

Новый формат исполнительного листа, вышедший в свет в 1953 году, как видно, «изобретен» с той целью, чтобы в нем точно учитывались периодические платежи по делам о взыскании средств на содержание детей, на нуждающихся нетрудоспособных родителей и по другим делам, по которым производится взыскание путем вычета из заработной платы за длительный период.

Однако для народных судей практика, а для вышестоящих органов юстиции статистические данные показывают, что дела, рассматриваемые в народных судах, по которым производятся указанные взыскания по исполнительным листам, составляют около 20%, а 80% составляют дела по искам о взыскании штрафа за безбилетный проезд, нарушение положения о паспортах, нарушение правил уличного движения и т. п., т. е. дела, по которым взыскиваются незначительные суммы, а также мелкие суммы госпошлины. И вот в восьмидесяти случаях из ста народным судом выписываются исполнительные листы на четырех страницах о взыскании мелких сумм, которые взыскиваются одновременно путем вычета из заработной платы или вносятся ответчиками без извещения об этом суда.

Практика подсказывает необходимость прекратить беспечную трату бумаги. Можно изготовлять два формата исполнительного листа: один для исполнения по взысканию периодических платежей (алименты и пр.), оставив ныне находящийся в действии образец на четырех страницах, и второй — на одной четверти листа — для взыскания разовых мелких платежей, изложив все реквизиты мелким шрифтом. Высказанная об этом мысль на совещании народных судей Сталинграда единодушно поддержана и одобрена всеми его участниками.

Набабкин

Народный судья 1-го участка
Красноармейского района
Сталинграда

В 1949 году Апанасенковский районный отдел коммунального хозяйства продал дома Фисунову Ф. и Евус К. Договоры были заверены в сельском совете, и деньги за дома поступили в кассу районного отдела коммунального хозяйства, но не были сданы в бюджет своевременно.

В июне 1953 года прокурор Апанасенковского района предъявил в народном суде 2-го участка иски о расторжении этих договоров, считая их противозаконными.

Народный суд при рассмотрении дел установил, что оба проданные дома имели большой износ и находились в разрушенном состоянии. После покупки ответчики

произвели капитальный ремонт домов, и они стали значительно дороже. Суд отказал в иске о расторжении договоров, предложив сторонам оформить последние в нотариальном порядке.

На решение народного суда прокурор района принес протест. Судебная коллегия Ставропольского краевого суда отменила решение народного суда по мотивам, что договоры в нарушение ст. 185 ГК РСФСР не были нотариально удостоверены и что ответчики не внесли деньги в кассу районного отдела коммунального хозяйства, а они были удержаны с их заработной платы. Краевой суд рекомендовал при рассмотрении дел руководствоваться ст. 30 ГК РСФСР.

Дела вновь были рассмотрены по существу, причем представитель отдела коммунального хозяйства утверждал, что процент износа домов был установлен правильно и что деньги поступили в кассу отдела коммунального хозяйства. Свидетели тоже подтвердили, что продажная стоимость домов была определена правильно. Народный суд снова отказал в иске.

На это решение прокуратура края принесла протест, указывая на нарушение судом ст. ст. 30 и 185 ГК РСФСР. Судебная коллегия краевого суда вновь отменила решение народного суда и приняла дело к своему производству.

Краевой суд, руководствуясь ст. ст. 29, 30 и 185 ГК, удовлетворил иски прокурора, расторгнув договоры на продажу двух указанных домов, и предоставил право ответчикам предъявить иски к отделу коммунального хозяйства о взыскании стоимости домов.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР отменила решение краевого суда, передав дело на новое рассмотрение, указав, что нарушение ст. 185 ГК не имело места, так как согласно п. 23 положения о государственном нотариате РСФСР купля-продажа строений в сельской местности может быть удостоверена в нотариальном порядке только по соглашению сторон. Далее Верховный суд РСФСР указал, что суд неправильно записал в решениях, что ответчики не уплатили деньги за купленные дома, поскольку факт уплаты денег полностью установлен.

20 марта 1954 г. краевой суд отказал в иске прокурору, и решения по обоим делам вступили в законную силу.

Таким образом, начатая 1 июля 1953 г. прокурором Апанасенковского района и поддержанная краевой прокуратурой и краевым судом волокита закончена. В вынесении неправильных определений и решений повинны члены Ставропольского краевого суда гг. Бобренко, Панова, Качалкина, Шуранова, Черниговская и Ти-

шина, которые обнаружили незнание законов. Из-за ошибок допущенных членами краевого суда, отменены четыре правильных решения народного суда. Ответчики и свидетели отрывались от работы, расходовались средства на две выездные сессии в Апанасенковский район.

Г. Скворцов

Ревизор Управления юстиции
по Ставропольскому краю

10 декабря 1953 г. Халикова Т. обратилась в народный суд г. Сортавала с иском о взыскании алиментов с Халикова Р., проживающего в г. Черемхово Иркутской области. 11 декабря народный суд г. Сортавала вынес определение в порядке ст. 50 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР о взыскании с ответчика 350 руб. до окончательного рассмотрения дела. 16 декабря исполнительный лист был направлен в управление юстиции по Иркутской области.

С этого момента началась волокита вследствие бездушия лиц, к которым попал исполнительный лист. Управление юстиции по Иркутской области не сообщило нам, куда оно направило исполнительный лист. Это мы узнали от истицы, которая пришла в конце января с жалобой на то, что народный суд 4-го участка г. Черемхово не принимает мер ко взысканию с ответчика алиментов, хотя исполнительный лист ими получен в декабре.

Народный суд г. Сортавала направил в народный суд 4-го участка г. Черемхово запрос, почему ими не принимаются меры ко взысканию алиментов. Ответа не получили.

Халикова снова пришла с жалобой в народный суд. Мы снова написали письмо в управление юстиции по Иркутской области и в копии народному суду 4-го участка г. Черемхово. Ответа не получили ни от управления юстиции, ни от народного суда. В апреле Халикова вновь обратилась в народный суд с жалобой. Народный суд написал еще одно письмо в те же адреса, но ответа и на этот раз не было.

Наконец, 3 мая 1954 г. истица предъявила в народный суд г. Сортавала копию письма народного суда 4-го участка г. Черемхово лаконичного содержания, без объяснения причин столь длительного неприятия с их стороны мер ко взысканию алиментов.

Такая работа народного суда 4-го участка г. Черемхово объясняется и плохой работой некоторых работников управления юстиции по Иркутской области, которые не удосужились ответить ни на один наш запрос, хотя содержание наших писем требовало принятия с их стороны надлежащих мер.

Н. Скачкова

Народный судья г. Сортавала
Карело-Финской ССР

Очень часто прокуроры и члены вышестоящих судов подчеркивают все интересующие их в протоколе судебного заседания моменты различными карандашами, ставят различные условные знаки, пометки и т. д. По некоторым делам такие чересчур «активные» работники так исчеркивают протокол, что он становится уже почти, а иногда и совсем непригодным для дальнейшего чтения. А между тем: могут же товарищи, изучающие дело, делать для себя необходимые выписки? Конечно, могут, но, видимо, делать этого не хотят.

Необходимо запретить работникам прокуратор и членам вышестоящих судов делать какие-либо пометки в протоколах судебных заседаний. Протокол не должен терять свой внешний вид и должен одинаково служить всем инстанциям, рассматривающим дело.

В. Ходеев

Секретарь Воронежского транспортного суда

Работая народным судьей шестой год, я много читал приговоров и решений судов. Резолютивная часть их пишется судьями по-разному, — как кто умеет. В старом «Справочнике народного судьи» имеются некоторые образцы судебных документов, которыми мне приходилось руководствоваться.

Желательно, чтобы был издан сборник образцов судебных документов, в котором были бы не только образцы решений и приговоров судов, но также и определения подготовительных и судебных заседаний и другие процессуальные документы, встречающиеся в работе суда.

М. Кравченко

Народный судья Иваницкого
района Черниговской области

Я работаю в органах прокуратуры 17 лет, и все время в сельских районах. Четвертый год работаю прокурором Ростовского района Ярославской области. В районе имеется около сорока колхозов, несколько заводов и МТС. Прокуратура СССР выделила автомашины прокуратурам небольших городов, в том числе легковая автомашина дана и прокуратуре г. Ростова без учета ее надобностей в том городе, а в прокуратуре сельского района, где машина более необходима, ее нет. Показатели в работе нашей прокуратуры за последние годы неплохие, но можно добиться лучших результатов, если бы прокуратуре была выделена автомашина.

Новиков

Прокурор Ростовского района
Ярославской области

В отчете о научной сессии ВИЮН, опубликованном в журнале «Социалистическая законность» № 7 за 1953 год, вторая часть моего выступления (стр. 63) изложена ошибочно. По отчету получается, что я считаю неправильной точку зрения проф. С. Н. Братуся, полагающего, что необходимо признать правосубъектность за всеми организациями, обладающими необходимыми экономическими данными, независимо от того, говорится ли об этом прямо в законе или нет.

В действительности же я разделяю точку зрения С. Н. Братуся и считаю ее единственно правильной. Я считаю не имеющим никакого практического значения то обстоятельство, именуется ли организация юридическим лицом или такое наименование ей нигде не присвоено.

Однако предложение именовать все организации, обладающие способностью быть субъектами гражданского права, «юридическими лицами», вызывает у меня сомнение, потому что в некоторых случаях мы будем иметь дело с такими организациями, к которым наименование это вряд ли применимо, хотя они и являются, несомненно, субъектами гражданских прав (партийные, комсомольские организации).

В. Тархов

кандидат юридических наук

В журнале «Социалистическая законность» подняты вопросы, которые не могут не волновать каждого студента-юриста.

Еще в стенах вуза мы ощущаем недостатки постановки юридического образования, а наши старшие товарищи, недавно окончившие университет, прямо говорят, что им пришлось учиться заново.

Наше образование далеко не всегда соответствует запросам жизни, оторвано от практики. Некоторые вопросы, знание которых юристу необходимо, вообще упускаются из программы, либо изучаются очень поверхностно.

В первые же дни производственной практики в органах прокуратуры сразу обнару-

жился ряд пробелов в наших знаниях. Один из них — почти полное отсутствие представления о работе прокурора по надзору за законностью. Правда, в курсах советского судостроительства и советского административного права мы слышали об этом участке работы прокурора, но там надзор прокуратуры изучается лишь постольку, поскольку касается этих дисциплин. А организация и методы общего надзора и надзора за милицией почти неизвестны нам, в то же время даже краткое пребывание на практике убедило нас, что этот большой и по объему и по значению участок работы прокурора должен знать каждый юрист.

В учебных программах уделяется мало времени практическим занятиям по гражданскому и уголовному процессам, по криминалистике. Неудивительно, что студент IV курса зачастую не может написать простого процессуального документа.

Очень мало узнаем мы о нотариате. Почти совсем не уделяется внимания изучению судебного ораторского искусства. А такую дисциплину необходимо было бы ввести как обязательную, так как еще часто приходится слышать в судебных заседаниях плохие, а подчас и неграмотные речи и адвокатов и прокуроров. Для этого надо со студенческой скамьи прививать студенту-юристу стремление к воспитанию навыков судебного оратора.

Совершенно не оправдано то, что специализироваться мы начинаем только на четвертом курсе. И уж совсем непонятно, почему при распределении на работу не учитывается специализация студента.

Есть еще много недостатков, все они нетерпимы. Мы пришли в вуз, чтобы стать действительно высококвалифицированными специалистами, знатоками своего дела. Мы хотим, окончив вуз, во всеоружии занять свое место в рядах строителей коммунизма и требуем, чтобы недостатки в юридическом образовании были изжиты.

В. Демиденко

Студент V курса юридического факультета Одесского гос. университета им. И. И. Мечникова

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 5 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья тт. Яковлева и Баранова «Против формально-бюрократического отношения к разрешению жалоб».

Прокуратура Украинской ССР сообщила в редакцию, что факты, изложенные в статье, признаны в основном правильными. Тов. Алексеенко и прокурору уголовно-судебного отдела т. Горилловскому, допустившим бюрократическое разрешение жалоб, сделаны соответствующие указания, и т. Алексеенко предложено устранить подобные факты.

Прокуратура Эстонской ССР сообщила в редакцию, что следователь т. Квась в некоторых случаях при проверке порученных ему жалоб самостоятельно, не имея на то указаний, практиковал посылку ответов за своей подписью. Этот недостаток после выявления был устранен.

Прокуратура Киргизской ССР сообщила в редакцию, что статья обсуждена на оперативном совещании при прокуроре республики. Отмеченные в статье недостатки в работе с жалобами действительно имели место. Для устранения выявленных недостатков и недопущения их в дальнейшем приняты необходимые меры. В частности, намечено периодически обсуждать на производственных совещаниях и на оперативном совещании при прокуроре республики вопросы о рассмотрении жалоб в отделах прокуратуры республики. Начальники отделов усилили личный контроль над правильностью и своевременностью разрешения жалоб, проверена работа по жалобам в Иссык-Кульской, Онской и Тянь-Шаньской областных прокуратурах, в центральном аппарате прокуратуры республики.

Прокуратура Восточно-Казахстанской области сообщила в редакцию, что приняты меры по устранению имеющихся недостатков в работе по жалобам. На начальника отдела по надзору за органами милиции т. Сорокина и начальника следственного отдела т. Черенко за нарушения были наложены дисциплинарные взыскания. Работа по жалобам значительно улучшена.

Прокуратура Армянской ССР сообщила в редакцию, что дано указание начальникам оперативных отделов о принятии мер к устранению отмеченных в статье недостатков, имеющихся в работе по рассмотрению жалоб.

В № 5 журнала была опубликована корреспонденция т. Пучнина «Формальное отношение к исполнению отдельных требований».

Прокуратура Свердловской области сообщила в редакцию, что начальник следственного отдела областной прокуратуры т. Лукин и прокурор отдела т. Иванов, которому было непосредственно поручено проследить за исполнением отдельного требования, видя неисполнительность прокурора т. Трифонова, не информировали об этом Прокуратуру СССР, следовательно, отнеслись к этому формально. Тт. Лукину и Иванову лично указано на допущенный ими формализм в исполнении отдельного требования прокуратуры Покрово-Марфинского района.

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что в статье правильно отмечены недостатки в работе отдельных прокуратур при исполнении поручений в порядке ст. 126 УПК. Журнал «Социалистическая законность» является для прокурорских и следственных работников настольным пособием, и дублировать указания о недостатках, о которых речь идет в статье, путем направления писем на периферию, нет необходимости. Прокурорам Колпинского района Ленинграда, Свердловского района Москвы, Ленинского района г. Тамбова и Альметьевского района Татарской АССР даны соответствующие указания.

В № 5 журнала была напечатана статья т. Панарина «Нужды нотариальных контор».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что помещение, занимаемое 1-й Московской нотариальной конторой, состоит из пяти комнат и обеспечивает нормальную работу. Помещение 34-й нотариальной конторы, где работает т. Панарин, недостаточно удобно для работы (полуподвальное, неудобный вход), но оно состоит из двух комнат и коридора, где граждане имеют возможность ожидать приема: в настоящее время оно отремонтировано и приведено в надлежащий вид (до предоставления другого помещения в этом помещении работать можно). Вопрос о расширении прав нотариусов районных нотариальных контор Министерством юстиции СССР решается положительно. Поднятый в статье вопрос о передаче в подсудность судебных органов дел о признании лиц безвестно отсутствующими и умершими будет учтен при разработке проекта Гражданского кодекса СССР. Что касается замечания о недостаточном снабжении 1-й Московской нотариальной конторы фотобумагой, то оно является неправильным, — нотариальная контора получает ее в достаточном количестве, обеспечивающем бесперебойную работу фотоаппарата. Предложение т. Пана-

рина об
нотариал
ния, оди
дать не
нами уд
альные
печены.
дении
нотариал
мым. Г
заработ

В №
ция т. I
рядке с
Прок
цию, ч
письмо
автоном
нии ра
рядке с
области
предъяв
тех про
нается
го, Не

В №
т. Нап
народи
Мин
сообщ
мероп
ных с
нию с
низов
письм
Мини
личес

Е М

ги со-
след-
атуры
в, ко-
про-
ребо-
узора
этом
тнес-
ну и
ими
ебо-
ского
дак-
не-
атур
126
кон-
лед-
ем,
ках,
на-
об-
она
вы,
ев-
от-

ья
»,
ло
ое
о-
р-
н-
н,
т-
т
е
-
-
и
а
с
-
-
:

рина обеспечить фотоаппаратами и другие нотариальные конторы заслуживает внимания, однако в настоящее время это сделать не представляется возможным. Штампам удостоверяющих надписей нотариальные конторы, в том числе и 34-я, обеспечены. Предложение г. Панарина о введении автоматических штампов в работе нотариальных контор является неприемлемым. Получение нотариусами г. Москвы заработной платы упорядочено.

В № 5 была опубликована корреспонденция т. Ширшикова «Иски прокуроров в порядке ст. 2 ГПК РСФСР».

Прокуратура РСФСР сообщила в редакцию, что ею разослано информационное письмо всем прокурорам областей, краев и автономных республик РСФСР об улучшении работы по предъявлению исков в порядке ст. 2 ГПК. Прокурору Владимирской области поручено проверить работу по предъявлению исков в порядке ст. 2 ГПК тех прокуроров районов, о которых упоминается в корреспонденции Юрьев-Польского, Небыловского и Селивановского районов.

В № 5 журнала была напечатана статья т. Нацibuлина «Повысить качество работы народных судов».

Министерство юстиции Татарской АССР сообщило в редакцию, что проведен ряд мероприятий по улучшению работы народных судов республики, а также по улучшению стиля и методов руководства работой низовых органов юстиции. Сокращение письменной отчетности, представляемой в Министерство юстиции СССР и РСФСР, количества директив и писем, рассылаемых

народным судам, составлением которых был занят ряд оперативных работников, дали возможность усилить ревизионную работу и оказание помощи народным судам на местах. Количество ревизий в первой половине 1954 года значительно увеличилось. В проведении ревизий принимают активное участие почти все оперативные работники, тогда как ранее эта работа проводилась только ревизорами. Усиление ревизионной работы позволило чаще бывать в районах, лично убеждаться в положении дел на местах и оказывать практическую помощь народным судьям и другим работникам суда и нотариальных контор. Были проведены кустовые совещания народных судей, на которых обсуждались вопросы об улучшении работы как министерства юстиции, так и народных судов и нотариальных контор. В результате проводимых мероприятий по усилению оперативного руководства и контроля имеется улучшение основных показателей работы народных судов республики.

В № 4 была опубликована статья т. Якименко «Дела о расторжении брака в практике судов Украинской ССР».

Управление юстиции по Черниговской области сообщило в редакцию, что Черниговским областным судом была изучена судебная практика по делам о расторжении брака, результаты обобщения обсуждены на оперативном совещании.

Управление юстиции по Кировоградской области сообщило в редакцию, что случай неосновательного вынесения Кировоградским областным судом решения о разделе имущества по делу о расторжении брака между супругами Е., о котором идет речь в статье, единичный. Статья обсуждена на оперативном совещании членов областного суда.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА¹

Широкое применение советского гражданско-правового договора в регулировании имущественных отношений объясняет тот интерес, с которым относятся советские юристы к разработке теоретических проблем договора. Гражданско-правовой договор находит широкое применение в регулировании имущественных отношений между гражданами и отношений граждан с социалистическими организациями. Постановлениями правительства установлена обязательность заключения хозяйственных договоров между социалистическими организациями на поставку продукции, производство работ, оказание услуг. Мероприятия партии и правительства по расширению производства в стране продовольственных и промышленных товаров и улучшению их качества, по развертыванию товарооборота, а также повышение самостоятельности и инициативы мест обуславливают дальнейший рост значения договорного метода в регулировании социалистических имущественных отношений.

Изданная в 1954 году книга кандидата юридических наук Р. Халфиной «Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве» полезна тем, что содержит систематическое исследование общих вопросов теории договора и учитывает новые материалы.

В книге Р. Халфиной рассматриваются цели договора, значение договора в регулировании различных имущественных отношений, выражение воли сторон в договоре, дано новое развернутое определение советского гражданско-правового договора. Автор уделяет большое внимание исследованию актов советского государственного управления, их соотношения с договорами и их классификации. Рассматриваются и другие вопросы. При этом автором высказано много интересных и ценных соображений, сделаны убедительные выводы.

Является безусловно правильной основная позиция автора — обоснование им обязательности наиболее широкого применения договоров. Определяя значение советского гражданско-правового договора как правовой формы распределения и обмена товаров и услуг (стр. 6), автор подчеркивает важность договора в связи с развитием социа-

листической торговли и борьбой за наиболее полное удовлетворение запросов советских граждан (стр. 35 и сл.), обосновывает необходимость договора в отношениях между гражданами (стр. 45), делает вывод о большом значении договорной формы в регулировании отношений между социалистическими организациями (стр. 8, 9 и сл.). Автор подверг обстоятельной и убедительной критике взгляды проф. Н. Александрова, преуменьшавшего значение договора.

Будучи в общем полезным дополнением советской юридической литературы, рассматриваемая книга не лишена существенных недостатков.

Прежде всего — о структуре книги и круге рассматриваемых в ней проблем. Автор не сумел достаточно четко определить границы своей темы. Автор, рассматривая такие самостоятельные проблемы, как проблеме юридического лица, чрезмерно много места уделяет изучению представительства, пытается исследовать ст.ст. 29, 33 ГК и последствия их применения и т. д. Для глубокого исследования таких проблем автору нехватило места, его рассуждения часто оказываются поверхностными. В то же время автор упустил некоторые важнейшие для практики вопросы темы либо осветил их недостаточно. Так, при рассмотрении значения хозяйственных договоров (гл. 1, § 1) осталась нераскрытой и даже не была отмечена автором роль договора как средства доведения плановых заданий до исполнителей. Между тем именно в этом заключается одна из основных функций хозяйственных договоров, и без ее анализа невозможно понять, в частности, юридическую природу генерального договора. Касаясь такой функции договора, как проверка планирования, автор говорит о ней крайне мало. Влияние договора на планирование автор усматривает в том, что договорами уточняются показатели планов по ассортименту, видам продукции и что договор «помогает детализировать и конкретизировать планы» (стр. 23, см. также стр. 163), т. е. у автора оказывается, что функции контроля над планированием — это то же самое, что функция договора по конкретизации плановых заданий.

Отдельные упущения или необоснованные сокращения есть и в других разделах книги. Слишком краток для общетеоретической работы и весьма неглубок исторический обзор (стр. 14—18). Автор лишь затрагивает, но не раскрывает и не разре-

¹ Р. О. Халфина, Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве, Академия наук СССР, Институт права, Изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 238.

шает чрезвычайно важную для практики и теории права проблему общего и специального регулирования договорных отношений. В книге только указывается, что «помимо общих норм гражданских кодексов, регулирующих договорные отношения, лица, вступающие в договор, в большинстве случаев обязаны соблюдать и ряд специальных норм или индивидуальных актов, направленных на регулирование той или иной группы договоров, либо того или иного конкретного договорного отношения» (стр. 77). Этого, конечно, мало. Известно, что в последние годы особенно широкое распространение получила практика специального регулирования отдельных небольших групп договорных отношений (например, установление ответственности за нарушение качества, комплектности и ассортимента продукции и т. д.). Эта практика в ряде случаев оправдана наличием специфики в каждой группе отношений. Однако специальное регулирование не должно исключать общих норм, так как более общие правовые нормы успешнее popularизируются, их исполнение легче контролировать, они имеют большее воспитательное значение и оказываются в конечном счете более действенными. Автор рассматриваемой книги имел возможность и должен был осветить эту проблему, вскрыть имеющиеся недостатки в развитии нормативного регулирования договорных отношений и внести свои предложения о будущем законодательстве. Правда, автор вносит предложение об унификации основных условий поставки (стр. 92), но это предложение носит частный характер, относится к одному из видов нормативных актов, регулирующих договоры поставки, и не вытекает из надлежащих обобщений, к которым обязывало автора наименование его работы.

Другим существенным недостатком работы Р. Халфиной надо признать неглубокий анализ экономических основ отдельных исследуемых правовых явлений.

Так, значение гражданско-правового договора исследуется односторонне, исходя лишь из его обратного воздействия на экономику. При этом упускается экономическая обусловленность самого договорного метода, его экономическая возможность и необходимость (см. стр. 6—8). Такое упущение не могло не повлечь за собой ошибки при решении конкретных вопросов.

Прежде всего, такую ошибку автор допустил при оценке действительной роли договора и недоговорных отношений в области распределения. «Практика бездоговорных поставок в настоящее время отвергнута», — пишет автор (стр. 111). Недоговорные отношения по распределению продукции связываются им лишь с обстоятельствами военного времени: «Введение бездоговорных поставок, — утверждает автор, — было связано с обстоятельствами военного времени и представляло собой особую меру,

принятую на время войны» (стр. 17—18). Однако эти утверждения не соответствуют хозяйственной практике. Например, бездоговорные поставки автомашин были установлены законом еще с 1935 года. Наконец, бездоговорные поставки существуют и в настоящее время (например, при поставках товаров для экспорта). Ясно, что автор, не разобравшись в действительной экономической обусловленности договора, пытается упростить и обойти сложный и важный для практики вопрос. Между тем автор имел возможность вскрыть действительные хозяйственные, экономические и политические основы применения договорного метода и других, недоговорных форм распределения продукции. И если бы автор рассмотрел названную проблему, его высказывания в пользу самого широкого применения договора получили бы большую конкретность. В частности, автор смог бы поставить вопрос о ликвидации чрезмерной централизации снабжения и сбыта там, где такая централизация не является необходимостью, с тем, чтобы дать простор применению договора.

Недостаточное изучение вопросов экономики привело автора и к поверхностному решению другой важной проблемы — структуры договорных связей. Книга содержит лишь весьма общую рекомендацию: о необходимости учитывать «специфические условия снабжения и сбыта продукции» и осуществлять «максимальное приближение договорных связей к реальному движению продукции» (стр. 99). Но по существу проблема структуры договорных связей, не исследованная глубоко в нашей литературе и, несомненно, относящаяся к теме рассматриваемой книги, осталась нераскрытой.

Отсутствие глубокого проникновения в экономическую сущность рассматриваемых правовых явлений сказалось и при анализе автором характера актов управления, порождающих гражданско-правовые последствия. Автор на стр. 131 пишет, что было бы неверно ограничивать область гражданского права лишь сферой обращения. Однако он утверждает, что гражданско-правовые последствия могут порождать только те административные акты, которые «регулируют отношения в сфере экономического оборота» (стр. 135, также стр. 138). Что конкретно автор имеет здесь в виду под «экономическим оборотом» и почему в части других гражданских правовых отношений административные акты исключены из оснований их возникновения, — не разъяснено. Автор преуменьшает значение актов управления для гражданско-правовых отношений, когда утверждает, что «в подавляющем большинстве случаев административный акт, регулируя гражданско-правовые отношения, воздействует на поведение участников именно через посредство договора» (стр. 107). Административные акты непосредственно воздействуют на поведение лиц, не требуя иных юридических

фактов, — дело лишь в том, к каким действиям они обязывают: заключить ли договор, передать ли имущество или к иным.

Существенным недостатком рассматриваемой работы в целом является слабая увязка ряда теоретических выводов с вопросами практической работы, недостаточное внимание автора к потребностям практики. Практика хозяйственных органов, органов суда и арбитража не стала в книге предметом исследования и служит главным образом иллюстративным материалом для III и IV глав. Например, на стр. 50—51 автор пишет о цели договора и вновь возвращается к этому вопросу на стр. 115—120.

Остается неясным и практическое значение ряда высказываний автора, относящихся к юридическим лицам как участникам договоров (стр. 56). Автор предлагает следующий вывод: «Только органы, т. е. ответственные руководители, выражают в гражданско-правовых отношениях волю государственных юридических лиц» (стр. 59). Вывод, предложенный Р. Халфиной, требовал практического обоснования, так как отнюдь не бесспорно, что органами юридических лиц являются только их ответственные руководители (ведь есть у юридического лица такие органы, как отделы, управления и др.); совсем не бесспорен и тот вывод, что только воля ответственного руководителя выражает волю государственного органа в гражданско-правовых отношениях. Даже совершение сделок может быть прямо возложено Уставом на иных лиц, помимо ответственного руководителя государственного органа (см., например, пп. 32, 35, 38, 40, 42, 44 Устава государственных трудовых сберегательных касс СССР)¹. Однако необходимого практического обоснования сделанного вывода в книге нет.

В отдельных случаях отказ автора от рассмотрения актуальных проблем практики приводит к явному упрощенчеству. Так, поставив сложный вопрос о причинах возникающих споров между государственными органами, вступающими в сделку, автор разрешает этот вопрос весьма просто: «такое противоречие только кажущееся. В действительности, как бы ни разнились между собой волеизъявления юридических лиц — государственных социалистических организаций, — все они в конечном счете выражают волю государства» (стр. 62). Даже такое вполне реальное противоречие, как преддоговорный спор, по мнению автора, «не может быть действительным, оно может быть только мнимым» (стр. 63). Объявляя противоречия отдельных государственных органов «мнимыми», автор пошел по самому легкому для себя пути, но ничем не помог практике суда и арбитража, которым повседневно приходится встречаться с та-

кими спорами — с подлинными, а вовсе не кажущимися.

Не ясен практический смысл и некоторых дальнейших рассуждений автора о воле юридического лица. «Воля юридического лица, — пишет автор, — является его подлинной волей только в том случае, если она направлена на достижение поставленных перед этим юридическим лицом целей» (стр. 79—80). Но ведь с этой точки зрения ответственность юридического лица по ст.ст. 30 и 147 ГК была бы немислима, немислимы вообще никакие виновные действия юридического лица, а следовательно, и его ответственность за неисполнение обязательств, причинение вреда и т. д. Социалистическая организация, как утверждает далее автор, «не может иметь какой-либо иной воли, кроме той, которая определена плановым заданием. Если орган юридического лица выражает какие-либо иные намерения, то это означает, что он выражает свою личную волю, а не волю юридического лица» (стр. 81). Но тогда становится непонятной самая роль договора как волевого акта сторон, непонятно соотношение договора и плана, опровергаются даже собственные выводы автора по этим вопросам. Следует признать, что и в этом вопросе прав не автор, а критикуемый им И. Новицкий, предложения которого более соответствуют живой практике — хозяйственной и арбитражной работе.

Особого внимания заслуживает исследование Р. Халфиной актов управления, данная ею классификация этих актов, ее выводы о соотношении планового задания и договора. Эта часть работы наиболее интересна, но и в ней проявились некоторые недостатки, свойственные книге.

Серьезные замечания вызывают высказывания автора о соотношении плана и договора. Прежде всего, неосновательно отождествление взглядов М. Агаркова и И. Новицкого, которые видят в основании обязательства поставки фактический состав планового задания и заключенного на его основе договора, со взглядами авторов, поддерживавшими практику бездоговорных поставок. В сущности, присоединяясь к основной идее М. Агаркова и И. Новицкого о том, что гражданско-правовые обязательства между хозяйственными органами, как правило, возникают только после заключения договора, Р. Халфина отрицает наличие фактического состава, считает, что из планового акта возникает только обязательство заключить договор и не возмещает особой обязанности обеспечить исполнение поставки (см. стр. 159). Р. Халфина считает, что иначе возможно получить исполнение без договора и не было бы стимула к его заключению (стр. 158). Автор при этом почему-то полностью упускает из вида такие стимулы к заключению договора, как материальная ответственность за его незаключение, принцип «обратного действия» договора с начала года, административная ответственность сторон и др.

¹ «Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников», т. III М., 1949, стр. 56 и сл.

Еще менее убедительно утверждение автора о том, что отстаиваемое им мнение «строго проводится в арбитражной практике последних лет» (стр. 159). Здесь мы вновь встречаемся с недостаточным изучением практики: арбитражная практика более соответствует тому выводу, который предложен М. Агарковым и И. Новицким, и явно противоречит тому, что пишет Р. Халфина. Непосредственные практические вопросы, на которые необходимо ответить, — это, в частности, вопрос о характере отношений сторон в начале года до заключения ими договора и вопрос об исполнении особо срочных заданий, обязательных для обеих сторон, за недостатком времени не оформленных договорами. Важность особенно первого вопроса понятна, если учесть, что предельные сроки заключения локальных и прямых договоров в последние годы относились на март месяц, а в отдельных случаях даже позднее. Немаловажен и второй вопрос. Какие же ответы на них дают теоретические выводы Р. Халфиной? Из них очевидно, что гражданско-правовых обязательств в этих случаях нет, так как нет договоров. Но практика арбитража дает на эти вопросы совсем другой ответ и исходит как раз из того, что гражданско-правовые обязанности сторон, возникающие из плана, не сводятся лишь к заключению договора. Арбитраж установил, что в первом квартале года — до истечения срока заключения договоров — допускается отгрузка продукции непосредственно во исполнение планового задания. Арбитражная практика исходит тоже из того, что поставка без договора допустима во исполнение постановлений правительства, предусматривающих особо срочные поставки, когда нет времени для заключения договора¹.

Другой практический вопрос — о последствиях обязательного для сторон изменения планового задания после заключения договора. Верно указание Р. Халфиной, что такое изменение должно влечь изменение договора. Но как быть, если соответствующего соглашения стороны еще не заключили? Автор отвечает: «изменение выделенного фонда не должно механически изменять договорное обязательство» (стр. 166). Это соответствует общей позиции автора. Но это тоже не соответствует практике арбитража, о чем автор упоминает лишь очень бегло (стр. 165).

В заключение следует коснуться гл. IV рассматриваемой работы. Она не является

необходимой для раскрытия главной темы. Уделив шестьдесят страниц рассмотрению множества вопросов этой главы, автор решает их зачастую очень поверхностно, допускает ошибки. Например, анализируя ст. 30 ГК, автор на стр. 189 предлагает столь широкое понятие ущерба, что его применение сделало бы недействительным по ст. 30 ГК любой договор с государственным органом. Совершенно ясно, что такое понимание ущерба повело бы к грубым нарушениям законности.

На стр. 204 Р. Халфина отрицает наличие стадий предложения и принятия при заключении хозяйственных договоров, но какие есть иные стадии, — на этот вопрос ответа нет. Посвящая затем шесть страниц (205—210) порядку заключения договоров, Р. Халфина рассматривает его только по стадиям предложения и принятия. Это и неудивительно, так как это необходимые стадии любого соглашения, без них соглашения быть не может. Особенность же заключения хозяйственных договоров в том, что здесь появляются также новые стадии, поскольку, как это верно определяет Р. Халфина, заключение этих договоров, как правило, происходит в осуществление лежащего на сторонах обязательства (стр. 210). Рассматривая вопрос о заключении договоров розничной купли-продажи, Р. Халфина обоснованно отвергает предложение К. Граве о моменте признания этого договора заключенным и правильно подчеркивает, что это договор — «исполняемый при его заключении» (стр. 214). Но общее понятие договора, совершаемого «за наличный расчет», глубоко не раскрывается, и поэтому предложение автора считать договор розничной купли-продажи заключенным с момента оплаты товара вызывает, в сущности, те же самые возражения, которые заявлены против мнения К. Граве. Практика подсказывает, что договор купли-продажи за наличный расчет предполагает немедленный обмен денег на товар и, значит, может считаться заключенным только с совершением этого обмена, т. е. с исполнением договора. Глава IV вызывает и другие замечания, в частности из-за неглубокого анализа ст.ст. 32 и 33 ГК.

Отмеченные недостатки книги Р. Халфиной «Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве» в большинстве существенны, и хотелось бы, чтобы автор устранил их в своей дальнейшей работе над этой важной темой.

Г. Амерханов

Кандидат юридических наук

¹ См. В. П. Ефимочкин, цит. работа, стр. 79.

ПЛОХИЕ СОВЕТЫ ЛЕКТОРАМ

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний распространило брошюру доктора юридических наук проф. М. Л. Шифмана «Материал к лекции на тему «Социалистическая законность в Советском государстве».

Не претендуя на исчерпывающую критику этой брошюры, я считаю совершенно необходимым обратить внимание на грубые ошибки, допущенные в ней. На стр. 27 брошюры содержатся такие «откровения»: «Сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о сельскохозяйственном налоге», которым значительно снижены нормы обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозников».

Если бы автор потрудился прочесть закон, о котором пишет, он убедился бы, что в этом законе об обязательных поставках не говорится ни слова. Как видно, в представлении т. Шифмана обязательные поставки продуктов сельского хозяйства государству отождествляются с неким натуральным налогом, какого в Советском государстве не существует.

Брошюра предлагается как материал для лекции. Молодые товарищи, простодушно доверяя доктору юридических наук, повторяют его ошибочные утверждения. Мы и обнаружили указанное выше при проверке лекции одного молодого адвоката, составленной им по материалам названной брошюры Шифмана.

Та же страница 27 брошюры пестрит неправильными выражениями: «общественное хозяйство колхозников» (нужно: колхозов), «погектарный принцип поставок» и др.

А. Некорыстнов

Заведующий Кинельской юридической консультацией адвокатов
Куйбышевской области

* * *

Тов. Некорыстнов прав, говоря, что брошюра, кроме отдельных замечаний, требует более основательного разбора.

Автор брошюры проф. Шифман указывает, что основными вопросами его лекции являются: сущность и значение социалистической законности в Советском государстве (стр. 1).

Казалось бы, что в этой работе лекторы, на которых она рассчитана, получают необходимые материалы, показывающие, как в нашей стране осуществляется социалистическая, подлинно народная законность. Однако надежды лекторов не оправдались. Брошюра в значительной степени состоит из набора цитат в кавычках и без кавычек. В материалах для лекции весьма слабо раскрывается роль Коммунистической партии в укреплении социалистической за-

конности в стране. Не показано в должной мере значение решений съездов партии, конференций и Пленумов ЦК КПСС для решения этой задачи. Весьма примитивно и крайне отвлеченно говорится о роли законности в укреплении Советского государства на различных этапах социалистического строительства.

В брошюре есть ссылки на отдельные примеры из судебной и прокурорской практики. Они необходимы и, безусловно, полезны. Но было бы глубоко ошибочным предполагать, что полностью характеризовать борьбу за укрепление законности в стране возможно только деятельностью суда и прокуратуры. Ведь, известно, что контроль за соблюдением Конституции СССР относится к ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и государственного управления. По Конституции СССР Совет Министров СССР принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан; охрана государственного порядка, соблюдение законов и охрана прав граждан возлагаются также на местные органы государственной власти. О деятельности же указанных органов власти и управления в развитии и укреплении социалистической законности в брошюре почти ничего не говорится. Говоря о социалистической законности в Советском государстве, проф. Шифман почему-то обходит деятельность исполнительных и распорядительных органов, направленную на ее укрепление.

Это, конечно, неправильно. Автор направляет лекторов по ложному пути. Повседневная деятельность органов государственной власти и управления, практика советского строительства вооружают каждого лектора боевой программой в пропаганде советского права.

Автор брошюры неправильно, ошибочно излагает некоторые вопросы. Так, рассматривая вопрос о том, кому в СССР принадлежит законодательная власть, проф. Шифман пишет: «Право Совета Министров СССР, как высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти, ограничено изданием постановлений и распоряжений на основе и во исполнение действующих законов» (стр. 9). Таким образом, автор брошюры обнаруживает непонимание сущности исполнительной и распорядительной деятельности в СССР. О каком ограничении может здесь идти речь, если по Конституции СССР Совет Министров СССР не наделяется законодательной властью, как не присущей ему! Ограничивать — это значит уменьшать объем прав. В данном случае ничего подобного нет. Указание автора может лишь сбить с толку лекторов.

Далее проф. Шифман пишет: «Надо особо отметить, что в вопросе о требовании безоговорочного соблюдения социалистической законности нельзя делать различия между законами и другими нормативными актами» (стр. 10).

Интересы дальнейшего укрепления социалистической законности, действительно, несовместимы с какими бы то ни было нарушениями законов или актов, изданных на основе или во исполнение законов. Но из этого вовсе не следует, что нужно ставить знак равенства между законом, который издается высшим органом власти, и нормативным актом, принятым тем или иным органом управления в пределах его компетенции. Не в интересах социалистической законности игнорировать различие между законом и другими актами. Законом, как известно, регулируются важные моменты в государственной жизни; акты же, которые принимаются тем или иным местным органом управления, могут касаться и частного явления.

Если с точки зрения «безоговорочного соблюдения социалистической законности» нельзя делать различия между законом и другим актом, то, спрашивается, почему за нарушение некоторых законов устанавливается уголовная ответственность, а несоблюдение предписаний нормативных актов местных органов влечет за собой лишь административную, дисциплинарную ответственность?

Если статья на точку зрения проф. Шифмана, то становится непонятным, почему возникает различная ответственность за различные правонарушения. Подход, рекомендуемый автором брошюры, объективно снижает авторитет закона и никак не согласуется с требованиями по дальнейшему укреплению правопорядка в стране.

На стр. 17 автор указывает, что Устав сельскохозяйственной артели «сыграл исключительно важную роль в обеспечении роста социалистической формы сельского хозяйства, умножении колхозной собственности, в повышении зажиточности колхозников».

Возникает вопрос: почему «сыграл»? Устав был и есть высшим законом колхозной жизни. Он и ныне, как и раньше, имеет огромное значение для дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Это прямо вытекает из решений XIX съезда партии и последующих решений Пленума ЦК КПСС.

Вызывает недоумение указание автора на то, что социалистическая законность обеспечивает труд и отдых тружеников Советского Союза (стр. 27). Известно, что законность охраняет труд и отдых трудящихся. Право на труд в СССР обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы, а право на отдых обеспечивается установлением для рабочих и служащих восьмичасового рабочего дня и сокращением рабочего дня для ряда профессий, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов (ст. ст. 118, 119 Конституции СССР).

В брошюре имеются и другие неточности. Необходимо, чтобы наши научно-исследовательские юридические учреждения подготовили к печати качественные работы, призванные помочь нашим практическим работникам вести правовую пропаганду.

А. Коган

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

РЕАЛЬНЫЕ И ИДЕАЛЬНЫЕ ДОЛИ СТРОЕНИЯ

Нотариус нотариальной конторы г. Шахты Каменской области т. Болдырева просит объяснить, почему отчуждение строений происходит не в реальных, а в идеальных долях. Тов. Болдырева указывает, что она давно работает в нотариальной конторе и для нее не ясны те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая эту норму.

Редакция помещает консультацию по этому вопросу.

Действующий закон устанавливает, что право собственности на строение может принадлежать сообща — по долям (общая собственность). При общей собственности не может иметь место деление строения на конкретные (реальные) части, так как строение недробимо по своему характеру: разделение строения на реальные части (этажи, комнаты) противоречило бы понятию строения как единого хозяйственного объекта и архитектурного целого.

Каждый собственник имеет право на все строение, а не на его долю. По долям делится самое право собственности. Доля является мерилем участия каждого собственника в выгодах и расходах, связанных с общим строением.

Участники общей собственности совместными усилиями обязаны поддерживать строение в исправности, правильно его эксплуатировать, а также выполнять требования органов архитектурно-строительного контроля, пожарного надзора, санитарной инспекции и т. д.

Владение, пользование и распоряжение общим строением производится по согласию всех участников. Если общего согласия не достигнуто, то вопрос разрешается по большинству голосов (ст. 62 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик).

Однако это не исключает распоряжения собственника своей долей. Каждый собственник вправе распорядиться принадлежащей ему долей по своему усмотрению, т. е. он может ее подарить, продать и т. д.

Отчуждение доли строения допускается лишь в идеальных долях: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{2}{5}$ и т. д.

Нотариальные конторы в своей деятельности должны соблюдать указанное требование закона и не допускать удостоверения договоров об отчуждении строений в реальных долях. На недопустимость удостоверения такого рода договоров нотариальными конторами имеется указание в положениях о государственном нотариате союзных республик, в инструкциях мини-

стерств юстиции союзных республик по применению указанных положений и в приказе НКЮ СССР от 26 августа 1942 г. № 83.

При обращении в нотариальную контору граждан с просьбой удостоверить договор, по которому будут отчуждаться реальные доли строения (в виде определенной комнаты или квартиры), необходимо разъяснить сторонам о недопустимости дробления строения на конкретно выделенные части.

Когда строение (домовладение) состоит из двух или более жилых построек, продажа одной из них недопустима до выделения ее исполкомом местного совета в отдельное строение с самостоятельным земельным участком. Если такое выделение признано недопустимым, продаже подлежит лишь идеальная доля.

При отчуждении доли строения остальным участникам общей собственности принадлежит право преимущественной покупки (ст. 64 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик). Право на преимущественную покупку отпадает при продаже доли с публичных торгов. При отчуждении доли общего строения продавец должен представить доказательство о том, что все прочие совладельцы строения извещены о предстоящей продаже указанной доли и о цене, за которую она продается, кроме тех случаев, когда место нахождения того или иного совладельца строения неизвестно. Доказательством может служить заявление совладельцев строения, подписи которых должны быть засвидетельствованы нотариальной конторой, или удостоверение нотариальной конторы о посланном в порядке п. 58 положения о Государственном нотариате РСФСР и соответствующих пунктов положений других союзных республик извещении другим совладельцам о предстоящей продаже доли.

Совладельцы в дополнение к договору об отчуждении строения могут заключить соглашение о порядке пользования строением с указанием конкретных частей строения (комнат, квартир, этажей и т. д.), которыми каждый из совладельцев должен пользоваться.

Договор о порядке пользования строением и земельным участком по желанию сторон может быть удостоверен нотариальным порядком.

Споры о порядке пользования общим строением, а равно земельным участком, находящимся при данном домовладении, разрешаются судом.

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Неправильное разрешение дела по спору между супругами о взыскании средств на содержание

Решением от 19 декабря 1950 г. Киевский областной суд отказал в иске Романюк Т. о взыскании со Знаменского Б. средств на содержание. По кассационной жалобе Романюк Верховный суд Украинской ССР определением от 12 января 1951 г. отменил решение областного суда и удовлетворил иск Романюк, обязав Знаменского к уплате алиментов по 400 руб. ежемесячно.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене определения Верховного суда Украинской ССР удовлетворен Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР по следующим основаниям:

Из дела видно, что стороны ранее состояли в браке, который 18 мая 1950 г. был расторгнут. В судебном заседании при рассмотрении дела о расторжении брака Знаменский добровольно изъявил согласие уплачивать Романюк по 400 руб. в месяц до 17 октября 1950 г. В октябре 1950 года Романюк предъявила в суде иск к Знаменскому о взыскании алиментов, ссылаясь на свою инвалидность III группы. При рассмотрении дела в областном суде было установлено, что истица трудоспособна, а потому в иске ей было отказано.

Верховный суд Украинской ССР, отменяя правильное решение суда, указал, что состояние здоровья истицы не изменилось с момента расторжения брака с ответчиком, а потому нет основания к освобождению ответчика от уплаты алиментов. Между тем из материалов дела усматривается, что Романюк трудоспособна, работает в тресте отделочных работ в должности инженера с окладом 860 руб. в месяц и, кроме того, получает с ответчика алименты на содержание дочери по 1024 руб. в месяц, а потому у Верховного суда Украинской ССР оснований к удовлетворению иска не было. Согласившись с доводами протеста Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Украинской ССР от 12 января 1951 г., оставив в силе решение Киевского областного суда от 19 декабря 1950 г.

Если истец по делу о расторжении брака не в состоянии явиться в суд по месту жительства ответчика и причина этого является уважительной, то дело следует рассмотреть народному суду по месту жительства истца

В 1951 году Замотов П. обратился по месту своего жительства в народный суд Воскресенского района Саратовской области с заявлением о расторжении брака с Замотовой Е., проживавшей в то время в г. Саратове. В связи с тем, что ответчица Замотова переехала на жительство из одной местности в другую и дело пересылалось из одного народного суда в другой, народный суд Мостовского района Гродненской области 16 февраля 1952 г., рассмотрев дело в отсутствие истца Замотова П. и выслушав объяснение только ответчицы Замотовой Е., которая в судебном заседании против расторжения брака не возражала, вынес определение об окончании дела производством.

Гродненский областной суд 28 ноября 1952 г. отменил определение народного суда и направил дело в народный суд Воскресенского района Саратовской области, который 21 мая 1953 г. снова направил это дело на рассмотрение в народный суд Мостовского района Гродненской области.

Определением народного суда Мостовского района Гродненской области от 31 августа 1953 г. настоящее дело производством прекращено ввиду неявки Замотова П. в суд по вторичному вызову.

Протест прокурора Белорусской ССР об отмене определения Гродненского областного суда от 28 ноября 1952 г. и определения народного суда Мостовского района Гродненской области от 31 августа 1953 г. Верховный суд Белорусской ССР отклонил.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене всех состоявшихся по настоящему делу судебных определений удовлетворен Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, истец Замотов П. обращался в суд с заявлением, в котором просил рассмотреть дело или в его отсутствие или в суде по месту его жительства, так как в связи с инвалидностью (ампутирована нога) он не может передвигаться на большое расстояние. Однако народный суд не обсудил этого ходатайства Замотова П. и направил

дело на рассмотрение в народный суд Мостовского района Гродненской области по месту жительства ответчицы, где дело прекращено ввиду неявки истца по вторичному вызову.

Согласно п. 10 инструкции НКЮ СССР, утвержденной постановлением СНК СССР от 27 ноября 1944 г. № 1622 «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака», только в случае неявки по вторичному вызову без уважительных причин супруга, подавшего заявление о разводе, суд выносит определение о прекращении дела производством. В данном же случае истец вследствие своей инвалидности не может явиться в суд по месту жительства ответчицы по уважительной причине. При этих обстоятельствах у суда не было оснований для прекращения дела производством за неявкой истца в суд.

С учетом состояния здоровья истца Замотова П. настоящее дело необходимо передать на рассмотрение со стадии примирения в народный суд Воскресенского района Саратовской области по месту жительства Замотова, что и сделано определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 28 апреля 1954 г.

Один лишь факт сдачи комнаты в поднаем за плату еще не может служить основанием для изъятия этой площади по иску жилищных органов

Народный суд 2-го участка Кировского района г. Днепропетровска решением от 17 сентября 1953 г. удовлетворил иск районного жилищного управления об изъятии у Румейко В. комнаты. Определением Днепропетровского областного суда от 9 октября 1953 г. решение народного суда оставлено в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР определением от 21 октября 1953 г. отклонила протест прокурора Украинской ССР по настоящему делу.

Считая, что комната у Румейко изъята неправильно и без учета конкретных обстоятельств настоящего дела, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР. Этот протест удовлетворен по следующим основаниям:

Удовлетворяя иск районного жилищного управления об изъятии у Румейко комнаты размером 8,6 кв. м, суд исходил из того, что Румейко систематически сдавала ее в поднаем, извлекая нетрудовые доходы. Между тем, как усматривалось из надзорной жалобы Румейко, она принимала на квартиру студентов, с которых получала по 50 руб. в месяц за то, что оказывала им свои услуги (отопление, уборка и т. п.). Это обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения дела, судом не проверено. Кроме того, суд не учел, что семья Румейко состоит из трех человек — Румейко и двое ее детей, отец

которых погиб на фронте, — и что в случае изъятия комнаты у Румейко останется лишь комната площадью 16 кв. м, по своему размеру явно недостаточная для такой семьи.

Согласившись с доводами протеста Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила отменить решение народного суда и определение Днепропетровского областного суда и передать дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе с участием прокурора.

Перевод работника из одного предприятия в другое может последовать лишь с согласия рабочего или служащего (ст. 37 Кодекса законов о труде), если только этот работник не переводится в порядке, предусмотренном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г.

Агупов Г., работавший на шахте № 36/6 в качестве бутчика, 23 июня 1953 г. без его согласия приказом начальника шахты, был переведен в распоряжение шахты «Пологая» на постоянную работу. Агупов с этим переводом не согласился и предъявил иск в суд о восстановлении на работе в шахте № 36/6. Народный суд 3-го участка Ильичевского района Ворошиловградской области решением от 16 октября 1953 г. отказал в иске Агупову.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР, которая 29 апреля 1954 г. отменила решение народного суда об отказе Агупову в иске на том основании, что Агупов был переведен с одной шахты на другую, т. е. с одного предприятия на другое, без его на то согласия, тогда как такой перевод может быть произведен согласно ст. 37 Кодекса законов о труде лишь по соглашению с работником, за исключением перевода на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г., чего в данном случае не было.

В случае выселения ответчика на основании отмененного впоследствии судебного решения суд при новом рассмотрении дела, установив, что иск удовлетворению не подлежит, должен разрешить вопрос о повороте исполнения решения суда

Погуляев предъявил иск о выселении Радченко и взыскании с нее квартирной платы ввиду того, что домовладение, в котором проживает ответчик, принадлежит ему, Погуляеву, по праву личной собственности и что помещение необходимо ему для личного проживания.

При первоначальном рассмотрении дела иск Погуляева был удовлетворен. Решение суда было приведено в исполнение, и Радченко выселена. В дальнейшем решение суда о выселении Радченко было отменено, дело принято к производству областным

судом, который решением от 6 ноября 1952 г. постановил в иске Погуляеву о выселении Радченко отказать, поворота исполнения судебного решения не производить, оставив Погуляева на спорной площади, взыскать с Радченко в пользу Погуляева 438 руб. задолженности по квартирной плате.

Считая решение областного суда в части отказа в повороте исполнения решения неправильным, Генеральный Прокурор СССР внес протест в судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР, которая протест удовлетворила по следующим основаниям:

Областной суд Сталинской области Украинской ССР, признав, что исковые требования истца о выселении Радченко являются необоснованными, в иске Погуляеву отказал. При таких обстоятельствах, поскольку Радченко была выселена на основании ранее вынесенного решения, она вправе требовать вселения на прежнюю площадь. Между тем областной суд, впадая в противоречие со своими же выводами, отказал Радченко в повороте исполнения решения суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР определила: исключить из решения областного суда ту часть, которая касается поворота исполнения решения суда.

Если суд принимает решение вопреки доказательств, представленным истцом, он должен обосновать свои выводы на иных объективных обстоятельствах дела

Шевченко обратился в народный суд 1-го участка Ленинского района Одессы с иском к управлению рынками района о восстановлении на работе рубщиком мяса. Народный суд, считая, что Шевченко за нарушение правил торговли уволен правильно, отказал ему в иске.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда и оставшего его в силе определения областного суда удовлетворен судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР.

Из материалов дела видно, что Шевченко, работавший рубщиком мяса на рынке Ленинского района Одессы, приказом по управлению рынками уволен за то, что взвешивал мясо покупателям, что Министрством торговли Украинской ССР запрещено. Между тем при рассмотрении дела в суде Шевченко объяснил, что он не взвешивал мясо, а лишь подправлял весы продавца Мещериной. Эти объяснения были подтверждены свидетелями, допрошенными в суде. Тем не менее суд, сославшись на необъективность этих показаний, отказал в иске Шевченко.

Однако, отвергая показания свидетелей, народный суд ничем не мотивировал свой вывод по делу, тогда как обязан был сделать это, если располагал иными объектив-

ными обстоятельствами дела. При таком положении решение суда не может быть признано убедительным и обоснованным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Украинской ССР определила: отменить решение народного суда и определение Одесского областного суда и дело передать на новое рассмотрение в ином составе суда с участием прокурора.

Если предприятие по вине работника вынуждено произвести излишние или штрафные выплаты, то согласно п. «б» ст. 83 Кодекса законов о труде рабочие и служащие несут за это имущественную ответственность в размере действительного ущерба, но не свыше одной трети своей тарифной ставки

С Таджикского республиканского управления «Главторчермет» в пользу управления железной дороги был взыскан штраф в сумме 1010 руб. за простой вагонов под погрузкой. Считая, что простой вагонов имел место по вине крановщика Бирюкова, который явился на работу в нетрезвом состоянии, администрация управления «Главторчермет» произвела начет на Бирюкова, обязав его уплатить возмещение убытков 939 руб., и произвела удержание из его заработной платы 228 руб. (одна третья часть тарифной ставки). Бирюков, считая действия администрации неправильными, в июле 1953 года обратился с заявлением в народный суд о взыскании удержанной с него суммы. Народный суд 1-го участка Железнодорожного района г. Сталинабада 11 августа 1953 г. в иске Бирюкову отказал, и это решение было оставлено в силе Верховным судом Таджикской ССР. В сентябре 1953 года управление «Главторчермет» обратилось с иском к Бирюкову о взыскании с него 893 руб., указав на то, что Бирюков в августе 1953 года был уволен с работы и с него не было полностью произведено удержание сумм (939 руб.), отнесенных ранее в начет Бирюкову, и, кроме того, по вине Бирюкова управлением 7 августа 1953 г. был вторично уплачен штраф за простой вагонов в сумме 183 руб.

Народный суд 1-го участка Центрального района Сталинабада 17 ноября 1953 г. постановил иск удовлетворить частично в сумме 551 руб., признав при этом, что за простой вагонов 7 августа 1953 г. Бирюков не несет материальной ответственности, поскольку в этот период времени он работал шофером, и что по уточненным данным за простой вагонов в марте 1953 года сумма ущерба составляет не 939 руб., а лишь 779 руб., из которых 228 руб. уже взысканы с Бирюкова.

Верховный суд Таджикской ССР 2 декабря 1953 г. решение оставил в силе.

Считая, что оба дела разрешены судами в противоречии с п. «б» ст. 83 Кодекса законов о труде, Генеральный Прокурор

СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Протест удовлетворен по следующим основаниям:

Согласно п. «б» ст. 83 Кодекса законов о труде рабочие и служащие несут имущественную ответственность в размере действительного ущерба, но не свыше одной трети своей тарифной ставки, если ущерб вызван необходимостью для предприятия или учреждения произвести излишние или штрафные выплаты по вине работника. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям» предусмотрено, что в этих случаях возмещение ущерба производится путем вычета соответствующей суммы из заработной платы работника по распоряжению руководителя учреждения или предприятия и это распоряжение может быть сделано не позднее месячного срока со дня обнаружения причиненного работником ущерба.

Если работником в семидневный срок со дня сообщения распоряжения о вычете будет заявлено о незаконности вычета или о неправильности его размера, то вычет не производится и вопрос вносится руководителем учреждения в четырнадцатидневный срок на разрешение РКК, а в надлежащих случаях в народный суд. Поскольку с Бирюкова ранее была удержана из зарплаты третья часть его тарифной ставки (228 руб.), управление «Главторчермет» неосновательно обратилось в суд с иском о взыскании с Бирюкова сумм в размере полного возмещения причиненных убытков.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 15 мая 1954 г. определила: объединить оба названных выше дела в одно производство; оставить в силе решение народного суда от 11 августа 1953 г. и определение Верховного суда Таджикской ССР от 28 августа 1953 г. об отказе Бирюкову в иске к управлению «Главторчермет» о взыскании удержанных из его заработной платы 228 руб.; отменить решение народного суда от 17 ноября 1953 г. и определение Верховного суда Таджикской ССР от 2 декабря 1953 г. по иску «Главторчермет» к Бирюкову о взыскании 551 руб. и в этом иске отказать.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

При наличии умысла на убийство действия виновного не могут квалифицироваться как причинение тяжких телесных повреждений

По приговору народного суда Коктерекского района Джамбулской области Казахской ССР 18 сентября 1953 г. Черепанов осужден по ст. 136, ч. I, п. «а», УК РСФСР к десяти годам лишения свободы.

27 октября 1953 г. Джамбулский областной суд оставил в силе приговор народного суда.

29 декабря 1953 г. Верховный суд Казахской ССР, рассмотрев это дело по протесту председателя Верховного суда республики, переквалифицировал преступление, совершенное Черепановым, со ст. 136, ч. I, п. «а», УК на ст. 142, ч. II, УК РСФСР, сократил назначенный ему срок лишения свободы до пяти лет и на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» от дальнейшего отбывания наказания его освободил со снятием судимости.

Считая определение Верховного суда Казахской ССР от 29 декабря 1953 г. по делу Черепанова необоснованным, Генеральный Прокурор СССР опротестовал его по следующим основаниям:

Суд признал Черепанова виновным в том, что 9 декабря 1952 г. он вместе с Родиным, Паньковым и Черных (осужденными по этому же делу) по мотивам мести нанес железными предметами удары гр-ну Еременко, в результате чего тот через непродолжительное время скончался.

Верховный суд Казахской ССР переквалифицировал преступление Черепанова со ст. 136, ч. I, п. «а», УК на ст. 142, ч. II, УК, сославшись на то, что Черепанов якобы не имел предварительной договоренности с Родиным, Паньковым и Черных об убийстве Еременко, что он случайно оказался в одной компании с этими лицами и по случайным обстоятельствам принял участие в драке. Между тем это утверждение Верховного суда Казахской ССР противоречит фактическим обстоятельствам дела.

Из материалов дела усматривается, что Родин, Паньков и Черных, имея намерение расправиться с Еременко за то, что он, по их предположению, присвоил принадлежащие им часы, предложили Черепанову принять участие в расправе над Еременко, на что последний согласился и отправился вместе с ними на автомашине разыскивать Еременко. Нагнав Еременко, Черепанов вышел из автомашины, подошел к нему и нанес ему по голове несколько ударов лопатой и металлической ручкой от автомашины. От полученных телесных повреждений Еременко вскоре скончался. Таким образом, Черепанов первый нанес удары Еременко, и именно от телесных повреждений, причиненных Черепановым, Еременко скончался.

Как видно из материалов дела, действия Черепанова были направлены на лишение жизни Еременко; нанося Еременко удары железными предметами по голове, Черепанов предвидел, что они повлекут за собой смертельный исход. Поэтому Верховный суд Казахской ССР явно неосновательно переквалифицировал действия Черепанова со ст. 136, ч. I, п. «а», УК на ст. 142, ч. II, УК и применил в отношении Черепанова, виновного в умышленном убийстве, указ от 27 марта 1953 г. «Об амнистии».

На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене определения Верховного суда от 29 декабря 1953 г. по делу Черепанова и об оставлении в силе без изменений вынесенного ему приговора.

5 мая 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР по делу Черепанова.

Присвоение личной собственности граждан путем злоупотребления доверием не может квалифицироваться как кража

По приговору народного суда 2-го участка Сталинского района Карагандинской области от 12 мая 1953 г. осужден Шабакбаев по ст. 1, п. 2, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к шести годам заключения в исправительно-трудовых лагерях со взысканием 3500 руб. в пользу Бейсекова. На основании указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» наказание Шабакбаеву сокращено наполовину.

Определением Карагандинского областного суда от 23 мая 1953 г. приговор оставлен в силе.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по этому делу по следующим основаниям:

Шабакбаев признан виновным в том, что он 7 октября 1952 г., воспользовавшись отсутствием родителей Бейсековой, путем обмана последней похитил у Бейсековых 3500 рублей. Из материалов дела усматривается, что Шабакбаев знал семью Бейсековых и часто посещал их дом. 7 октября 1952 г. Шабакбаев, находясь в доме Бейсековых, заметил, что у них имеются деньги, хранившиеся в чемодане. В тот же день Галимова, оставив дома свою несовершеннолетнюю дочь Бейсекову, пошла на рынок для продажи там муки, причем Шабакбаев оказал ей помощь в доставке муки к месту продажи. После этого Шабакбаев вернулся в дом Бейсековых, где сказал несовершеннолетней Бейсековой о том, что родители ее якобы просят принести им денег. Поверив Шабакбаеву, Бейсекова открыла чемодан, откуда им были взяты деньги. По возвращении родителей Бейсекова рассказала им, что Шабакбаевым были взяты деньги.

Таким образом, Шабакбаев совершил мошеннические действия, выразившиеся в злоупотреблении доверием Бейсековой, за что он подлежал судебной ответственности по ст. 169, ч. I, УК.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР поставил вопрос в протесте о перекалфикации преступления Шабакбаева на ст. 169, ч. I, УК РСФСР, о снижении ему наказания до двух лет лишения свободы и об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания на основании ст. 1 указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии».

Верховный суд СССР с протестом согласился.

Ответственность за нарушение трудовой дисциплины на транспорте могут нести лишь работники транспорта

По приговору народного суда 2-го участка Кафанского района Армянской ССР от 12 марта 1952 г. по ст. 74³, ч. I, УК Армянской ССР Пидория осужден к шести годам лишения свободы с поражением в избирательных правах сроком на два года.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР от 8 апреля 1952 г. приговор оставлен в силе.

Пидория, работавший экскаваторщиком строительно-монтажного управления № 2 признан виновным в том, что, находясь 1 марта 1952 г. в нетрезвом состоянии, он поручил пришедшему к нему знакомому — сварщику санитарно-технического монтажного управления Генадину остановить работающий экскаватор. Генадин, не будучи в курсе дела, поднялся на экскаватор по лебедке, одежда его зацепилась за зубчатое колесо лебедки, которое затащило его на вращающееся колесо, и Генадин был задавлен.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по следующим основаниям:

Виновность Пидория материалами дела доказана, однако преступление квалифицировано по ст. 74³, ч. I, УК Армянской ССР неправильно, ибо Пидория, не являясь работником транспорта, не может нести ответственность по этой статье УК. Преступление Пидория, повлекшее за собой смерть Генадина, следует квалифицировать как неосторожное убийство — по ст. 165 УК Армянской ССР.

Верховный суд СССР согласился с доводами протеста и внес в приговор соответствующие изменения 14 апреля 1954 г.

Неправильное прекращение судом второй инстанции дела о хулиганстве

По приговору Кустанайского областного суда от 24 октября 1953 г. Контауров Нургуат осужден по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР к двум годам лишения свободы.

Определением Верховного суда Казахской ССР от 14 ноября 1953 г. приговор отменен и дело производством прекращено.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по следующим основаниям:

Контауров признан виновным в том, что он 2 августа 1953 г. в 11 час. вечера в нетрезвом состоянии зашел в больницу, где находился на излечении его больной ребенок, и совершил там хулиганские действия, выразившиеся в том, что, когда дежурный больницы ввиду позднего времени не разрешил ему зайти в помещение больницы, он сорвал дверь с крючков, разбил стекла в окнах и нецензурно ругал работников больницы.

Прекращая дело производством, Верховный суд Казахской ССР сослался на то, что Контауров не совершил беспричинных

действий, что он пришел в больницу к своему больному ребенку и имел намерение разрешить с главным врачом вопрос о переводе ребенка в другую больницу.

Эти доводы Верховного суда Казахской ССР являются необоснованными.

Из показаний свидетелей Петровой, Рихтер, Сулейманова, Збаева видно, что Контауров пришел в больницу поздно вечером и учинил описанные выше хулиганские действия, за которые областной суд правильно вынес ему обвинительный приговор.

Рассмотрев протест, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила определение коллегии и направила дело на новое рассмотрение в кассационном порядке с указанием, что при новом рассмотрении дела необходимо обсудить вопрос о назначении Контаурову наказания, не связанного с лишением свободы.

Приговор отменен за мягкостью наказания, назначенного по делу о причинении гражданам тяжких телесных повреждений и сопротивлении представителям власти с применением насилия

По приговору народного суда 2-го участка Сортавальского района Карело-Финской ССР от 22 декабря 1953 г. Зинин и Пулин осуждены по ст.ст. 73, ч. 1, и 142, ч. 1, УК РСФСР по совокупности преступлений к пяти годам лишения свободы каждый.

Определением Верховного суда Карело-Финской ССР от 11 января 1954 г. приговор народного суда оставлен в силе.

Приговор по делу Зинина и Пулина Генеральным Прокурором СССР опротестован по следующим мотивам:

Материалами дела установлено, что Зинин и Пулин вечером 24 октября 1953 г., проезжая в нетрезвом состоянии на мотоцикле по дороге из деревни Харлу в поселок Хамикоски, отказались выполнить требование милиционера Маклакова о предъявлении ему их прав на управление мотоциклом, причем Пулин схватил милиционера за руки и ударил его по голове, а Зинин нанес Маклакову удар железным прутом, когда же милиционер Маклаков попытался уйти от них, Зинин догнал его, сбил с ног и отобрал у него пистолет. Затем Зинин и Пулин набросились на гр-н Вороновского и Курганова, пришедших на помощь Маклакову; Зинин ударил железным прутом по голове гр-на Вороновского, а Пулин топором нанес два удара по голове гр-ну Курганову. Обоим причинены тяжкие телесные повреждения.

Считая, что за оказание сопротивления представителю власти, связанного с насилием, и причинение гр-нам Вороновскому и Курганову тяжких телесных повреждений судом назначена Зинину и Пулину явно мягкая мера наказания, не обеспечивающая должной борьбы с такого рода преступлениями, Генеральный Прокурор СССР

в протесте поставил вопрос об отмене приговора с обращением дела к новому судебному рассмотрению.

13 мая 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР по делу Зинина и Пулина.

Взыскание с должностных лиц материального ущерба, причиненного предприятию в связи с выпуском недоброкачественной продукции, не может иметь места, если должностные лица, осужденные за выпуск недоброкачественной продукции, своими непосредственными действиями этого ущерба не причинили

По приговору Черниговского областного суда от 13 января 1953 г. Слободяник и Кругляк осуждены по ст.ст. 97 и 135³ ч. 1, УК Украинской ССР (ст.ст. 109 и 128 «а», ч. 1, УК РСФСР): первый к восьми годам тюремного заключения, второй — к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы. Кроме того, суд в приговоре постановил взыскать с Слободяника и Кругляка 4738 руб. в пользу Прилукского мебельного комбината в возмещение причиненного ущерба.

Определением Верховного суда Украинской ССР от 6 февраля 1953 г. приговор областного суда оставлен в силе.

В силу указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» Слободяник и Кругляк от отбывания наказания освобождены.

Считая приговор суда по делу Слободяника и Кругляка в части взыскания с них 4738 руб. необоснованным, Генеральный Прокурор СССР принес по делу протест, который мотивирован следующим:

Слободяник, работавший главным инженером Прилукского мебельного комбината, и Кругляк, работавший начальником отдела технического контроля того же комбината, по приговору суда признаны виновными в том, что они не осуществляли надлежащего контроля за качеством выпускаемой продукции, допускали нарушения технических условий по выпуску мебели, вследствие чего в апреле — июне 1952 года комбинатом была выпущена недоброкачественно изготовленная мебель, которая в дальнейшем была забракована экспертом.

Виновность Слободяника и Кругляка в выпуске недоброкачественно изготовленной продукции по делу установлена, однако приговор суда в части взыскания с них в порядке солидарной ответственности 4738 руб. является неправильным.

Из материалов дела усматривается, что Слободяник и Кругляк, исполняя служебные обязанности, не причинили непосредственно своими действиями материального ущерба мебельному комбинату, и поэтому у суда не было оснований взыскивать с них 4738 рублей.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об

изменении приговора в части взыскания со Слободяника и Кругляка 4738 руб. и о прекращении производством дела в этой части.

30 июня 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР по делу Слободяника и Кругляка.

При рассмотрении дела на непонятном для подсудимого языке суд обязан вызвать переводчика. В случае отказа подсудимого от защитника суду надлежит выяснить причины отказа

По приговору областного суда Горно-Бадахшанской автономной области от 4 апреля 1953 г. Курганов А. осужден по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 133, ч. 1, УК Таджикской ССР по совокупности преступлений на десять лет заключения в исправительно-трудовом лагере со взысканием 11 896 руб. в пользу Хорогского мясомолпрома.

Курганов, работавший бухгалтером «Обл-мясомолтреста» Горно-Бадахшанской автономной области с 1947 года по 9 февраля

1953 г., признан виновным в том, что, получив из кассы треста 47 154 р. 96 к., он из этой суммы присвоил 11 896 р. 99 к.

Определением Верховного суда Таджикской ССР от 24 июня 1953 г. приговор изменен: дело в отношении Курганова по ст. 133, ч. 1, УК Таджикской ССР производством прекращено, а наказание по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. на основании указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» сокращено наполовину.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по следующим основаниям:

Курганов, являясь по национальности русским, не владеет таджикским языком. Между тем дело рассматривалось на таджикском языке без переводчика, чем нарушена ст. 14 УПК Таджикской ССР. Кроме того, дело рассматривалось с участием прокурора без адвоката. В деле имеется заявление подсудимого на имя начальника тюрьмы и председателя областного суда об отказе от защитника, но суд не выяснил причины отказа.

По этим основаниям Генеральный Прокурор СССР поставил в протесте вопрос об отмене приговора и о направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Верховный суд СССР согласился с этими доводами и удовлетворил протест.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — За улучшение работы народных судов	1
В интересах дальнейшего укрепления социалистической законности	6
М. Чельцов, В. Радьков — О расширении гарантий законности в советском уголовном процессе	9
Б. Никифоров — Некоторые вопросы квалификации преступлений против личной собственности граждан	17
Б. Антимонов, А. Пергамент — Нужны ли изменения в порядке расторжения брака?	24
Д. Швейцер — Право на жилую площадь члена семьи ответственного съемщика	32
Л. Верещагин — Надзор прокуратуры за исполнением законов в сельском хозяйстве	38
В. Козлов — Повысить активность прокурора в гражданском процессе	43
Н. Светозаров — Шире пропагандировать советские законы среди населения	48
В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ	
С. Марченко — Экспертиза при рассмотрении в суде уголовных дел	50
В ПОМОЩЬ АДВОКАТУ	
Л. Ленский — Защитительная речь адвоката	53
Трибуна Читателя	
Жеренков — Ошибки в разрешении трудовых дел должны быть устранены	58
И. Коршевер — Объем компетенции и формы процессуальной деятельности органов дознания	59
В. Костин — Еще раз об инструкции о порядке исполнения судебных решений	62
Турчин — Из судебной практики по делам о возмещении вреда за увечье	63
Боначенко — Юридическая помощь колхозам	63
Б. Свердлов — Борьба с приписками к государственной отчетности	64
Данильчев — Сроки исковой давности по регрессным искам	65
Есава — Упростить оформление документов в нотариальных конторах	65
А. Ибрагимов — Недостатки производственной практики студентов юридических вузов	67
СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА	
ОБМЕН ОПЫТОМ	
А. Елисеев — Как я выполняю наказ избирателей	72
А. Краснов — 20 лет на посту народного судьи	73
Л. Старосельская — Оправдать высокое доверие избирателей	73
В. Арсеньев — Воспитательная роль народного суда	74
Полянов — Народный заседатель	75
С. Бобылев — Слуга народа	75
Ю. Королев — Судья-общественник	76
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ	
ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	
ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ	

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов,
С. В. Бакшеев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а, тел. К 6-93-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ж-4, Товарищеский пер., 19

Технический редактор Е. Н. Косарева

А06627. Сдано в производство 6/VIII 1954 г. Подписано к печати 16/IX 1954 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Объем: физ. печ. л. 6; условн. печ. л. 8,22 учетно-изд. л. 9,62. Тираж 38 650 экз. Зак. 1031. Цена 3 руб.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.
13-я типография. Москва, Гарднеровский пер., 1а.